

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ЕКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ / JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY

Читайте в номере:

Интервью с Арне Каллебергом

В условиях роста незащищённости на рынке труда и неравенства между хорошими и плохими работами

Барсукова С. Ю., Коробкова А. Д.

Вступление России в ВТО
в зеркале российских печатных СМИ

Сален П. Вернуться к капитализму,
чтобы избежать кризисов

Алмакаева А. М., Костенко В. В.

Трансграничный перевод пенсионных прав
в странах Евразийского экономического сообщества и Европейского союза

**Экономическая
социология**
Т. 15. № 4.
Сентябрь 2014

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 20, комн. 406
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

The electronic journal “Economic Sociology” was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by the National Research University Higher School of Economics (HSE).

“Economic Sociology” is aimed at consolidating international standards of studies in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

“Economic Sociology” is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. “Economic Sociology” provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. “Economic Sociology” also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and the related fields, which can be of interest for economic sociologists.

“Economic Sociology” has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises of research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

“Economic Sociology” is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). “Economic Sociology” provides permanent free access to all issues in PDF. “Economic Sociology” applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for the authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

Economic Sociology
Vol. 15. No 4.
September 2014

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Экономическая
социология**
Т. 15. № 4.
Сентябрь 2014

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год:

№ 1 – январь
№ 2 – март
№ 3 – май
№ 4 – сентябрь
№ 5 – ноябрь

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:
Редакторы выпуска:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)
Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)
Миллер Соня (США)
Мишина Мария Евгеньевна (Россия)
Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Вёрстка:
Корректор:
Ответственный секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)
Назарбаева Елена Алексеевна (НИУ ВШЭ, Россия)
Бердышева Елена Сергеевна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Международный редакционный совет

Ашвин Сара
(Ashwin, Sarah)

Лондонская школа экономики и политических наук
(Великобритания)

Гербер Тед
(Gerber, Ted)

Висконсинский университет в Мэдисоне
(США)

Гусева Аля (Guseva, Alya)

Университет Бостона (США)

Зависка Джейн (Zavisca, Jane)

Университет Аризоны (США)

Линднер Петер
(Lindner, Peter)

Университет Франкфурта-на-Майне
им. И. В. Гёте (Германия)

Сводер Кристофер
(Swader, Christopher)

НИУ ВШЭ (Россия)

Якубович Валерий
(Yakubovich, Valery)

Бизнес-школа ESSEC (Франция)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Лапин
Николай Иванович

Институт философии РАН (Россия)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

Независимый институт социальной
политики (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Рывкина
Розалина Владимировна

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

Шанин Теодор

Московская Высшая школа
социальных и экономических наук (Россия)

Шкаратан Овсей Ирмович

НИУ ВШЭ (Россия)

- National Research University Higher School of Economics
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:

Vadim Radaev (HSE, Russia)

Editors:

Tatyana Sokolova (HSE, Russia)

Sonya Miller (USA)

Maria Mishina (Russia)

Design and Making-up:

Proofreader:

Nadezda Andrianova (HSE, Russia)

Managing Editor:

Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)

Editorial Staff:

Elena Nazarbaeva (HSE, Russia)

Elena Berdysheva (HSE, Russia)

International Editorial Council

Sarah Ashwin

The London School of Economics
and Political Science (UK)

Ted Gerber

University of Wisconsin-Madison (USA)

Alya Guseva

Boston University (USA)

Peter Lindner

Goethe University Frankfurt (Germany)

Christopher Swader

HSE (Russia)

Valery Yakubovich

ESSEC Business School (France)

Jane Zavisca

The University of Arizona (USA)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova

Institute of Economics and Industrial
Engineering of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexander Chepurenko

HSE (Russia)

Vladimir Gimpelson

HSE (Russia)

Lyudmila Khakhulina

Yuri Levada Analytical Center (Russia)

Nikolay Lapin

Institute of Philosophy of Russian Academy
of Sciences (Russia)

Tatyana Maleva

Institute of Social Analysis and Forecasting,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration (Russia)

Lilia Ovcharova

Independent Institute for Social Policy
(Russia)

Vadim Radaev (Editor-in-Chief)

HSE (Russia)

Rozalina Ryvkina

HSE (Russia)

Theodor Shanin

Moscow School of Social
and Economic Sciences (Russia)

Ovsey Shkaratan

HSE (Russia)

Yuriy Veselov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vadim Volkov

European University at Saint Petersburg
(Russia)

Содержание

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 9

Интервью

В условиях роста незащищённости на рынке труда
и неравенства между хорошими и плохими работами:
интервью с Арне Каллебергом
(перевод *Р. Решетевой*) 11

Новые тексты

С. Ю. Барсукова, А. Д. Коробкова
Вступление России в ВТО в зеркале российских печатных СМИ 20

Расширение границ

П. Сален
Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов
(перевод *Д. Кралечкина*) 45

Профессиональные обзоры

А. М. Алмакаева, В. В. Костенко
Трансграничный перевод пенсионных прав в странах
Евразийского экономического сообщества и Европейского союза 53

Конференции

XVI Апрельская международная научная конференция
«Модернизация экономики и общества»,
7–10 апреля 2015 г., Москва, Россия 68

Статьи на английском языке / Articles in English

Interviews

Growing Job Insecurity and Inequality between
Good Jobs and Bad Jobs: An Interview with Arne Kalleberg 71

Professional Reviews

Olga Gurova
Institutionalization of the Sociology of Consumption in Russia 76

New Books

Alexander Kurakin

Explaining Economic Growth in China: Testing Sociological Tools for Validity 107

Conferences

Lili Di Puppo

The International Summer School on “The Role of Informality
in Socio-Economic Transition Environments 115

Contents

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 9

Articles in Russian

Interviews

Growing Job Insecurity and Inequality between Good Jobs
and Bad Jobs: An Interview with Arne Kalleberg..... 11

New Texts

Svetlana Barsukova, Anastasia Korobkova
Russia's Accession to the WTO in the Mirror of Russian Print Media 20

Beyond the Borders

Pascal Salin
Returning to Capitalism in Order to Escape Crises (an excerpt)..... 45

Professional Reviews

Anna Almakaeva, Veronika Kostenko
Portability of Pension Rights in the EurAsEC Countries and the European Union 53

Conferences

XVI April International Academic Conference on Economic
and Social Development, Moscow, National Research University
Higher School of Economics (HSE), April 7–10, 2015..... 68

Articles in English

Interviews

Growing Job Insecurity and Inequality between Good Jobs
and Bad Jobs: An Interview with Arne Kalleberg..... 71

Professional Reviews

Olga Gurova
Institutionalization of the Sociology of Consumption in Russia 76

New Books

Alexander Kurakin
Explaining Economic Growth in China: Testing Sociological Tools for Validity..... 107

Conferences

Lili Di Puccio

The International Summer School on “The Role of Informality
in Socio-Economic Transition Environments” 115

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Журнал продолжает двигаться вперёд. До конца года мы подаём пакет документов для рассмотрения участия журнала в международной базе данных научного цитирования «Scopus» и надеемся на положительное решение.

Тем временем представляем новый номер нашего журнала.

В рубрике «**Интервью**» публикуется беседа с *Арне Каллебергом*, профессором социологии факультета социологии Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл. Каллеберг рассказал о концепции «безопасной гибкости» на рынке труда, обсудил свою недавно вышедшую книгу «Good Jobs, Bad Jobs» («Хорошие работы, плохие работы», 2011), порекомендовал наиболее интересные и релевантные книги в изучаемой им области. Провели интервью *Т. С. Карабчук* и *А. В. Шевчук*. В английском приложении данного номера

текст интервью публикуется также на языке оригинала.

В рубрике «**Новые тексты**» выходит статья доктора социологических наук *С. Ю. Барсуковой* и магистра социологии *А. Д. Коробковой* (НИУ ВШЭ) «Вступление России в ВТО в зеркале российских печатных СМИ». В статье на основе контент-анализа материалов в ведущих российских печатных изданиях анализируется динамика дискуссии по вопросу вступления России в ВТО. Особое внимание уделяется аргументации, используемой сторонниками и противниками присоединения, включая бизнесменов, политиков, экспертное сообщество и журналистов.

В нашей рубрике «**Расширение границ**» мы публикуем перевод заключения к книге *Паскаля Салена*, профессора экономики Университета Париж-Дофин, «Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов» («Revenir au capitalisme pour éviter les crises», 2010). В нём автор ставит проблему нарушения принципов морали, приводящего к кризисам капиталистических систем. П. Сален рассматривает различные виды этики, обсуждает вопросы нравственности капитализма как такового, рассуждает о том, насколько правомерно утверждать, что причины финансового кризиса 2007–2009 гг. находятся в сфере этического кризиса, а также приходит к выводу, что основным источником аморальности является государственное вмешательство. Фрагмент книги публикуется с разрешения Издательства Института им. Е. Т. Гайдара, где готовится её издание на русском языке.

В рубрику «**Профессиональные обзоры**» мы включили материал кандидата социологических наук *А. М. Алмакаевой* и *В. В. Костенко* (Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ) «Трансграничный перевод пенсионных прав в странах Евразийского экономического сообщества и Европейского союза». Анализируя существующие на пространстве ЕврАзЭС и Европейского союза (ЕС) международные соглашения по поводу пенсионных систем, авторы выявляют территориальный принцип с назначением пенсии по правилам страны постоянного проживания и пропорциональный принцип с начислением пенсий по правилам государства, на территории которого был приобретён трудовой стаж. В работе подчёркивается необходимость внедрения пропорционального принципа на всём пространстве ЕврАзЭС.

В рубрике «**Конференции**» мы анонсируем XVI Апрельскую международную научную конференцию по проблемам развития экономики и общества, проводимую ежегодно Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка. Следующая конференция состоится 7–10 апреля 2015 г. в Москве.

В раздел с материалами на английском языке, кроме интервью с профессором Арне Каллебергом, включены ещё три текста.

В английском приложении данного номера предлагается аналитический обзор *О. Ю. Гуровой* (научный сотрудник отделения социологии факультета социальных наук Хельсинского университета). Он посвящён исследованию процесса институционализации социологии потребления в России. Опираясь на обзор публикаций и данные экспертных интервью, автор рассматривает развитие социологии потребления (тематик исследования и подходов) в советской и постсоветской России, изучает процесс появления и особенности функционирования этой отрасли социологии как университетской дисциплины и анализирует сообщество учёных, занимающихся исследованиями в сфере потребления.

Мы публикуем в английском приложении журнала рецензию на новую книгу Виктора Ни и Сони Оппер «*Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China*» (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012). Авторы книги пытаются ответить на вопрос о том, каким образом Китаю, остающемуся коммунистической и авторитарной страной, удалось достичь столь впечатляющих экономических успехов. Рецензия подготовлена *А. А. Куракиным*.

В завершение даётся обзор работы международной Летней школы «*The Role of Informality in Socio-Economic Transition Environments*», прошедшей в Москве 30 июня — 6 июля 2014 г. и организованной совместно НИУ ВШЭ и Свободным университетом (Берлин, Германия). Материал подготовлен Лили де Пуппо, принимавшей участие в организации школы.

* * *

Вместе с Лабораторией экономико-социологических исследований редакция журнала переехала в только что построенное здание в центре Москвы. Вид на Мясницкую улицу из огромного окна на пятом этаже непременно вдохновит нас на новые свершения.

ИНТЕРВЬЮ

В условиях роста незащищённости на рынке труда и неравенства между хорошими и плохими работами: интервью с Арне Каллебергом

КАЛЛЕБЕРГ Арне — профессор социологии факультета социологии Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл.

Адрес: США, Северная Каролина 27599-3210, Чапел-Хилл, Гамильтон Холл 3210.

Email: Arne_Kalleberg@unc.edu

Перевод с англ. Регины Решетевой.

Интервью с Арне Каллебергом состоялось в рамках конференции «Embeddedness and Beyond: Do Sociological Theories Meet Economic Realities?» («Укоренённость и за её пределами: объясняют ли социологические теории экономическую реальность?»), проходившей в Москве 25–28 октября 2012 г. На этой конференции профессор Каллеберг представил своё новое исследование «The Growth of Precarious Work: A Challenge for Economic Sociology» («Рост ненадёжной занятости: вызов для экономической социологии»). Интервью провели Татьяна Карабчук и Андрей Шевчук, старшие научные сотрудники ЛЭСИ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В интервью Арне Каллеберг рассказал, чем, на его взгляд, различаются термины «защищённость на рынке труда» и «стабильность занятости», и объяснил, почему более важно развести понятия «защищённость на рынке труда» и «гарантия занятости». Профессор Каллеберг также объяснил рост нестандартной занятости и поместил данный концепт в исторический контекст. При этом внимание профессора Каллеберга было сконцентрировано на последствиях изменений в структуре трудовых отношений для индивидов и для организаций. В качестве вклада в решение этой проблемы Арне Каллеберг предлагает свою концепцию «безопасной гибкости». Под этим концептом понимается метаполитика, призванная предоставить работодателям свободу для создания гибких форм занятости, но в то же время защищающая интересы работников.

В заключение профессор Каллеберг обсудил свою недавно вышедшую книгу «Good Jobs, Bad Jobs» («Хорошие работы, плохие работы») [Kalleberg 2011], в которой рассматриваются проблемы усиления неравенства и поляризации, выходящие за пределы экономических показателей и распространяющиеся также на неэкономические характеристики труда. А. Каллеберг поделился с нами своими планами, в рамках которых будет продолжена работа над изучением ненадёжной занятости, но уже в контексте сравнительных международных исследований. Завершая интервью, профессор Каллеберг порекомендовал наиболее интересные и релевантные книги, в которых обсуждаются данные темы.

Ключевые слова: рынок труда; нестандартная занятость; ненадёжная занятость; модель «безопасной гибкости»; временная работа; будущее труда; глобализация.

— Для начала не могли бы Вы рассказать немного о том, как Вы понимаете защищённость на рынке труда (*job security*) и стабильность занятости (*job stability*). Известно, что существуют работы, в которых эти термины толкуются по-разному. А как Вы считаете, они имеют разные или сходные значения?

— На мой взгляд, между этими терминами есть небольшие различия. Говоря о стабильности занятости, мы имеем в виду возможность сохранить своё рабочее место в долгосрочной перспективе. Тогда как под защищённостью на рынке труда понимается вероятность потерять работу и тот уровень защищённости, который она предоставляет. Так что в определённом смысле эти термины очень похожи, но есть нюансы. Гораздо более интересные различия можно провести между понятиями «защищённость на рынке труда» (*job security*) и «гарантия занятости» (*employment security*). Если человек потерял работу, но при этом у него есть возможность найти альтернативу на рынке труда, то в этом случае мы имеем дело с гарантией занятости. Я считаю, что гарантия занятости имеет большее значение, нежели гарантия конкретного рабочего места. Ведь работу можно найти или потерять, главное, чтобы для незанятых оставалась возможность вернуться на рынок труда.

— В свою очередь, как бы Вы определили нестандартную занятость (*nonstandard employment*)? Существует множество разных трактовок, но что это понятие значит для Вас?

— Нестандартная занятость должна концептуализироваться при помощи понятия «стандартная занятость». Под стандартной занятостью обычно понимается нормативная форма трудовых отношений, появившаяся после Второй мировой войны, которая предполагает наличие бессрочного трудового контракта и высокую степень защиты работника. Работа, когда контракт заключается на определённый срок, то есть срок окончания контракта зафиксирован, служит примером нестандартной занятости. Ещё одним примером является занятость в нескольких организациях, как в случае с работниками из агентств по временному трудоустройству (они наняты самим агентством, но работают на стороне заказчика). Всё, что отклоняется от образца стандартных трудовых отношений, может быть отнесено к нестандартной занятости. Мне кажется, что своего рода пограничным вариантом между стандартной и нестандартной занятостью является неполная занятость, поскольку в этом последнем случае работник имеет бессрочный контракт с одним — единственным работодателем, но при этом его рабочий день короче на несколько часов. Однозначно назвать работу неполного дня стандартной или нестандартной занятостью можно, только полагаясь на контекст.

— Термин «нестандартная занятость» получил неоднозначные оценки со стороны представителей социальных наук. Одни исследователи настаивают на надуманности разведения понятий, так как в прошлом никто не практиковал бессрочные контракты, и, следовательно, «стандартной» считалась занятость без заключения бессрочного контракта. Другие же солидарны с Вашей позицией и рассматривают разделение занятости на стандартную и нестандартную в качестве нормального положения дел.

— Действительно, в прошлом нормой считалась нестабильная (*precarious*) и ненадёжная (*insecure*) работа. Тип занятости, сегодня известный нам больше как нестандартная занятость, встречался также и до середины XX века. Но после Второй мировой войны начался процесс интернализации трудовых отношений, который впоследствии привёл к формированию того, что я называю стандартной занятостью. Именно на контрасте с этой трудовой нормой мы и рассматриваем изменения, характерные для современных трудовых отношений.

— Известно, что многие страны столкнулись с постоянным ростом нестандартной занятости. Как Вы считаете, в чём основные причины этой тенденции? И ещё один вопрос: какой отклик подобные

изменения получили в научной литературе? Могли бы Вы порекомендовать основные публикации, посвященные этому вопросу?

— Я полагаю, что основным драйвером роста нестандартной занятости послужил тот факт, что компании и нации нуждаются в более мобильных работниках, так как это позволяет им снижать издержки. Именно поэтому популярность нестандартной занятости набирает обороты среди работодателей. Мне кажется, эти тенденции уже прочно укоренились. Благодаря потребности компаний и наций в мобильных работниках конкуренция между фирмами, подстёгиваемая глобализацией и технологическим прогрессом, растёт. Дерегуляция рынков, в свою очередь, вызвала ценовую конкуренцию, которой благоприятствовало также ослабление профсоюзов. В результате работодатели начали создавать нетипичные и нестандартные формы занятости.

В целом научное сообщество едино во взглядах на основные причины роста нестандартной занятости, поэтому какие-либо бурные дебаты по данной теме отсутствуют. Сейчас внимание исследователей сфокусировано на последствиях этих изменений: на уровне индивидов рассматриваются проблемы стресса и личного благополучия, а на организационном уровне поднимаются вопросы о том, какое влияние они оказывают на эффективность компаний, текучесть кадров и результаты совместной работы стандартных и нестандартных занятых. Помимо этого, в литературе поднимаются вопросы о воздействии роста нестандартной занятости на общество в целом, то есть на семейные структуры и другие типы экстерналий. Основной акцент в литературе сейчас поэтому сделан именно на вопросах, связанных с последствиями этих изменений, и на том, как мы можем их предотвратить.

— Ваше выступление на конференции «Укоренённость и за её пределами: объясняют ли социологические теории экономическую реальность?» было посвящено модели «безопасной гибкости» (flexicurity model). Не могли бы Вы вкратце пояснить, в чём суть этой концепции?

— Когда я использую понятие «безопасная гибкость», то имею в виду очень широкий концепт, почти в духе метатеории или же метаполитики. Данный концепт апеллирует к такому вопросу: что нам нужно сделать, чтобы решить проблемы, вызванные недавними изменениями в природе трудовых отношений и занятости? Моя идея состоит в следующем: работодателям нужны гибкие формы занятости, позволяющие им выстоять в условиях рыночной конкуренции, однако они негативно сказываются на защищённости работников. Необходимо поэтому предоставить работодателям свободу для создания гибких форм занятости, но в то же время подумать о безопасности работников. В этом заключается суть модели.

Если примем во внимание мировой опыт, то обнаружим ряд примеров «безопасной гибкости». Скажем, упомянутая модель реализуется в Японии и ряде других стран тем или иным образом. Правда, сейчас, учитывая неблагоприятные экономические условия и чрезмерное предложение труда, крайне сложно проводить активную политику в сфере рынка труда и занятости. Однако я считаю, что нельзя отказываться от этой идеи, поскольку она позволяет выделить потенциально эффективные меры в трудовой политике. Например, я не считаю, что меры, ограничивающие свободу работодателей и не позволяющие им увольнять сотрудников, будут полезны. Такие меры лишены всякого практического смысла, и работодатели всё равно будут обходить эти ограничения, нанимая, к примеру, временных работников.

Я считаю, что это очень важный тип метатеории, обеспечивающий нас содержательной альтернативой другим объяснениям, например, рассуждениям с позиции того, что нам нужно полагаться на рынки и их способность к саморегулированию.

— Давайте сравним Россию и США. Они представляют два интересных кейса для сопоставления: в США чаще сталкиваются с проблемой незащищённости работников, а в России, с её зарегулированным рынком труда, на первый план выходит проблема свободы для работодателей, что и объясняет наблюдаемый рост временной занятости. Хорошо ли иметь много временных работников на рынке труда или нет? Устраивает ли самих работников нестабильное положение на рынке труда?

— Да, это отличный пример. В США, действительно, слишком много свободы у работодателей и недостаточно гарантий защиты у работников, тогда как в России, впрочем, как и в Европе, всё наоборот. В европейских государствах всеобщего благосостояния приоритет отдан защите занятости, а интересы работодателей на втором плане. Такая специфика трудовых отношений требует соответствующих преобразований, и в этом случае сравнение США и России было бы замечательной исследовательской задачей.

Что касается второй части вопроса, то временная работа не представляется мне однозначно негативным явлением. Я могу привести в пример множество ситуаций, когда временная работа может сослужить хорошую службу. Ведь гибкая занятость предоставляет людям возможность получить новый и интересный опыт. Проблемы с временной работой начинаются тогда, когда она перестаёт выполнять функцию «перехода» и становится ловушкой для работника. Так, например, в США у временного работника нет никакого социального пакета: ни медицинского страхования, ни возможностей дополнительного обучения, ни других важных моментов, которые есть у работника с постоянной занятостью. В такой ситуации временная работа — настоящая проблема. Иначе говоря, нужно учитывать общий институциональный контекст. В некоторых странах это вполне хороший вариант занятости.

— Другими словами, в США временная работа не является стартовой площадкой для создания хорошей карьеры, а оказывается, скорее, ловушкой? В Британии же, например, и, особенно, в Австралии, как показали некоторые исследования, временная работа в действительности выполняет функцию «перехода». В этих странах люди соглашались на временную работу, чтобы увеличить свой социальный и человеческий капиталы, чтобы потом найти постоянную работу с лучшими условиями. Моё исследование случайно занятых в России демонстрирует иные тенденции: здесь случайная работа не способствует переходу из безработицы в постоянную занятость. А что можно сказать о США?

— Бывает по-разному. Моя мысль заключалась в том, что временная работа, которая выполняет роль моста, это хорошо, а временная работа, которая оказывается ловушкой, это плохо. В США встречаются ситуации, когда временная работа играет роль «перехода». Многие работодатели используют временные контракты на испытательном сроке, в течение которого они тестируют работников, что помогает последним влиться в рабочую силу. Даже в рамках одной страны часто можно встретить оба сценария: временную работу как ловушку или временную работу как мост. И в зависимости от той степени, в какой временная работа выполняет ту или иную функцию, её можно отнести к положительному или негативному явлению.

— Да, если позволите, у меня несколько вопросов к Вам, связанных с недавно изданной Вашей книгой «Good Jobs, Bad Jobs» («Хорошие работы, плохие работы») [Kalleberg 2011]. Как я понял, Ваш основной аргумент заключается в том, что сейчас ни у кого нет гарантий занятости, за исключением небольшого числа победителей. Но сегодня ты победитель, а завтра можно ведь и проиграть...

— Да, моя позиция заключается в том, что в настоящее время происходят сразу два процесса. Первый — усиление поляризации, под которым я понимаю увеличивающийся разрыв между хорошими и плохими работами. Сейчас усиливается неравенство: в заработных платах, в продолжительности рабочего дня (кто-то вынужден трудиться всё больше часов, а кто-то занят всего несколько часов), а также

до некоторой степени в возможности управлять трудовым процессом, то есть самому контролировать содержание труда. Таким образом, неравенство, или — другими словами — поляризация, выходит за пределы экономических показателей, распространяясь и на неэкономические характеристики труда.

Второй процесс заключается в снижении стабильности для всех работников в целом. Всё больше людей становятся нестабильно занятыми. В результате одни группы работников более уязвимы, а другие — менее. Рассмотрим в качестве примера специалиста по информационным технологиям. У него может быть очень ненадёжный карьерный путь. Такие специалисты переходят с одного проекта на другой, не имея на первый взгляд никакой стабильности. Но при этом они обладают внушительной рыночной силой, так как располагают возможностью продавать свои навыки на рынке труда. Люди, у которых нет такого рода навыков, автоматически оказываются уязвимее. В обоих случаях работники находятся в неустойчивом положении, но в первом случае нестабильное положение на рынке труда не столь драматично, потому что выбор при трудоустройстве у таких специалистов гораздо больше. Таким образом, навыки и образование — ключевые компоненты успеха.

— Но ведь сегодня любой навык может довольно быстро обесцениться...

— Да, безусловно. Именно поэтому необходим новый социальный контракт. Нужно проводить активную политику в сфере рынка труда, стимулирующую людей на переобучение. С учётом интенсивного технологического прогресса и возрастающей глобализации, которая позволяет работодателям размещать производство по всему миру, навыки довольно стремительно устаревают и становятся невостребованными.

— Ваша книга посвящена преимущественно американской трудовой системе, хотя Вы и приводите несколько международных сравнений. Скажите, пожалуйста, в дальнейшем Вы планируете продвигаться в этом направлении, делая акцент на межстрановом анализе?

— Да, это следующий этап, я планирую рассмотреть идеи нестабильной занятости (*precarious work*) и усиливающейся поляризации в международной перспективе. Мой доклад на конференции стал своего рода первым шагом в этом направлении. Перенос фокус на межстрановые сопоставления, необходимо учитывать, что в разных странах функционируют разные институты — разные программы социальной защиты и обеспечения. Одна из проблем США — слабая система социальных гарантий и обеспечения. Если у вас плохая работа, то вы не получите ни медицинской страховки, ни доступа к дополнительному обучению и т. д. В других странах аналогичные работы могут быть не настолько плохи, так как работники обеспечены социальным пакетом и имеют доступ к программам переподготовки.

Например, я занимался проектом, в рамках которого изучал ненадёжную занятость в десяти азиатских странах. Его результаты публикуются в двух номерах журнала «American Behavioral Scientist» [Kalleberg, Hewison 2013; Hewison, Kalleberg 2013]. Сейчас я исследую эти различия в европейских государствах и надеюсь включить в наблюдение и Россию. Да, этим я хотел бы заниматься в дальнейшем. Важно посмотреть не только на межстрановые различия, но и на последствия изменений.

— Как Вы относитесь к литературе, посвящённой будущему труда?

— Мне кажется, что среди таких работ наиболее релевантной можно считать книгу У. Бека «The Brave New World of Work» («Дивный новый мир труда»), в которой представлена перспектива развития трудовых отношений [Beck 2000]. Автор этой книги предсказывает, что в будущем в мире очевидно возрастёт неопределённость, поэтому основная проблема, по его мнению, состоит в том, чтобы понять, как нам вывернуться в этой ситуации и, возможно, создать условия, при которых мы были бы менее зави-

симыми от труда. Схожая линия аргументации прослеживается и в книге Гая Стендинга «The Precariat: The New Dangerous Class» («Прекариат: новый опасный класс») [Standing 2011], в которой говорится о том, что в будущем понадобятся базовые денежные субсидии, позволяющие людям при желании не выходить на плохую работу.

— *Кстати, насчёт дебатов о будущем труда. Некоторые участники дискуссии полагают, что «золотой век» полной занятости безвозвратно ушёл, став частью истории. Вот почему необходимо освободить работодателя от социальной ответственности, а также освободить идентичность от оков работы в традиционном смысле. Может быть, нам стоит отказаться от культа труда, сконцентрировав своё внимание на действительно важных аспектах жизни: на образовании, волонтерстве, политических движениях?*

— Это, конечно, прекрасно, но как всё это воплотить в жизнь? Идея разделения социальных гарантий и занятости великолепна. Люди считают, что обеспечить кого-то защитой, безотносительно наличия оплачиваемой работы, безусловно, является хорошей идеей, но издержки, сопряжённые со страхованием безработных, с пособиями по безработице и проч., а также ассоциирующиеся с безработицей стрессы столь велики, что реализация такой идеи оказывается невозможной.

Наиболее интересный сценарий нашего будущего мне видится так: общество, в котором люди вольны решать сами, чем им заниматься, трудоустраиваться ли им на оплачиваемую работу или нет, посвятить ли себя заботе о других либо погрузиться в общественную деятельность. Но это слишком далеко от того, чтобы воплотиться в реальности. Главное, на мой взгляд, — обеспечить людей социальными гарантиями, которые не зависят от наличия оплачиваемой работы. В США, например, ни у кого нет медицинской страховки, хотя в большинстве стран такая услуга предоставляется населению. Менее острый вопрос с пенсиями. Я думаю, что пенсия должна начисляться на основе некоторого рода системы трудовых отношений: либо в виде денежных отчислений в систему трудовых отношений, либо как поддержка, полученная в результате выполнения общественных работ (социальная помощь, гражданские инициативы). Вот вам две разные модели, которые нужно рассматривать в качестве возможных альтернатив.

— *Какую книгу из недавно изданных Вы посоветовали бы прочесть?*

Кроме «Good Jobs, Bad Jobs»? (*смеётся*). Мне кажется, ту, что я уже упоминал: «The Brave New World of Work» [Beck 2000]. Хотя она и была издана в 2000 г., но до сих пор актуальна. Также посоветовал бы книгу Эдди Вебстера «Grounding Globalization: Labour in the Age of Insecurity» («Основы глобализации: труд в эпоху незащищённости») [Webster, Lambert, Bezuidenhout 2008]. В ней говорится про уязвимую занятость и труд. Это очень интересная книга. Ещё одна работа, которая мне нравится, написана Лией Воско и называется «Managing the Margins» («Управление результатами») [Vosko 2009]. Её автор разбирает способы управления работой, опираясь на нестандартные трудовые отношения.

— *Спасибо большое за интервью!*

**Беседовали Татьяна Карабчук и Андрей Шевчук.
Москва, октябрь 2012 г.**

Литература

Beck U. 2000. *The Brave New World of Work*. Cambridge: Polity.

Hewison K., Kalleberg A. L. 2013. Precarious Work and Flexibilization in South and Southeast Asia. *American Behavioral Scientist*. 57 (4): 395–402.

Kalleberg A. L. 2011. *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s–2000s*. New York: Russell Sage Foundation.

Kalleberg A. L., Hewison K. 2013. Precarious Work and the Challenge for East Asia. *American Behavioral Scientist*. 57 (3): 271–288.

Standing G. 2011. *The Precariat: The New Dangerous Class*. New York: Bloomsbury.

Vosko L. F. 2009. *Managing the Margins: Gender, Citizenship, and the International Regulation of Precarious Employment*. Oxford: Oxford University Press.

Webster E., Lambert R., Bezuidenhout A. 2008. *Grounding Globalization: Labour in the Age of Insecurity*. Malden; Oxford: Blackwell Pub.

INTERVIEWS

Growing Job Insecurity and Inequality between Good Jobs and Bad Jobs: An Interview with Arne Kalleberg

KALLEBERG, Arne —
Professor of Sociology,
Department of Sociology,
University of North
Carolina at Chapel Hill.
Address: Hamilton Hall
CB# 3210, Chapel Hill,
North Carolina 27599-
3210, USA.

Abstract

Arne Kalleberg was interviewed by Tatiana Karabchuk and Andrey Shevchuk, senior fellows at the Higher School of Economics. This interview was conducted during the international conference “Embeddedness and Beyond: Do Sociological Theories Meet Economic Realities?” (Moscow, 25–28 October 2012), where Prof. Kalleberg presented his new research “The Growth of Precarious Work: A Challenge for Economic Sociology”.

Email: Arne_Kalleberg@unc.edu

In the interview Arne Kalleberg clarified the difference between job security and job stability and explained why it is better to draw a distinction between job security and employment security instead. Additionally, Prof. Kalleberg accounted for the growth of nonstandard employment and put this concept into historical context. Prof. Kalleberg stressed consequences of this tendency for both individuals and organizations. As a contribution to existing theoretical debate on this theme, Prof. Kalleberg suggested his own notion of “flexicurity”. Flexicurity is a meta-policy, combining greater flexibility for employers and protections for workers.

Moreover, Prof. Kalleberg discussed his recent book “Good Jobs, Bad Jobs” [Kalleberg 2011], which addresses the problem of growing inequality and polarization in both economic and non-economic job characteristics. Prof. Kalleberg also shared with us his future research plans. His next research direction deals with the idea of precarious work and focuses on international comparisons. Finally, Prof. Kalleberg recommended some of the most relevant and interesting books in this research field.

Keywords: labor market; nonstandard employment; job security; job stability; precarious work flexicurity; temporary work; future of work; globalization.

References

- Beck U. (2000) *The Brave New World of Work*, Cambridge: Polity.
- Hewison K., Kalleberg A. L. (2013) Precarious Work and Flexibilization in South and Southeast Asia. *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no 4, pp. 395–402.
- Kalleberg A. L. (2011) *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s–2000s*, New York: Russell Sage Foundation.
- Kalleberg A. L., Hewison K. (2013) Precarious Work and the Challenge for East Asia. *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no 3, pp. 271–288.

Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, New York: Bloomsbury.

Vosko L. F. (2009) *Managing the Margins: Gender, Citizenship, and the International Regulation of Precarious Employment*, Oxford: Oxford University Press.

Webster E., Lambert R., Bezuidenhout A. (2008) *Grounding Globalization: Labour in the Age of Insecurity*, Malden; Oxford: Blackwell Pub.

Received: March 21, 2013

Citation: V usloviyakh rosta nezashchishchennosti na rynke truda i neravenstva mezhdru horoshimi i plokhimi rabotami: interv'yu s Arne Kalleberg [Growing Job Insecurity and Inequality between Good Jobs and Bad Jobs: An Interview with Arne Kalleberg] (2014) *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 11–19 (in Russian).

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

С. Ю. Барсукова, А. Д. Коробкова

Вступление России в ВТО в зеркале российских печатных СМИ¹

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна — доктор социологических наук, профессор департамента социологии, заместитель заведующего Лабораторией экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: svbars@mail.ru

Дискуссия относительно рисков и возможных выигрышей для России от вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) продолжается уже достаточно длительное время как в СМИ, так и в научном сообществе. Мнения относительно потенциальных последствий данного решения озвучивали политики, представители бизнеса, журналисты и эксперты. Ожидания сторон дискуссии были различны, представители разных сфер деятельности оперировали неодинаковыми аргументами. Методом нашего исследования является контент-анализ статей в ведущих российских печатных изданиях.

В данной работе мы анализируем динамику интенсивности дискуссии по вопросу вступления России в ВТО и делаем предположение о возможных причинах наблюдаемых колебаний. Наш анализ показывает, что интенсивность дискуссии по данному вопросу зависит от различных факторов, таких как особенности прохождения различных этапов переговоров, интересы сторонников и противников вступления в ВТО, присутствие конкурирующих (более интересных для СМИ и населения) тем.

Мы уделяем особое внимание используемой в ходе дискуссии аргументации и делаем выводы о наиболее популярных доводах сторонников и противников присоединения к Всемирной торговой организации, а также анализируем основу приводимых соображений: апелляцию к условиям присоединения России к ВТО или факту вступления как таковому. Мы также рассматриваем различия в аргументах, используемых бизнесменами, политиками, экспертным сообществом и журналистами.

Если обратить внимание на динамический аспект, можно отметить, что в период после вступления в ВТО дискуссия стала менее эмоциональной. Наблюдается также падение оптимизма по отношению к перспективам членства в организации. Отчасти это может быть обусловлено снижением активности участия в дискуссии представителей политической сферы, которые были наиболее активными сторонниками вступления в ВТО.

Ключевые слова: вступление России в ВТО; массовые коммуникации; публичная дискуссия; пресса; установление повестки дня; группы интересов.

В российской экономической политике 2000-х гг. ни одно, пожалуй, событие не вызвало столько споров и разногласий, как присоединение страны

¹ Исследование осуществлено в 2013–2014 гг. в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ», проект № 12-01-0027.

КОРОБКОВА Анастасия

Дмитриевна — магистр социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: korobkova-n@yandex.ru

к ВТО. Мы не пытаемся судить о том, кто был прав в этом споре. Наша цель — показать, как дискуссия о членстве России в ВТО была представлена в СМИ. Для этого мы выделили наиболее влиятельные печатные СМИ и проанализировали дискуссию о членстве России в ВТО за три года (декабрь 2010 г. — декабрь 2013 г.), то есть за полтора года *до* и полтора года *после* официального присоединения РФ к ВТО. Это позволило нам сравнить аргументы сторонников и противников данного шага, специфику позиции бизнеса, власти и экспертов, а также показать изменения в содержании российских печатных СМИ накануне и после присоединения России к ВТО.

1. Роль СМИ в формировании общественной повестки дня

Вопрос о том, для чего нужно изучать отражение реальности в СМИ, восходит к тому обстоятельству, что информационная повестка дня в обществе формируется при непосредственном участии массмедиа.

Одна из основных функций СМИ состоит в привлечении общественного внимания к определённым вопросам, проблематизации их в публичном пространстве [Wolfe, Jones, Baumgartner 2013]. Однако у исследователей нет единства мнений относительно того, каким образом происходит установление информационной повестки дня. Существует мнение, что внимание СМИ к социальным и экономическим процессам обусловлено исключительно их значимостью для общества. Участники публичных дискуссий выступают лишь в качестве проводников информации, нейтральных наблюдателей [Johnstone, Slawski, Bowman 1972; Graber 1980; Kosicki 1993]. Данный подход, тяготеющий к позитивизму, основывается на уверенности в существовании некоей подлинной и объективной картины мира, которую пытаются отражать СМИ.

Однако есть и альтернативные подходы, согласно которым информационная повестка дня является конструируемой, и именно СМИ способны придать тем или иным вопросам статус социальных проблем. При этом нет «объективной значимости» вопросов, автоматически определяющей степень внимания к ним со стороны СМИ [Blumer 1971]. Интерпретация проблемы зависит от социальной позиции интерпретатора, от его принадлежности к тому или иному профессиональному сообществу [Berger, Luckmann 1966], что делает невозможным «объективное» отражение общественных процессов в СМИ.

На процесс проблематизации различных вопросов, их интерпретацию в СМИ значительную роль оказывают представители власти [Walker 1977; Tidmarch, Hуman, Sorkin 1984] или крупных корпораций [Hill, Watson 2000]. Впрочем, верно и обратное: внимание СМИ к определённой проблеме вынуждает политиков или корпорации принимать меры по её решению. Например, активное обсуждение в СМИ роста преступности в США в середине 1980-х гг. заставило правительство усилить борьбу с этим явлением [Wolfe, Jones, Baumgartner 2013].

Власть может влиять на формирование информационной повестки дня как в виде публичных выступлений представителей политической элиты, так и конкретных мер. Уже было показано, что заявления политиков вызывают лишь кратковременный интерес общества к тому или иному вопросу [Cohen 1995]. Более длительный эффект имеют конкретные действия власти по изменению законодательства или условий осуществления экономической деятельности [Olds 2013]. Иначе говоря, конкретные экономические меры или обещания их скорого осуществления создают наиболее стойкий эффект формирования информационной повестки дня.

Впрочем, неверно думать, что СМИ лишь пассивно транслируют информационную повестку дня, сформированную властью и общественными движениями. СМИ постоянно борются за долю рынка, что заставляет их уделять больше внимания темам, которые привлекают их реальную или потенциальную аудиторию [Berelson 1960; Graber 1980; Leighley 2004; Picard 2005]. Выбор из числа конкурирующих тем и различных интерпретаций одной проблемы является вкладом СМИ в формирование информационной повестки дня в обществе [Berelson 1960; Hilgartner, Bosk 1988].

Ориентация на аудиторию приводит к эффекту «понижающей селекции», когда, стремясь быть понятными для аудитории, СМИ максимально упрощают транслируемый контент, зачастую играя на наиболее простых и примитивных реакциях человека. Примером тому является российское телевидение [Зверева 2009]. Такой подход вызывает ответную реакцию аудитории, которая не просто усваивает информацию, исходящую от СМИ, но и критически её осмысливает.

Тенденция тяготения к скандалам в ущерб серьёзной аналитике отмечалась в дискуссии о ВТО. В частности, указывалось на то, что популярные (массовые) издания больше внимания уделяли информации о протестах, которыми сопровождалась саммиты организации, а не о результатах самих встреч [Swinnen, Francken 2006]. Однако, освещая протестные волнения, массовая пресса преимущественно выступала на стороне государства и ВТО [McFarlane, Hay 2003; Hendershot 2004]. Так, при освещении выступлений антиглобалистов против ВТО в 1999 г. в Сиэтле, подчёркивались необразованность, низкая экономическая грамотность и неопрятность протестующих [McFarlane, Hay 2003]. Тем самым СМИ, являясь выразителем интересов политических элит, делали протест нелегитимным и снижали уровень доверия к аргументам его участников.

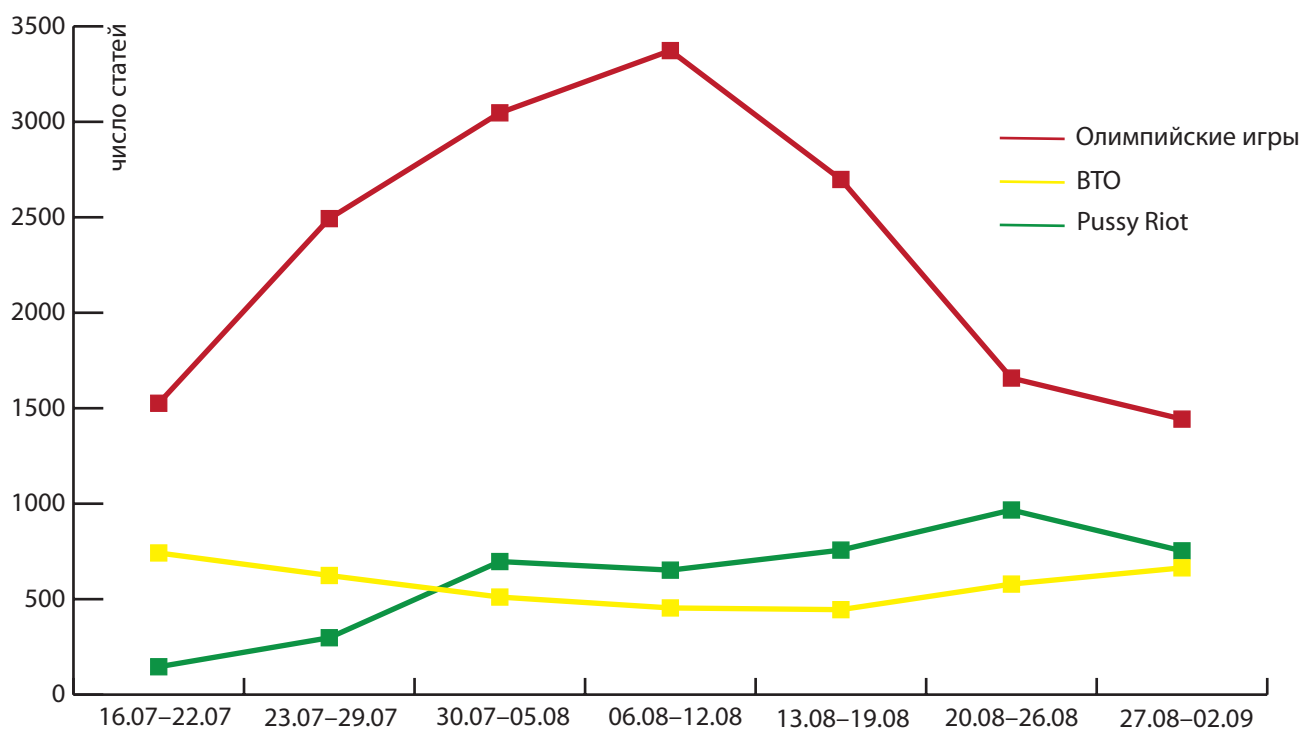
Сравнительный анализ дискуссий о ВТО в публичном пространстве разных стран показал укоренённость этой темы в контексте национальных задач. В частности, были выявлены существенные различия между США и Китаем в публичной дискуссии по поводу правил защиты интеллектуальной собственности в рамках ВТО [Creemers 2012]. Впрочем, заметные различия в дискуссии о ВТО могут наблюдаться не только между странами, но и между регионами внутри одной страны. Например, пресса трёх американских штатов (Северная Каролина, Иллинойс и Калифорния) давала разную оценку присоединению Китая к ВТО, что зависело от того, каковы были прогнозы влияния этого события на экономику данного штата [Kong 1997].

В целом внимание СМИ к ВТО в сегменте массовых, популярных изданий значительно повышалось в связи с крупными событиями: саммитами, встречами на высоком уровне и протестными акциями антиглобалистов [Swinnen, Francken 2006]. Вне событий такого рода деятельность Всемирной торговой организации находилась, скорее, на периферии интересов СМИ.

Безусловно, ранжирование проблем и отношение к ним со стороны общества не являются точной копией содержания СМИ. Формирование информационной повестки дня в обществе происходит на трёх уровнях: экспертно-политическом, медийном и на уровне отдельных индивидов [Rogers, Dearing 1988]. Представители политической сферы и экспертного сообщества создают информационный повод для

СМИ, совершая определённые действия и делая публичные заявления. Далее, СМИ под влиянием внешних и внутренних факторов принимают решение о том, какое внимание следует уделить проблеме и на каких её аспектах сконцентрироваться. Под влиянием СМИ (а также иных факторов) формируется мнение индивидов. Сложившееся общественное мнение оказывает влияние на действия политиков и работу СМИ, что ведёт к взаимообусловленности трёх уровней формирования информационной повестки дня.

В этой логике роль СМИ в формировании представления людей о важности и характере того или иного события трудно переоценить. Косвенно это подтверждается совпадением ранга значимости событий в опросах общественного мнения и частоты упоминаний этих событий в СМИ. Так, согласно опросам Левада-Центра, 65% россиян самым значительным событием августа 2012 г. (в это время Россия вступила в ВТО) считали Олимпийские и Паралимпийские игры в Лондоне; 22% — суд над Pussy Riot; 18% — вступление страны в ВТО². Сравним эти данные с данными о том, как часто писали об этих событиях российские СМИ в июле — августе 2012 г. (см. рис. 1). Нетрудно заметить, что мнение людей о важности событий полностью соответствует частоте их упоминаний в СМИ.

Источник: база «Интегрум», содержащая полнотекстовые версии российских газет и журналов.

Рис. 1. Частота упоминаний ВТО, Pussy Riot и Олимпиады в печатных СМИ (июль — август 2012 г.)

Пространство СМИ интересно для социологов, поскольку отражает позиции участвующих в дискуссии сторон, специфику их интересов и способов аргументации. Это доступный для анализа массив публичных выступлений представителей бизнеса, власти и научного сообщества, фиксирующий точки несовпадения мнений, динамику воззрений, состав участников дискуссии.

² См. URL: <http://www.levada.ru/26-09-2012/sentyabrskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya-polozheniya-del-v-strane-zapomnivshiesya-soby>

2. Методика исследования: хронологический период, выборка СМИ, схема анализа статей

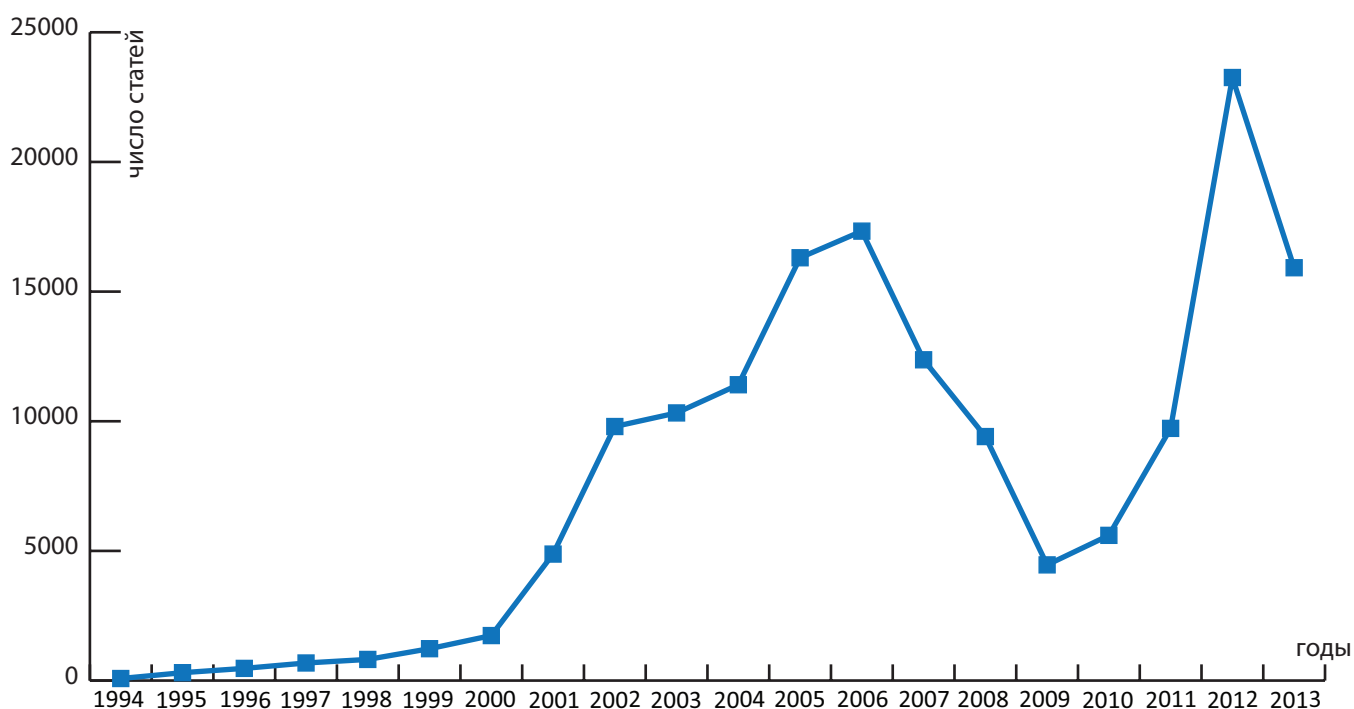
Прежде чем описывать содержательные результаты анализа, изложим алгоритм нашей работы. Мы расскажем, чем руководствовались, выбирая период анализа и формируя выборку газет и журналов, как отбирали пригодные для анализа статьи и по какой схеме с ними работали.

2.1. Хронологический период

Анализ дискуссии в печатных СМИ по вопросу членства России в ВТО охватывает три года: декабрь 2010 г. — декабрь 2013 г. Какие существуют обоснования для выбранного периода?

Напомним, что Россия вела переговоры по поводу присоединения к ВТО в течение 18 лет. И все эти годы с той или иной интенсивностью в СМИ шла дискуссия о целесообразности этого шага (см. рис. 2). Первый пик интереса к этой теме приходится на 2006 г., когда в рамках Азиатско-Тихоокеанского форума Россия договорилась с США по вопросу о присоединении к ВТО. Успех в двусторонних переговорах с Америкой породил надежду на скорое вступление в эту торговую организацию. Однако надежда не оправдалась, что привело к резкому спаду интереса к данной теме.

Новый виток интенсификации дискуссии о членстве России в ВТО приходится на конец 2010 г., что связано с саммитом Россия — ЕС, на котором был подписан Меморандум о завершении двусторонних переговоров между Россией и Евросоюзом по вступлению России в ВТО³. Это важное событие означало, что Россия вышла на финишную прямую в марафоне вступления в ВТО.

Источник: база газетных и журнальных статей «Интегрум».

Рис. 2. Динамика упоминаний ВТО в российских печатных СМИ

³ См. российский информационный сайт о Всемирной торговой организации; режим доступа: URL: <http://www.wto.ru>

И действительно, 22 августа 2012 г. Российская Федерация стала 157-м членом ВТО, после чего внимание СМИ пошло на убыль. Присоединение нашей страны к ВТО разбивает период нашего исследования на два хронологических промежутка — примерно полтора года *до* и полтора года *после* вступления России в ВТО. Полтора года, конечно, незначительный срок, если учесть, что, по версии сторонников присоединения к ВТО, преимущества этого шага проявятся в отдалённом будущем. Однако этот срок достаточен для первых обобщений того, как изменилось освещение проблемы вступления в ВТО в российских СМИ. Выбранные временные рамки позволяют нам проанализировать предмет дискуссии, основные платформы конфликтов и высказываемые аргументы *накануне* и *после* присоединения России к этой организации.

2.2. Эмпирическая база исследования, или Как отбирались статьи для анализа

Мы анализировали дискуссию, отражаемую в российских печатных СМИ, обращённых к широкой читательской аудитории. Речь идёт о популярных новостных, деловых и общественно-политических изданиях. Такой подход накладывает три ограничения, поскольку из анализа исключаются, во-первых, специализированные научные журналы; во-вторых, зарубежные СМИ; в-третьих, материалы радио- и телеэфиров, а также интернет-издания, не имеющие печатной версии⁴. Идеологическая направленность СМИ, наоборот, не являлась основанием для их игнорирования, так как наша задача состоит в представлении разнообразных мнений по вопросу членства России в ВТО.

В России на сайте Роспечати заявлены около 90 тыс. изданий, включая центральные, региональные, отраслевые⁵. Примерно столько же зарегистрировано в Роскомнадзоре⁶. Но их значительная часть не оказывает влияния на характер общественной дискуссии, являясь «карликами» общественно-политического медийного пространства. В целом доверие россиян к отечественным печатным СМИ выше, чем к радио и зарубежным СМИ, но ниже, чем к Интернету и телевидению⁷. Подчеркнём, что тираж не является определяющим фактором в установлении весомости издания. Скромный тираж может сочетаться с высоким уровнем цитирования другими изданиями, что поднимает значимость малотиражного журнала в общественном дискурсе. Для анализа мы отобрали наиболее влиятельные газеты и журналы, основываясь на рейтинге TPR (Title Popularity Ranking) печатных изданий России⁸. Данный рейтинг формируется исходя из таких параметров, как тираж издания, цена рекламной полосы и цитируемость другими печатными изданиями. Таким образом, производится оценка популярности газеты или журнала на трёх уровнях коммуникационного пространства — среди населения, рекламодателей и журналистов.

Далее, из списка наиболее популярных и влиятельных изданий мы выбрали по три из разных информационных категорий. Первая категория: *массовые газеты*. В этой группе оказались «Аргументы и

⁴ Научные журналы исключались из выборки, поскольку их чтение предполагает квалификационный ценз, что сужает аудиторию. Электронные журналы не входят в выборку, поскольку не охватывают аудиторию, не имеющую доступа к Интернету.

⁵ См. URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/docs/newsmi.html?maincustom0=1&>

⁶ См. URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/>

⁷ На вопрос: «Какие источники массовой информации наиболее точно и достоверно, по Вашему мнению, отражают сейчас обстановку в нашей стране?» — только 13% россиян выбрали центральную печать, тогда как центральное телевидение — 40%, Интернет — 45% (июнь 2013 г.) (см.: [Левашов 2013: 257]).

⁸ Title Popularity Ranking (TPR) — рейтинг популярности российских СМИ; составляется на основе открытых данных и не зависит от мнения отдельных экспертов. Обновляется раз в квартал. Режим доступа: URL: <http://www.exlibris.ru/rejting-izdaniy>

факты» («АиФ»), «Московский комсомолец» («МК») и «Комсомольская правда»⁹. Вторая группа: *популярные деловые издания*, в их числе журнал «Эксперт», газеты «Коммерсантъ» и «Ведомости»¹⁰. Третья категория: *общественно-политические газеты*. В ней лидируют «Российская газета», «Известия» и «Новая газета». Таким образом, мы отобрали по три лидера (рейтинг TPR) в трёх информационных категориях, получив выборку из девяти изданий. Нетрудно заметить, что данные издания отражают разные политические позиции (либеральные «Новая газета» и «Коммерсантъ» соседствуют с провластной «Российской газетой»), следовательно, можно ожидать, что наша выборка отражает разнообразие высказываемых мнений и аргументов.

Сформировав выборку наиболее популярных печатных изданий, мы обратились для анализа публикаций к информационному ресурсу «Интегрум»¹¹. Как и ожидалось, на страницах выбранных популярных изданий активно обсуждалась тема ВТО. В целом эти издания за три выбранных года содержат 2815 статей с упоминанием ВТО, в том числе 1636 статей за период до вступления в ВТО (декабрь 2010 г. — август 2012 г.) и 1179 статей после. Но единицей анализа для нас является не статья, а *мнение*, высказываемое на страницах печатных СМИ. Оказалось, что подавляющая часть публикаций не содержит мнений, а носит исключительно информационный характер или же ограничивается простым упоминанием ВТО как символа интеграционных процессов, без развития этой темы. Такие статьи независимо от объёма и информационной насыщенности исключались из дальнейшего анализа как нерелевантные задаче исследования, как «информационный шум». В результате пригодным для анализа стал массив из 397 статей (175 статей до присоединения к ВТО и 222 статьи после) (см. табл. 1).

Таблица 1

**Статьи в популярных изданиях по проблеме ВТО
(декабрь 2010 г. — декабрь 2013 г.)**

Лидеры печатных СМИ (по данным рейтинга TPR)	Число публикаций до вступления РФ в ВТО (декабрь 2010 г. — август 2012 г.)		Число публикаций после вступления РФ в ВТО (сентябрь 2012 г. — декабрь 2013 г.)	
	Всего	Статьи, содержа- щие мнение о це- лесообразности членства в ВТО	Всего	Статьи, содержа- щие мнение о це- лесообразности членства в ВТО
Массовые газеты («Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда»)	336	56	280	68
Популярные деловые издания («Экс- перт», «Коммерсантъ», «Ведомости»)	748	56	497	94
Общественно-политические газеты («Российская газета», «Известия», «Новая газета»)	552	63	402	60
Всего	1636	175	1179	222

⁹ На протяжении 2011–2013 гг., по данным TPR, первое-второе места среди массовых газет делили «АиФ» и «Комсомольская правда», а третье-четвёртое занимали «Московский комсомолец» и «Жизнь».

¹⁰ Среди деловых газет «Коммерсантъ» неизменно занимает первое место, «Ведомости» стоят на второй-третьей позициях. Среди деловых журналов «Эксперт» уступает только «Forbes». Мы включили в анализ «Эксперт», а не «Forbes» из-за большей популярности этого издания у российского населения.

¹¹ «Интегрум» — база, содержащая полнотекстовые версии российских газет и журналов. Всего в ресурсе представлены около 500 отечественных журналов, более 250 центральных и 1000 региональных газет.

Мы видим, что после вступления в ВТО значительно сократилось число статей с упоминанием этой организации. Однако число «проблемных» статей, содержащих суждение, возросло: за полтора года до вступления в ВТО лишь примерно в 10% статей выражалось мнение о целесообразности этого шага, тогда как в последующие полтора года уже в 20% статей содержатся рассуждения о том, что нам это дало.

2.3. Схема анализа статей

Для анализа содержания статей была использована модель коммуникации Лассуэла (см.: [Lasswell 1927]). Согласно данной модели интерес представляют фигура инициатора коммуникации, характер сообщения, характеристики реципиента и канала коммуникации, фон дискуссии и эффект сообщения. Фактически эта схема сводится к нескольким вопросам: кто, что, как, кому и когда говорит в ходе дискуссии? Операционализация этого подхода представлена в табл. 2.

Таблица 2

Операционализация анализа статей

Блоки	Индикаторы	Показатели
Субъект высказывания	Сфера деятельности	Экономика (промышленность, сельское хозяйство, проч.); Политика, государственное управление; Наука и (или) экспертиза; Журналистика
Характер сообщения	Отношение к членству России в ВТО	Негативное; Нейтральное; Позитивное
	Эмоциональная окрашенность мнения	Эмоциональное; Неэмоциональное
	Предмет высказывания	Целесообразность вступления России в ВТО; Условия вступления России в ВТО; Адаптация к работе в условиях ВТО
	Платформа высказывания	Экономические проблемы отраслей; Интересы потребителей; Геополитические интересы страны
	Уровень аргументации	Абстрактные аргументы (повышение престижа страны, невозможность остаться в стороне от процессов глобализации, угроза суверенитету и проч.); Конкретные аргументы (использование конкретных данных, примеров, ссылка на авторитетные лица)
Характер аргументации		Апелляция к авторитетам;
		Апелляция к опросам общественного мнения;
		Апелляция к статистике;
		Апелляция к историческим примерам;
		Апелляция к опыту других стран;
	Апелляция к научным данным, экономическим моделям;	
	Отсутствует	

Таблица 2. Окончание

Блоки	Индикаторы	Показатели
Характер канала коммуникации	Направленность издания	Массово-информационное; Деловое; Общественно-политическое
	Идеологическая приверженность издания	Либеральное; Условно нейтральное; Провластное

Для простоты изложения мы делим участников дискуссии о ВТО на четыре группы: (1) «политики», то есть представители законодательной и исполнительной власти федерального и регионального уровней, политических партий; (2) «бизнес», или владельцы и управляющие предприятиями; (3) «эксперты» — представители научного сообщества, общественных организаций; (4) журналисты.

3. Дискуссия в СМИ о членстве России в ВТО, или Спор о том, нужно ли было вступать и что нам это дало

В период, непосредственно предшествующий вступлению России в ВТО, дискуссия в печатных СМИ была посвящена необходимости или, напротив, невозможности этого шага. Спор на тему «Оно нам надо?» вёлся довольно интенсивно и эмоционально. Затем, на фоне свершившегося факта, дискуссия о ВТО не исчерпалась, но перешла к анализу того, что же реально дало российской экономике членство в ВТО. Наша задача: выявить основные особенности дискуссии, каталогизировать аргументы противников и сторонников присоединения России к ВТО, охарактеризовать позиции представителей бизнеса, власти и науки в пространстве СМИ.

3.1. Изменения в дискуссии, посвящённой членству России в ВТО

Дискуссия в печатных СМИ, перейдя от спора о целесообразности вступления в ВТО к анализу реальных возможностей и рисков, возникших в новых условиях, значительно изменилась.

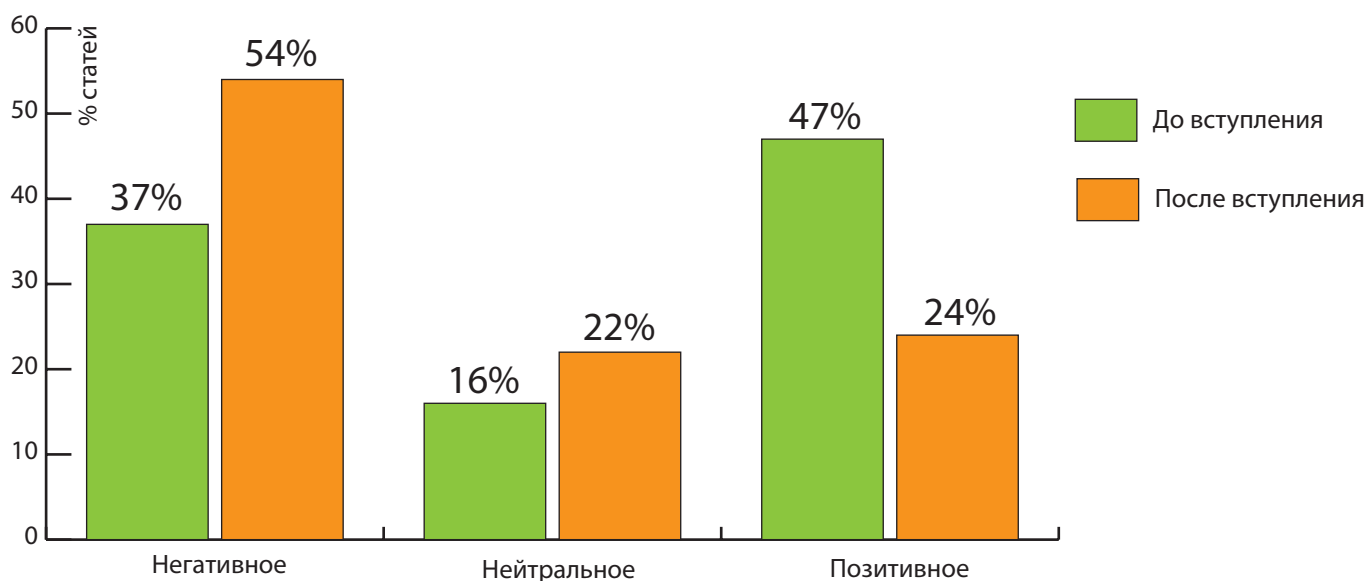
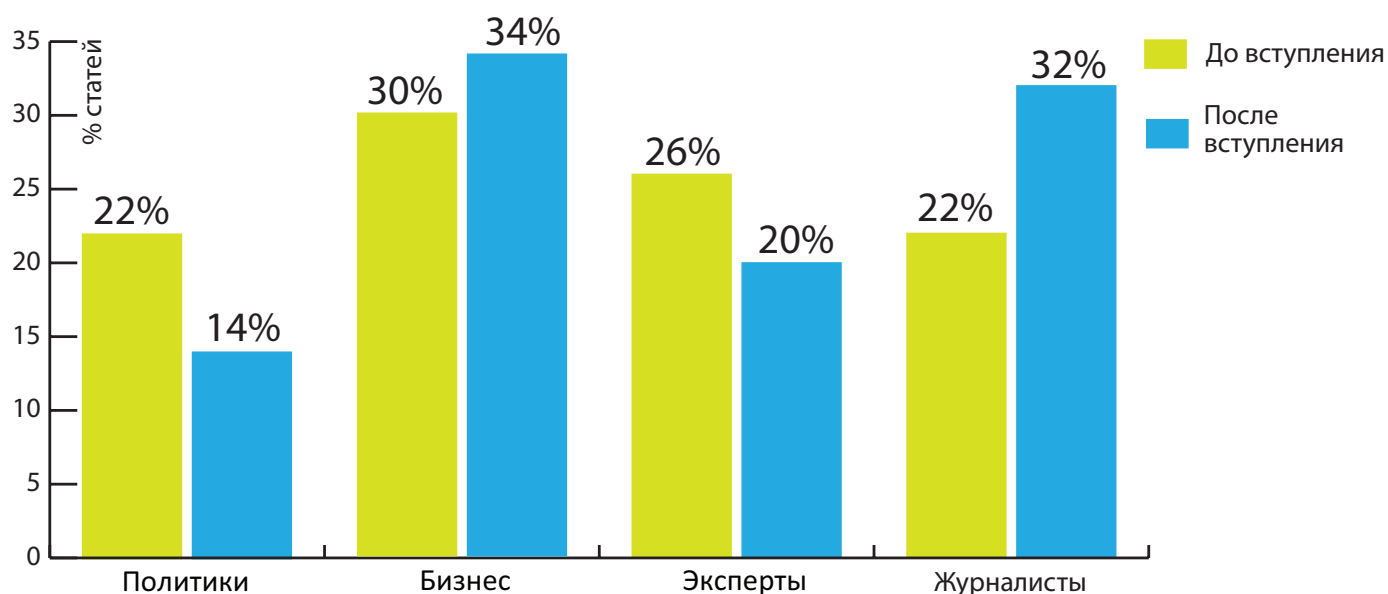

Рис. 3. Отношение к вступлению России в ВТО

Во-первых, заметно *падение оптимизма по поводу членства России в ВТО*. Если до присоединения России к ВТО в пространстве печатных СМИ с небольшим перевесом доминировали сторонники этого шага, то после августа 2012 г. более популярной стала критическая позиция. Так, в течение полутора лет, непосредственно предшествующих присоединению России к ВТО, позитивное отношение отражали 47% статей, а негативное — 37%. В последующие полтора года ситуация заметно изменилась: только в 24% статей сохранился позитивный настрой, и в 54% содержится критика условий, в которых оказалась российская экономика в связи с членством в ВТО (см. рис. 3). Более того, если прежний перевес оптимизма над пессимизмом был незначительным, что свидетельствовало о напряжённости дискуссии в СМИ, то теперь негативное отношение стало абсолютным лидером информационного пространства.

Подобное изменение настроения в печатных СМИ связано с тем, что за полтора года членства в ВТО участники дискуссии столкнулись с рядом трудностей и утратили былые иллюзии. Впрочем, существует и другое объяснение падения оптимизма: из дискуссии стали уходить политики и эксперты, которые в период, непосредственно предшествующий вступлению России в ВТО, наиболее активно поддерживали этот шаг (см. рис. 4). Провластные политики и чиновники потеряли интерес к этой теме, как только вопрос оказался решённым. Мнение же оппозиционных политиков в печатных СМИ было представлено минимально, что говорит не столько о качестве СМИ, сколько о качестве оппозиции. После вступления в ВТО место политиков и экспертов в дискуссии заняли представители бизнеса и журналисты. Критический настрой бизнеса задал тон дискуссии, придав ей менее оптимистический характер. Журналисты же, до вступления в ВТО не имеющие однозначной позиции и рассуждающие обо всех возможных аспектах присоединения к ВТО, впоследствии стали «специализироваться» на интересах потребителей (динамика цен, некачественные импортные продукты) и заняли преимущественно критическую позицию по вопросу о членстве в ВТО.

Рис. 4. Участие в дискуссии представителей разных сфер деятельности

Во-вторых, дискуссия сместилась *от обсуждения самого факта членства в ВТО к условиям, на которых Россия стала членом этой организации*. До августа 2012 г. в абсолютном большинстве статей (68%) критиковался или одобрялся сам факт присоединения к ВТО, и лишь в 32% случаев высказывалось мнение относительно конкретных аспектов присоединения — изменения размеров пошлин, разрешённого объёма субсидий, лимитов на государственную помощь и проч. После вступления в ВТО

дискуссия в СМИ стала более конкретной. Только теперь для многих стали понятны условия членства в ВТО, что неприятно удивило представителей некоторых сфер бизнеса¹².

Особенно критичной была позиция свиноводов, ясно заявивших о своих проблемах в связи с ВТО. Снижение импортных пошлин совпало с удорожанием кормов, что поставило отрасль на грань рентабельности. Представители бизнеса в подобной ситуации резко критиковали условия, на которых страна присоединилась к торговой организации. Однако если прежде критика была нацелена на блокирование членства в ВТО, то теперь речь шла о мерах, поддерживающих отрасль в рамках коридора возможностей, разрешённых ВТО. Критика условий присоединения России к ВТО стала легитимной рамкой лоббизма, способом торга с властью с целью получения отраслевых преференций, «нейтрализующих» урон, нанесённый в ходе вступления в ВТО.

Косвенным доказательством этого тезиса служит то, что первые статьи, подчёркивающие негативные последствия присоединения к ВТО, появляются уже в сентябре-октябре 2012 г., то есть буквально через месяц-два после вступления. Очевидно, что объективных изменений за столь короткий период произойти не могло. Констатация разрушительных последствий членства в ВТО для той или иной сферы отечественного бизнеса была попыткой манипулирования общественным мнением для получения дополнительной государственной поддержки и льгот.

В-третьих, *снизилась эмоциональная нагруженность дискуссии*. Впрочем, это закономерно, поскольку накануне вступления наибольшей эмоциональностью отличались статьи, направленные против ВТО. Позитивные суждения о присоединении к ВТО излагались без особых эмоций. Когда присоединение к ВТО стало свершившимся фактом, борьба потеряла смысл, и обсуждение продолжилось в более спокойной манере: 84% статей не содержат никаких экспрессивных выражений («катастрофа», «гибель», «ужасные последствия» и т. д.), в них только освещаются факты и излагаются суждения.

К числу постоянных характеристик дискуссии следует отнести её преимущественно *неаргументированный характер*. И до, и после вступления России в ВТО, наиболее распространённой формой участия в дискуссии являются декларативные заявления о рисках и возможностях этого шага. Около 60% статей представляют собой рассуждения, абсолютно лишённые каких-либо аргументов (см. табл. 3). Этим грешат обе стороны дискуссии, но особенно часто голословность встречается в статьях, поддерживающих вступление России в ВТО. До августа 2012 г. неаргументированные статьи, являясь элементами пропаганды, обеспечивали информационную поддержку или призывали на борьбу с готовящимся членством в ВТО. Авторы статей призывали встать под их знамёна, не приводя рациональных доводов. Под видом участия в дискуссии велась пропагандистская кампания, апеллирующая к эмоциональным категориям в ущерб рациональным аргументам и обоснованиям. Однако после вступления в ВТО, когда необходимость в пропаганде исчезла, эмоциональность дискуссии снизилась, но аргументированность не возросла.

Если аргументы и использовались, то преимущественно статистического характера. Интересно, что статистика подставляла плечо как сторонникам, так и противникам присоединения к ВТО. Одни ссы-

¹² «Только после окончания всех процедур по вступлению в ВТО российские мясопереработчики узнали правду об условиях, которые предусмотрены для их отрасли, и были неприятно удивлены» (Литвинова Н. 2012. Колбасная капитуляция. *Эксперт*. 36 (818). URL: <http://expert.ru/expert/2012/36/kolbasnaya-kapitulyatsiya/>). «С нами действительно согласовывали объёмы квот, мы пошли на уступки и оставили их на уровне пятилетней давности. Но никто ни разу не сказал нам, что пошлина в 40 процентов на ввоз живых свиней, которую мы пробили в 2009 г. и которая сразу позволила снизить объём ввоза с миллиона голов вполонину, вернётся на уровень 5 процентов. Не знаю, почему не сказали, — по недогляду, недосыпу, а может, специально» (Литвинова Н. 2012. Свиноводов поймали на «живка». *Эксперт*. 39 (821). URL: <http://expert.ru/expert/2012/39/svinovodov-pojmali-na-zhivka/>)

лались на разницу издержек отечественных и зарубежных производителей ввиду различия природно-климатических условий, другие приводили статистические доказательства неэффективности отечественного производства, тем самым обосновывая необходимость серьёзных перемен под давлением членства в ВТО. Иначе говоря, статистика использовалась для аргументации противоположных позиций.

Меньшей популярностью пользовались отсылки к опыту других стран — членов торговой организации. Накануне вступления в ВТО об этом писали лишь 7% статей, а после — и того меньше (3%). При этом сторонники вступления России в ВТО, как правило, приводили пример Китая, Вьетнама и Гонконга, а противники — Украины и Киргизии. Буквально единичны случаи обращения к научным моделям. И совсем проигнорированы аргументы, апеллирующие к мнению населения.

Таблица 3

Обоснование мнений до и после присоединения России к ВТО

Обоснование мнений	Доля статей (в %)	
	До вступления в ВТО	После вступления в ВТО
Апелляция к статистике	30	38
Апелляция к зарубежному опыту	7	3
Апелляция к истории	3	1
Апелляция к научным моделям	1	0
Мнение не обосновано	59	58

Таким образом, дискуссия в печатных СМИ по вопросу о ВТО стала менее оптимистичной и эмоциональной, но более фокусированной на условиях членства в этой организации для конкретных отраслей, что придало дискуссии форму законспирированного лоббизма. При этом более аргументированной дискуссия не стала. Предельно огрубляя ситуацию, можно сказать, что накануне присоединения России к ВТО основной спор шёл между оптимистами-пропагандистами в лице политиков и чиновников, с одной стороны, и пессимистами-практиками от бизнеса — с другой. После вступления в ВТО представители бизнеса стали задавать тон дискуссии.

3.2. Аргументы сторонников и противников членства России в ВТО

Анализ статей позволяет выявить аргументы, используемые в дискуссии о ВТО. Логично было предположить, что до вступления в ВТО в СМИ будет обсуждаться целесообразность этого шага, а после — способы адаптации к работе в новых условиях. Однако это предположение оказалось верным лишь в первой части. Способы адаптации не стали темой для обсуждения, вместо этого продолжилось обсуждение угроз и возможностей в свете членства в ВТО, то есть *структура аргументов осталась прежней* (см. табл. 4). В одной статье могли использоваться несколько аргументов.

Приведём текстовые иллюстрации наиболее популярных аргументов, приводимых противниками вступления России в ВТО.

Первое место, устойчиво и с большим отрывом, занимает аргумент о том, что членство в ВТО создаёт угрозу отдельным отраслям:

Российским производителям свинины в следующем году грозят убытки: из-за засухи корма подорожали, а из-за вступления в ВТО свиньи подешевели. (Никитина Е. 2012. Подложили свинину. *Ведомости*. 241.)

После вступления России в ВТО ввозные пошлины на комбайны сразу снизились до 5% — в 3 раза на новые и в 5 раз на поддержанные машины, напоминает совладелец «Ростсельмаша» Константин Бабкин. Это поставило под угрозу отечественное производство, говорит он. Производители сельхозтехники были в первых строчках списка отраслей, пострадавших от присоединения к ВТО. (Стеркин Ф., Штанов В. 2012. Россия защищается. Ведомости. 246.)

Распространено мнение о том, что помимо отдельных отраслей пострадает и российская экономика в целом:

Сегодня, со вступлением в ВТО, даже оставшиеся компании становятся пессимистами: заградительные пошлины перестали действовать, границы открыты, отечественным компаниям стало гораздо труднее конкурировать с иностранными гигантами, которые увеличили поставки в нашу страну. (Инкижинова С. 2013. В погоне за беби-бумом. Эксперт. 26 (857).)

Неконкурентоспособность отечественного производителя занимает третье место в параде доводов против ВТО:

Безусловно, мы не сможем конкурировать в открытой экономической системе, в которой мы оказались после вступления в ВТО, например, с предпринимателем из Кореи, для которого заимствование стоит пять процентов, или с предпринимателем из Великобритании, для которого оно стоит меньше трёх процентов. (Фадеев В. 2012. Замысел капитала. Эксперт. 40 (822).)

По сравнению с 2007 годом цены на газ в России в долларовом выражении увеличились в два раза, а рост цен на электроэнергию составил 67%; электроэнергия и железнодорожные перевозки у нас сегодня дороже, чем в США. Промышленность постепенно умирает, имея, с одной стороны, такие базовые издержки, а с другой — ВТО... (Жегло С. 2013. Кризис ещё можно остановить. Эксперт. 43 (873).)

Россия, с её плохим климатом, большими транспортными издержками, высокими тарифами и налогами, изначально не сможет конкурировать с иностранцами за рынки сбыта. (Зыкова Т. 2010. Внесённые в ВТО. Российская газета. 289 (5368).)

Таблица 4

Аргументы против присоединения России к ВТО

Аргумент	Доля статей, содержащих соответствующий аргумент (в %)	
	До вступления в ВТО	После вступления в ВТО
Угроза отдельным отраслям	41	40
Угроза экономике в целом ввиду неконкурентоспособности отечественных производителей	56	27
Ограничение на поддержку проблемных отраслей	13	11
Рост некачественного импорта (ГМО и др.)	7	7
Сокращение налоговых поступлений	6	4
Рост безработицы и (или) отсутствие новых рабочих мест	6	2

Таблица 4. Окончание

Аргумент	Доля статей, содержащих соответствующий аргумент (в %)	
	До вступления в ВТО	После вступления в ВТО
Угроза продовольственной безопасности страны	5	1
Неготовность страны к вступлению	4	1
Угроза суверенитету страны	1	1
Рост цен	0	1
Отсутствие кадров, способных защищать интересы страны в международных торговых спорах	0	4
Возможность претензий к России со стороны стран — членов ВТО	0	8

Из таблицы 4 видно, что такие политизированные тезисы, как угроза суверенитету страны или угроза продовольственной безопасности, ни до, ни после присоединения к ВТО не пользовались популярностью. Наибольшее беспокойство вызывают вполне конкретные риски: угрозы отдельным отраслям и внутреннему рынку в целом, неконкурентоспособность российских производителей. Однако после вступления в ВТО угроза отдельным отраслям становится безусловным лидером дискуссии, особенно часто в связи с этим вспоминается снижение пошлин. Дискуссия всё более смещается к обсуждению проблем отраслей, а не экономики в целом. Лидерами «тревожного списка» становятся свиноводы, сельскохозяйственное машиностроение и автопром.

Возникают и новые темы для обсуждения. Например, накануне вступления в ВТО говорилось исключительно об ожидаемом в связи с этим снижении цен. После присоединения к ВТО стали писать о повышении цен в результате введения утилизационного сбора для компенсации снижения импортных пошлин на автомобили.

Только после присоединения к ВТО появляются статьи, где выражается обеспокоенность намерениями некоторых стран обратиться в суд ВТО для получения компенсаций ввиду дискриминационной экономической политики России. Тревогу начинает вызывать отсутствие в стране юристов, разбирающихся в правилах ВТО и способных защищать интересы России в суде. Словом, список «тревог» не сократился, а, наоборот, расширился по мере того, как предполагаемое членство в ВТО стало реальностью.

Обратимся к рассмотрению аргументов оппонентов. «Тремя китами» аргументации в пользу ВТО являются предположения о том, что присоединение к организации создаст стимул к развитию, снизит цены и позволит российским компаниям выйти на международные рынки (см. табл. 5). В качестве иллюстрации приведём выдержки из СМИ.

Вступление в ВТО даст экономике импульс для развития. Вырастут объёмы торговли. Потеряем в пошлинах — приобретём в налогах. (Беляков Е. 2012. И вот мы всё-таки вступили в ВТО. Комсомольская правда. 101.)

Участие в организации станет стимулом для модернизации экономики, улучшения делового климата, позволит России занять более выгодные позиции в системе международного разделения труда... (Товкайло М., Стеркин Ф. 2012. ВТО хуже кризиса. Ведомости. 222.)

Международные рынки, как ожидается, откроются по факту вступления России в ВТО:

От партнёров Россия ожидает улучшения доступа наших товаров на международные рынки. (Кукол Е. 2011. ВТО самое время. *Российская газета*. 285 (5661).)

Участие России в ВТО... поможет продвижению нашей сельхозпродукции на внешние рынки. (Гудкова В., Буравчикова Д. 2012. Свинье не товарищ. Что ждёт сельское хозяйство после вступления в ВТО? *Аргументы и факты*. 28.)

Не комментируется то обстоятельство, что Россия стала крупнейшим экспортёром зерна, не будучи членом ВТО.

При вступлении в ВТО безусловным благом объявляется снижение цен:

Чем больше придёт к нам компаний, чем больше они будут конкурировать друг с другом — тем больше будут снижаться цены. (Кафтан Л. 2011. Для России ВТО — это благо или зло? *Комсомольская правда*. 176.)

Что же означает для нашей страны включение в ВТО? Прежде всего могут выиграть потребители, поскольку доступ большего количества иностранных производителей должен привести к повышению качества и снижению цен. (Овчинников Р., Полякова Ю. 2011. Вступление в ВТО должно снизить цены. *Известия*. 238.)

Заметим, что только в случае с ценами объясняется механизм их снижения. Грядущее развитие и перспективы экспорта не содержат признаков аргументации.

Таблица 5

Аргументы в пользу присоединения России к ВТО

Аргумент	Доля статей, содержащих соответствующий аргумент (в %)	
	До вступления в ВТО (175 статей)	После вступления в ВТО (222 статьи)
ВТО — стимул к развитию отечественной экономики	20	9
Снижение цен на потребительские товары	19	10
Выход на международные рынки	17	11
Иностранные инвестиции	13	3
Поддержка конкуренции	12	5
Негативных последствий не будет или они будут минимальны	10	9
Престиж страны на мировой арене	9	1
Понятные правила игры	7	1
Хорошие условия вступления	6	3
Невозможность отстать от общего порядка	3	1
Возможность вступить в ОЭСР	3	1

В доводах «за» также доминировали экономические мотивы. Аргументы геополитического характера значительно менее популярны. Тезисы о том, что вступление в ВТО ведёт к росту престижа России в мире или ускорит её присоединение к ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и разви-

тия), не часто использовались и до вступления в ВТО, а после — вообще практически вышли из оборота. Дискуссия стало абсолютно экономикоцентричной.

Теряет популярность тезис о стимулирующей роли ВТО для развития российской экономики: до вступления об этом писалось в каждой пятой статье в поддержку ВТО, а после — лишь в одной из десяти. Резко теряют популярность и тезисы о привлечении иностранных инвестиций, о стимулировании конкуренции. Самыми распространёнными доводами в пользу ВТО остаются возможность выхода на международные рынки и вероятность снижения цен за счёт дешёвого импорта. Иными словами, от обсуждения широкого спектра выгод, связанных с ВТО, дискуссия сместилась к обсуждению экспортных возможностей и преимуществ для потребителей. Другие предполагаемые выгоды членства в ВТО постепенно ушли из обсуждения, о них почти не вспоминают, хотя, как показывает наш анализ, именно на них строилась кампания в поддержку вступления России в ВТО.

В ходе публичной дискуссии произошла кристаллизация позиций, и круг используемых аргументов существенно сузился. До вступления в ВТО авторы состязались в разнообразии приводимых аргументов, и каноническая статья того периода представляла собой долгий список рисков или выгод (в зависимости от позиции автора) от вступления в ВТО. Впоследствии статьи стали строиться на одном-двух тезисах. Прежняя «размытая» картина суждений сменилась более чёткой позицией сторон. Детализация аргументов, сужение затрагиваемых тем объясняются более полным пониманием происходящего, а также реформативным лоббизмом в способ защиты от последствий вступления в ВТО.

3.3. Позиции представителей бизнеса, власти и науки

Есть ли различие в аргументах, используемых представителями бизнеса, власти, науки? Для прояснения их позиций мы провели анализ поддерживаемых ими аргументов накануне и после вступления в ВТО. Специфика суждений представителей бизнеса, политики, науки и журналистов показана на рисунке 5, где полюсами горизонтальной оси являются позиции «за» и «против», а вертикальная ось отражает конкретность и (или) абстрактность аргументов.

Мы видим, что *самыми активными противниками* присоединения России к ВТО в пространстве печатных СМИ были *представители бизнеса*. Внутри этой группы есть вариация мнений в зависимости от положения дел в конкретных отраслях (например, производители зерна более лояльны к ВТО, чем животноводы), но в целом предприниматели выступили в СМИ против присоединения России к ВТО. Важно подчеркнуть: были отрасли, потенциально выигрывающие от членства в ВТО, но они устранились от публичной дискуссии, поскольку понимали, что «политическая воля» руководства страны и старания чиновников однозначно ведут страну в ВТО, что сообразно интересам представителей данных отраслей. Другими словами, та часть бизнеса, которая была «за», избегала участия в дискуссии, а те, кто был «против», в ней активно участвовали. Особенно активны были представители сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения.

Представители бизнеса, аргументируя своё преимущественно негативное отношение к вступлению в ВТО, делали акцент на угрозах внутреннему рынку, отдельным отраслям экономики и продовольственной безопасности страны, а также на неконкурентоспособности российского производителя. По степени конкретности аргументов эта группа проигрывала представителям науки, но значительно выигрывала у политиков и журналистов.

Политики в пространстве печатных СМИ, напротив, *были лояльны к ВТО*. Этот факт выглядит достаточно неожиданным, ведь, как известно, протокол о присоединении России к ВТО ратифицировала в Думе только «Единая Россия», остальные фракции Государственной думы проголосовали «против». Но

дело в том, что в печатных СМИ по вопросу о ВТО выступили преимущественно представители «партии власти», а также Минэкономразвития, участники переговорного процесса в Женеве. Вызывает удивление, что думские оппозиционные фракции не проявили заметной активности в пространстве печатных СМИ¹³. В целом борьба, которая велась политиками в пространстве СМИ, выглядит достаточно вялой, что, впрочем, было продублировано вялостью дискуссии на заседании Государственной думы¹⁴.

Рис. 5. Особенности аргументации представителей разных сфер деятельности в течение полутора лет до вступления России в ВТО

Аргументы политиков и чиновников отличались разнообразием и позитивным отношением к вступлению в торговую организацию. Единственная потеря от вступления России в ВТО, которая ими признавалась, сводилась к сокращению налоговых поступлений¹⁵. Впрочем, далее следовала оговорка о том, что реальные потери бюджета будут компенсированы ростом торговли и соответственно увеличением налоговых сборов. Наиболее часто политики и чиновники использовали следующие аргументы: вступление в ВТО приведёт к увеличению объёмов иностранных инвестиций, послужит стимулом к развитию отечественного производства и снижению цен, сформирует понятные и прозрачные правила ведения бизнеса и осуществления торговой деятельности, поднимет престиж страны, ликвидирует отставание от мировых лидеров. Отмечались также благоприятные условия вступления России в ВТО без детализации этого суждения, читателям предлагалось принять его на веру. Политики преимуще-

¹³ Например, доклад С. Кургиняна с резкими оценками негативных последствий от присоединения России к ВТО, размещенный в Интернете, не нашёл отражения в массовых печатных изданиях (см.: Смысл игры — последствия вступления в ВТО. Выступление С. Кургиняна от 15 июля 2012 г. URL: <http://youtu.be/4oM-LrA41cI>).

¹⁴ «Удивительно, но наше вступление в ВТО прошло как-то совершенно буднично. Более 10 лет споров, созданные страшилки против ВТО и заветушки в пользу членства в этой организации – а итоговой битвы добра со злом (или наоборот) не получилось. Дискуссия в Думе вышла совершенно рутинной. Оппозиция для галочки задала несколько вопросов да и успокоилась» (Симонов К. 2012. Конъюнктура: Здравствуй, ВТО. *Ведомости*. 131).

¹⁵ В частности, на заседании Государственной думы, на котором был ратифицирован протокол о вступлении в ВТО, министр экономического развития РФ А. Р. Белоусов отметил, что «прямые потери бюджета от снижения импортных пошлин могут составить в 2013 году 188 миллиардов рублей, в 2014 году — 257 миллиардов рублей» (см. сайт Государственной думы РФ. Стенограмма заседания от 10 июля 2012 г. Режим доступа: URL: <http://www.duma.gov.ru>).

ственно оперировали абстрактными рассуждениями и были передовым отрядом сторонников присоединения России к ВТО на страницах популярных печатных СМИ.

Эксперты как участники дискуссии в популярных СМИ были в меньшинстве, но в целом **выражали поддержку вступлению страны в ВТО**. Впрочем, оптимизм этой группы носил более сдержанный характер и перемежался опасениями и тревогами. Их аргументы были максимально конкретными и сбалансированными с точки зрения сочетания преимуществ и рисков присоединения к ВТО. Наибольшее беспокойство у экспертов вызывали возможный рост безработицы, а также снижение контроля за качеством товаров, появление на российских рынках дешёвой и низкосортной продукции, продуктов питания, содержащих ГМО. На страницах популярных печатных изданий эксперты выступили в роли защитников интересов потребителей. Более детализированный и фундированный анализ последствий вступления в ВТО эксперты перенесли на страницы специализированных научных изданий. Академизм, видимо, диктовал снисходительное отношение к популярным СМИ. В результате фундированное мнение, зачастую критической направленности, не дошло до широкой аудитории.

Не будем забывать и о том, что в свете реформ наука не хотела дразнить власть своим несогласием с «генеральной линией». Понимая, что вступление в ВТО неизбежно, поскольку «наверху уже всё решено», наука устранилась от активной роли в этом процессе, предпочитая обсуждать проблемы потребителей, а не производителей.

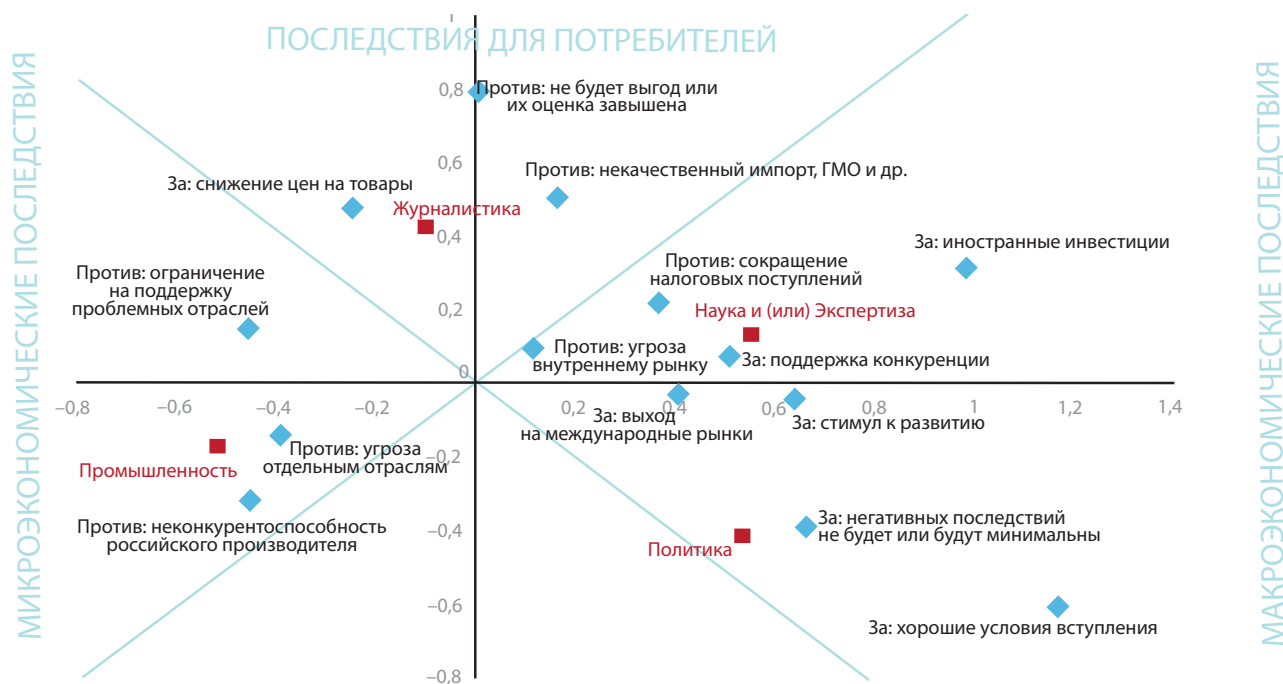
По степени абстрактности аргументов рекорд установили **журналисты**, не представившие консолидированного мнения по поводу присоединения страны к ВТО. С одной стороны, они обращали внимание читателей на неготовность страны к вступлению в ВТО, а также на непонятные и неопределённые условия, на которых это вступление должно произойти. С другой стороны, они бичевали «пещерный протекционизм» и декларировали, что присоединение к торговой организации откроет для России выход на международные рынки.

В целом, позиции участников дискуссии по вопросу о целесообразности присоединения России к ВТО таковы: *промышленники — против, политики — за, эксперты — скорее за, журналисты — за или против в зависимости от ориентации издания*. В пространстве печатных СМИ напряжённый диалог вёлся между бизнесом и властью. Политики и чиновники выступали как «прогрессисты», пытающиеся преодолеть отрыв России от «общемировых тенденций», а предприниматели, при всей неоднородности суждений, были скорее противниками, чем сторонниками этого шага, позиционируя себя как национально ориентированную буржуазию в борьбе с «космополитами» от власти и науки. При этом предприниматели активно использовали рамку патриотического дискурса для получения льгот, доказывая наибольшую уязвимость той или иной сферы в случае вступления России в ВТО.

Но в августе 2012 г. этой борьбе был положен конец: Россия стала членом ВТО. Дискуссия сместилась к обсуждению последствий этого шага, уже проявившихся или ожидаемых. Как в новых условиях различаются позиции бизнеса, власти, экспертов и журналистов?

Весь массив позиций, согласно нашему анализу, разбивается на три области: последствия (1) для потребителей, (2) для производителей (микроследствия) и (3) для экономики в целом (макроследствия) (см. рис. 6).

Представители бизнеса после вступления России в ВТО продолжили акцентировать внимание на экономических последствиях данного шага, однако они практически отказались от обсуждения макропоследствий присоединения к торговой организации. Спектр их аргументов сузился, сфокусировавшись на рисках, с которыми могла столкнуться или уже столкнулась их отрасль.

Рис. 6. Особенности аргументации представителей разных сфер деятельности в течение полутора лет после вступления России в ВТО

Эксперты и политики, напротив, уделили особое внимание оценке потенциального влияния вступления в ВТО на динамику макроэкономических показателей. Наиболее популярными среди представителей данных сфер стали следующие тезисы: возможность иностранных инвестиций, выход на международные рынки, поддержка конкуренции и стимул к развитию. Вместе с тем эксперты и политики указывали на возможность негативных эффектов вступления в ВТО, таких как угроза внутреннему рынку и сокращение налоговых поступлений, связанное со снижением импортных пошлин. Однако политики, говоря о макропоследствиях, более тесно увязывали свою аргументацию с интересами производителей, тогда как эксперты вели речь о потребителях.

Но наиболее полно роль выразителей интересов потребителей стали играть *журналисты*. Напомним, что в период, предшествующий вступлению в ВТО, журналисты писали буквально обо всём, теперь же они нашли свою нишу, сконцентрировавшись на потребительской проблематике. Их интересовали возможность снижения цен в связи со вступлением России в ВТО и угроза роста некачественного импорта. Кроме того, если прежде журналисты не имели однозначности суждения в терминах «за» или «против» присоединения к ВТО, то теперь они дружно заняли позицию, согласно которой присоединение к торговой организации не будет иметь значимых позитивных последствий (см. табл. 6).

Таблица 6

Позиции участников дискуссии в печатных СМИ

Сфера деятельности участников дискуссии в печатных СМИ	До вступления РФ в ВТО		После вступления РФ в ВТО	
	«За» или «против»	Степень абстрактности или конкретности аргументов	Фокус обсуждаемых проблем	Участие в дискуссии
Бизнес	Резко «против»	Баланс абстрактных и конкретных суждений	Проблемы конкретных отраслей	Возросло
Власть	Резко «за»	Преимущественно абстрактно	Проблемы экономики в целом, политические дивиденды	Снизилось

Таблица 6. Окончание

Сфера деятельности участников дискуссии в печатных СМИ	До вступления РФ в ВТО		После вступления РФ в ВТО	
	«За» или «против»	Степень абстрактности или конкретности аргументов	Фокус обсуждаемых проблем	Участие в дискуссии
Наука	Умеренно «за»	Наиболее конкретно	Проблемы потребительских рынков	Снизилось
Журналистика	Нет однозначной позиции	Наиболее абстрактно	Проблемы потребителей (качество товаров, импорт ГМО, уровень цен)	Возросло

Заключение

Переговоры о членстве России в ВТО длились 18 лет. И весь этот период популярные печатные СМИ уделяли внимание этой теме. Но интенсивность дискуссии и позиции участвующих в ней сторон не были постоянными. Пики внимания к теме ВТО в российских СМИ сменялись периодами относительного равнодушия. Некоторое игнорирование проблемы ВТО в 1990-е гг. сменилось бурным интересом в 2000-е гг. Затягивание процесса вступления в ВТО, новые препятствия на этом пути снижали интерес к теме, а очередная удача переговорщиков оживляла дискуссию. Бурный рост интереса к проблеме ВТО начался в конце 2010 г., достигнув пика весной–летом 2012 г., когда переговорный процесс вышел на «финишную прямую». После того как страна вступила в ВТО, интерес к этой теме относительно спал.

Сравнение характера дискуссии в печатных СМИ до и после вступления РФ в ВТО позволяет утверждать, что дискуссия в целом стала менее оптимистичной и эмоциональной, но более фокусированной на ситуации в конкретных отраслях. Существенное внимание уделялось проблемам российского аграрного машиностроения и производителей свинины. Изменение характера дискуссии связано с изменением состава её участников. Политики и чиновники как главные пропагандисты членства в ВТО стали уходить из дискуссии после того, как Россия присоединилась к этой организации. Их место заняли представители бизнеса, которые и накануне вступления в ВТО выражали сомнение относительно целесообразности членства в ВТО на тех условиях, что приняла Россия. После же вступления в ВТО представители бизнеса превратили критику ВТО в новую легитимную рамку лоббизма, обосновывая требования государственной помощи и преференций необходимостью компенсировать урон, нанесённый членством в ВТО. Констатация разрушительных последствий членства в ВТО для той или иной сферы отечественного бизнеса была попыткой манипулирования общественным мнением для получения дополнительной государственной поддержки и льгот.

Предельно огрубляя ситуацию, можно сказать, что накануне присоединения России к ВТО основной спор шёл между оптимистами-пропагандистами в лице политиков и чиновников, с одной стороны, и пессимистами-практиками от бизнеса — с другой. После вступления России в ВТО пессимисты-практики стали задавать тон дискуссии в популярных печатных СМИ.

Литература

- Зверева В. 2009. Российское ТВ: теория и практика. *Искусство кино*. 1. URL: <http://kinoart.ru/archive/2009/01/n1-article23>
- Левашов В. 2013. *Российское государство и общество в период либеральных реформ*. М.: ЦСПиМ.
- Berelson B. 1960. Communications and Public Opinion. In: Schramm W. (ed.) *Mass Communications*. Urbana: University of Illinois Press; 527–543.
- Berger P. L., Luckmann T. 1966. *The Social Construction of Reality*. New York: Anchor Books.
- Blumer H. 1971. Social Problems as Collective Behavior. *Social Problems*. 18 (3): 298–306.
- Cohen J. E. 1995. Presidential Rhetoric & the Public Agenda. *American Journal of Political Science*. 39 (1): 87–107.
- Creemers R. 2012. Marching In: China's Cultural Trade in Official and Press Discourse. *China Perspectives*. 1: 29–37.
- Graber D. 1980. *Mass Media and American Politics*. Washington, DC: CQ Press.
- Hilgartner S., Bosk Ch. L. 1988. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *The American Journal of Sociology*. 94 (1): 53–78.
- Hill A., Watson J. 2000. *Dictionary of Media and Communication Studies*. 5th ed. London: Bloomsbury.
- Hendershot M. 2004. *Does Seattle Matter? An Empirical Analysis of Media Reports Surrounding the World Trade Organization*. Paper prepared for the 62nd Annual MPSA National Conference, Chicago, Ill, April 15–18.
- Johnstone W., Slawski E., Bowman W. 1972. The Professional Values of American Newsmen. *Public Opinion Quarterly*. 36 (4): 522–540.
- Kong Y. 1997. U.S. *Regional Newspapers' Coverage on China's Entry into the WTO. A Regional Economy Approach*. Beijing Normal University. Thesis for Master of Mass Communication Degree. URL: http://etd.lsu.edu/docs/available/etd-0603103-112538/unrestricted/Kong_thesis.pdf
- Kosicki G. 1993. Problems and Opportunities in Agenda-Setting Research. *Journal of Communication*. 43 (2): 100–127.
- Lasswell H. 1927. *Propaganda Technique in the World War*. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co.
- Leighley J. E. 2004. *Mass Media and Politics: A Social Science Perspective*. Boston, MA: Wadsworth Publishing.
- McFarlane T., Hay I. 2003. The Battle for Seattle: Protest and Popular Geopolitics in the Australian Newspaper. *Political Geography*. 22: 211–232.

- Olds C. 2013. Assessing Presidential Agenda-Setting Capacity: Dynamic Comparisons of Presidential, Mass Media, and Public Attention to Economic Issues. *Congress & the Presidency*. 40: 255–284.
- Picard R. G. 2005. *Money, Media, and the Public Interest*. Oxford: Oxford University Press.
- Rogers E. M., Dearing J. W. 1988. Agenda-Setting Research: Where has It Been? Where is It Going? In: Anderson J. A. (ed.). *Communication Yearbook 11*. Newbury Park, CA: Sage; 555–594.
- Swinnen J. F. M., Francken N. 2006. Summits, Riots and Media Attention: The Political Economy of Information on Trade and Globalisation. *The World Economy*. 29 (5): 637–654.
- Tidmarch Ch. M., Hyman L. J., Sorkin J. E. 1984. Press Issue Agendas in the 1982 Congressional and Gubernatorial Election Campaigns. *Journal of Politics*. 46 (4): 1226–1242.
- Walker J. L. 1977. Setting the Agenda in the U.S. Senate: A Theory of Problem Selection. *British Journal of Political Science*. 7: 423–445.
- Wolfe M., Jones B. D., Baumgartner F. R. 2013. A Failure to Communicate: Agenda Setting in Media and Policy Studies. *Political Communication*. 30 (2): 175–192.

NEW TEXTS

Svetlana Barsukova, Anastasia Korobkova

Russia's Accession to the WTO in the Mirror of Russian Print Media

BARSUKOVA,

Svetlana Yur'evna — Professor,
Department of Sociology; Deputy
Director, Laboratory for Studies
in Economic Sociology, National
Research University Higher
School of Economics.

Address: 20 Myasnitskaya
str., Moscow 101000, Russian
Federation.

Email: svbars@mail.ru

KOROBKOVA,

Anastasia Dmitrievna — MA,
Department of Sociology,
National Research University
Higher School of Economics.

Address: 20 Myasnitskaya
str., Moscow 101000, Russian
Federation.

Email: korobkova-n@yandex.ru

Abstract

The debate about the risks and potential gains from WTO accession for Russia has been going on for a long time, both in the mass media and in the scientific community. Politicians, businessmen and experts community expressed their opinion on this issue active and emotionally. Each of these parties expected different effects from Russia's entering to the WTO and used different arguments in the debate. The method of our study is content analysis of articles in the leading Russian periodical publications.

In this paper we analyze the dynamics of the intensity of the debate on this issue and make an assumption about the possible causes of these fluctuations. We showed that the intensity of the debate on this issue depended on various factors such as the passage of diverse stages of the negotiations, the interests of supporters and opponents of joining the WTO, the presence of competing (more interesting for the mass media and the people) topics.

We pay particular attention to the arguments of discussion and analyze the main points of proponents and opponents of entering the WTO. We consider the basis of their arguments: on the terms of Russia's accession to this organization or on the fact of entering. Proceeding from this, it is concluded that there are weighty arguments or that they are abstract and theoretical. We also consider the differences in the arguments used by

businessmen, politicians, experts and journalists.

If we look at the dynamic aspect, it should be noted that in the period after the entry debate has become less emotional. There was also a decline in optimism about the prospects of membership in the organization. In part, this may be due to decreased activity of politicians as participants of discussions, which were the most active supporters of accession to the WTO.

Keywords: Russia's WTO accession; mass communication; press; public discussion; agenda-setting in media.

References

Berelson B. (1960) Communications and Public Opinion. *Mass Communications* (ed. W. Schramm), Urbana: University of Illinois Press, pp. 527–543.

Berger P. L., Luckmann T. (1966) *The Social Construction of Reality*, New York: Anchor Books.

- Blumer H. (1971) Social Problems as Collective Behavior. *Social Problems*, vol. 18, no 3, pp. 298–306.
- Cohen J. E. (1995) Presidential Rhetoric & the Public Agenda. *American Journal of Political Science*, vol. 39, no 1, pp. 87–107.
- Creemers R. (2012) Marching In: China's Cultural Trade in Official and Press Discourse. *China Perspectives*, no 1, pp. 29–37.
- Graber D. (1980) *Mass Media and American Politics*, Washington, DC: CQ Press.
- Hilgartner S., Bosk Ch. L. (1988) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *The American Journal of Sociology*, vol. 94, no 1, pp. 53–78.
- Hill A., Watson J. (2000) *Dictionary of Media and Communication Studies*, 5th ed., London: Bloomsbury.
- Hendershot M. (2004) *Does Seattle Matter? An Empirical Analysis of Media Reports Surrounding the World Trade Organization*. Paper prepared for the 62nd Annual MPSA National Conference, Chicago Ill, April 15–18.
- Johnstone W., Slawski E., Bowman W. (1972) The Professional Values of American Newsmen. *Public Opinion Quarterly*, vol. 36, no 4, pp. 522–540.
- Kong Y. (1997) U.S. Regional Newspapers' Coverage on China's entry into the WTO. A Regional Economy Approach, Beijing Normal University, Thesis for Master of Mass Communication Degree. Available at: http://etd.lsu.edu/docs/available/etd-0603103-112538/unrestricted/Kong_thesis.pdf (accessed on 15 September 2014).
- Kosicki G. (1993) Problems and Opportunities in Agenda-Setting Research. *Journal of Communication*, vol. 43, no 2, pp. 100–127.
- Lasswell H. (1927) *Propaganda Technique in the World War*, London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co.
- Leighley J. E. (2004) *Mass Media and Politics: A Social Science Perspective*, Boston, MA: Wadsworth Publishing.
- Levashov V. (2013) *Rossiyskoe gosudarstvo i obshchestvo v period liberal'nykh reform* [Russian State and Society in the Period of Liberal Reforms], Moscow: CSPiM (in Russian).
- McFarlane T., Hay I. (2003) The Battle for Seattle: Protest and Popular Geopolitics in the Australian Newspaper. *Political Geography*, no 22, pp. 211–232.
- Olds C. (2013) Assessing Presidential Agenda-Setting Capacity: Dynamic Comparisons of Presidential, Mass Media, and Public Attention to Economic Issues. *Congress & the Presidency*, no 40, pp. 255–284.
- Picard R. G. (2005) *Money, Media, and the Public Interest*, Oxford: Oxford University Press.
- Rogers E. M., Dearing J. W. (1988) Agenda-Setting Research: Where has It Been? Where is It Going? *Communication Yearbook II* (ed. J. A. Anderson), Newbury Park, CA: Sage, pp. 555–594.

Swinnen J. F. M., Francken N. (2006) Summits, Riots and Media Attention: The Political Economy of Information on Trade and Globalisation. *The World Economy*, vol. 29, no 5, pp. 637–654.

Tidmarch Ch. M., Hyman L. J., Sorkin J. E. (1984) Press Issue Agendas in the 1982 Congressional and Gubernatorial Election Campaigns. *Journal of Politics*, vol. 46, no 4, pp. 1226–1242.

Walker J. L. (1977) Setting the Agenda in the U.S. Senate: A Theory of Problem Selection. *British Journal of Political Science*, no 7, pp. 423–445.

Wolfe M., Jones B. D., Baumgartner F. R. (2013) A Failure to Communicate: Agenda Setting in Media and Policy Studies. *Political Communication*, vol. 30, no 2, pp. 175–192.

Zvereva V. (2009) Rossiyskoe TV: teoriya i praktika [Russian TV: Theory and Practice]. *Iskusstvo kino*, vol. 1. Available at: <http://kinoart.ru/archive/2009/01/n1-article23> (accessed on 15 September 2014) (in Russian).

Received: September 11, 2014.

Citation: Barsukova S. Yu., Korobkova A. D. (2014) Vstuplenie Rossii v VTO v zerkale rossiyskikh pechatnykh SMI [Russia's Accession to the WTO in the Mirror of Russian Print Media], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 20–44 (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

П. Сален

Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов¹

САЛЕН Паскаль (Salin, Pascal) — профессор экономики Университета Париж-Дофин.
Адрес: Франция, Париж 75775 Cedex 16, площадь им. Генерала Жана де Латтр де Тассиньи.

Email: Pascal.SALIN@dauphine.fr

Перевод с франц.
Дмитрия Кралечкина.

Публикуется
с разрешения
Издательства Института
им. Е. Гайдара.

В книге «Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов» («Revenir au capitalisme pour éviter les crises») П. Сален, профессор экономики Университета Париж-Дофин, на примере кризиса 2007–2009 гг. делает более общий анализ финансово-экономических кризисов. Цель автора — убедить читателей в наличии в арсенале экономистов надёжных теоретических инструментов, позволяющих понять экономические кризисы современного мира. Основным аргументом автора является то, что именно государственное вмешательство спровоцировало данный финансовый кризис, а поэтому выход из него следует искать в правильной работе рынков.

Журнал «Экономическая социология» публикует «Заключение. В чём “мораль”?» («Conclusion. Que faut-il “moraliser”») из книги П. Салена. В нём автор ставит проблему нарушения принципов морали, приводящего к кризисам капиталистических систем. Для понимания обозначенной проблемы П. Сален рассматривает различные виды этики, обсуждает вопросы нравственности капитализма как такового, рассуждает о том, насколько правомерно утверждать, что причины финансового кризиса 2007–2009 гг. находятся в сфере этического кризиса, а также приходит к выводу, что основным источником аморальности является государственное вмешательство.

Ключевые слова: финансовый кризис; мораль; этика; капитализм; рынок; государство.

Заключение. В чём «мораль»?

Обычно допускается, что кризис² является следствием этических прегрешений со стороны банкиров, поскольку эти последние доказали свою бессмысленную алчность. Желание обогатиться якобы побудило их пойти на чрезмерные риски, дабы получить астрономические бонусы, обоснованные значительным объёмом операций. Но эти индивидуальные прибыли, раз они спровоцировали кризис, были результатом пренебрежения общими интересами. Таким образом, мы приходим к чёткому различию между жертвами — безработными, семьями, лишившимися в США своих домов,

¹ *Источник:* Сален П. (готовится к изданию). *Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов*. М.: Институт Гайдара. Перев. с франц.: Salin P. 2010. *Revenir au capitalisme pour éviter les crises*. Paris: Odile Jacob.

² Н. Сален на примере мирового кризиса 2007–2009 гг. делает общий анализ финансово-экономических кризисов. — *Примеч. ред.*

пострадавшими профессиями — и бессердечными банкирами, которые за их счёт заработали огромные прибыли. И следует неприменный вывод: поскольку банкиры сами не способны ограничить себя в стремлении к прибыли, не готовы подчиниться принципам морали, необходимо, чтобы эти границы ввело государство, то есть стало бы в определённом смысле гарантом публичной морали. Для всех тех, кто ненавидит капитализм, кризис стал прекрасной иллюстрацией мысли, которой они руководствуются: индивидуальное стремление к прибыли не обеспечивает общественной гармонии и противоречит общим интересам. Это распространённое рассуждение ещё больше приветствуется потому, что кажется основанным на защите нравственных принципов. Но следует прояснить критерии моральности, прежде чем пытаться оценивать моральный или аморальный характер какого-то конкретного действия или общественной ситуации.

Этика универсальная и персональная

Различие, которое можно провести между универсальной этикой и персональной, важно, если мы хотим избежать произвольных и спорных суждений. Универсальная этика — это та, которая потенциально может быть принята всеми людьми безо всякого риска противоречий³. В той мере, в какой речь идёт о теоретической возможности, а недействительном осуществлении, более верно было бы, впрочем, говорить об *универсализируемой* этике, а не об универсальной. Определить этику — значит обозначить принципы, которым индивиды должны свободно подчиняться, если они обладают достаточным нравственным сознанием. Иными словами, определить универсальную этику — значит установить обязанности нравственного толка, которые вменяются всем людям на земле. Но на самом деле существует лишь один тип *универсальной* обязанности: уважение индивидуальных прав, то есть уважение, с которым индивид должен относиться к правам на жизнь, физическую неприкосновенность и законную собственность других индивидов, кем бы они ни были и где бы ни находились.

В мире, в котором законные права каждого были бы верно определены и уважались⁴, не было бы противоречий между действиями разных индивидов: каждый знал бы пределы собственных действий и соблюдал их. Общество, полностью признающее эти принципы, было бы, очевидно, мирным и гармоничным. В частности, в нём не было бы конфликтов, связанных с использованием каждого из благ, поскольку законное присвоение благ определяло бы границу между теми, кто может их использовать, и теми, кто исключён из сферы такого использования.

Но при этом персональных этик существует столько же, сколько отдельных людей, и ни одна из них не может быть обобщена, то есть универсализирована. Так, у каждого из нас есть особая концепция того уровня альтруизма или эгоизма, который он считает оправданным. Одни решат, что моральный долг — проявление щедрости, но поскольку невозможно быть щедрым со всеми, необходимо положить какие-то пределы этому долгу щедрости, и каждый будет произвольным образом решать, какие именно пределы он будет соблюдать. Другие, возможно, сочтут, что прежде всего есть обязанности по отношению к себе, а потому по отношению к другим следует придерживаться эгоистической позиции. Ну а третьи, не исключено, хотели бы быть щедрыми, однако они боятся того, что щедрость подтолкнёт выгодополучателей к лени, а потому они решат, что их моральный долг — прививать другим дисциплину труда. Очевидно, невозможно примирить все эти различные взгляды на моральные обязанности. Если же возникает желание утвердить и навязать один из них политическими средствами, силой государственного принуждения, обязательно возникнет противоречие, поскольку господство какой-то одной персональной морали над всеми остальными достигается в этом случае пренебрежением уни-

³ Это понятие универсальной этики можно сблизить с категорическим императивом Канта, который определяет общий принцип нравственного действия и применим ко всем людям.

⁴ О законном характере прав собственности см. вторую часть нашей работы о либерализме: [Salin 2000].

версальной этикой. Собственно, это и происходит при политике перераспределения, которая не может не посягать на законные права налогоплательщиков, коих обязали финансировать выплаты, не обязательно соответствующие их собственной персональной морали. Напротив, частная и добровольная благотворительность, очевидно, совместима и с персональной моралью, и с универсальной.

Конечно, персональные морали можно считать вполне достойными уважения, и универсальная этика действительно предполагает такое уважение при условии, что их осуществление не сопровождается посягательством на универсальную этику. С этой точки зрения, однако, можно сказать, что действительно либеральная позиция ведёт к значительной терпимости по отношению к персональным моральям, поскольку, в конечном счёте, следует запретить себе выносить ценностные суждения о поступках других, даже если они противоречат вашей собственной персональной морали, при условии, что ими не нарушаются права других людей. Но, с другой стороны, в области универсальной морали любые компромиссы неприемлемы.

Используя этот инструмент анализа, мы можем попытаться оценить, в какой мере финансовый кризис является следствием или же свидетельством моральных установок. Но прежде нужно уточнить, что же понимается под капитализмом, поскольку нам надо выяснить, в какой мере кризис мог быть спровоцирован аморальными видами поведения, свойственными капитализму.

Моральность капитализма

В капиталистической системе ресурсы, которыми обладает индивид, получены им благодаря его собственным усилиям, а не за счёт применения того или иного принуждения, будь оно правовым или нет. Так, собственником какой-либо вещи можно стать, если она была создана собственником⁵, получена в рамках свободной торговли или от предыдущего собственника. Вот почему капиталистическую систему допустимо определить как систему законных прав собственности.

Следовательно, не будет ошибкой сразу же признать то, что капитализм — это общественная система, которая отвечает требованиям универсальной морали. Позволительно даже сказать, что капитализм — это единственная общественная система, совместимая с универсальной моралью, то есть единственная система, обладающая бесспорным нравственным основанием. Капитализм основан на уважении законных прав собственности, на уважении договора и свободной торговли. Конечно, в капиталистической системе могут мирно присутствовать многие персональные морали, но ни одна из них не навязывается остальным. Так, могут существовать весьма эгоистические капиталисты и в то же время весьма альтруистические, но это несколько не меняет глубоко морального характера капитализма.

Следовательно, было бы априори странно, если бы капитализм мог привести к таким формам поведения, которые было бы уместно считать аморальными, а финансовый кризис стал их последствием.

Кризис и моральность

Теперь у нас есть возможность оценить то, в какой мере финансово-экономический кризис является, по существу, кризисом этическим, а это, в свою очередь, должно позволить нам определить средства, благодаря которым в случае необходимости можно было бы снова поставить финансово-экономическую деятельность на подлинные нравственные основания. Для этого достаточно выяснить, в какой мере этические принципы, только что нами обозначенные, позволяют дать моральную оценку поведению заинтересованных лиц, учитывая экономический и институциональный анализ, проведённый нами ранее.

⁵ Об отношении между актом создания и законностью права собственности см. вторую часть нашей работы о либерализме: [Salin 2000].

Как теперь уже известно, неверно было бы объяснять кризис 2007–2009 гг. бездумным стремлением к получению прибыли. Вернёмся ещё раз к различным факторам кризиса, которые мы выделили ранее.

В наше время именно официальные власти определяют рост денежной массы, задавая одновременно процентную ставку и рост кредитов. Не всегда было так, поскольку формирование центральных банков (в XIX и XX веках) в масштабах истории сравнительно недавнее явление. Попробуем на мгновение переместиться в предшествующий этому период. Используя тогда деньги состояли, в частности, из монет, стоимость которых определялась соответствующей ценой металла на рынке. Что касается банковских билетов, то они первоначально покрывались гарантией конвертируемости по устойчивому курсу в металлические монеты, например в золотые. Такие билеты выпускались частными банками, обещавшими их обладателям, что смогут выкупить их в любой момент, отдав взамен то количество металла, которое позволило их купить⁶. Производство денег вытекало, соответственно, из заключения контрактных договорённостей между банкиром, выпускающим билеты, и его клиентом — пользователем этих билетов. Предположим, например, что какой-то банк выпустил билет стоимостью в один грамм золота. Представим теперь, что он говорит обладателю этого билета, когда тот возвращается в банк с целью продать свой билет за золото, что даст за него не один грамм золота (который является первоначально установленной ценой), а только полграмма. Это, очевидно, нарушение контракта и даже, говоря точнее, кража. В цивилизованном обществе, то есть в капиталистическом обществе, в котором права каждого ясно определены и защищены, банк, скорее всего, будут преследовать в судебном порядке за кражу. В любом подобном случае он, очевидно, потерял бы всех своих клиентов и обанкротился. Вот почему в системе такого типа собственники банков, то есть капиталисты, ведут себя ответственно. Чтобы не допустить банкротства из-за неспособности сдержать свои обещания по оплате банковских билетов золотом, банки будут избегать слишком большой — в сравнении с золотыми запасами, переданными им, — эмиссии этих билетов. Действительно, у банкира всегда есть возможность выпустить деньги не под золото, а под долговую расписку, выдаваемую выгодополучателем кредита. У банкира может быть искушение пойти на это, сохраняя также гарантию конвертируемости в золото всех продаваемых им банковских билетов по фиксированному курсу, чтобы увеличить свою прибыль благодаря процентам, получаемым по выданным кредитам (так называемая система частичного банковского резервирования, при которой резервы золота представляют лишь часть общей суммы выпущенных билетов). Но он побоится слишком далеко заходить в данной политике умножения денежных знаков, поскольку есть риск столкнуться со слишком значительными требованиями заплатить золотом, а потому и риск банкротства. Подобная система, опирающаяся на ответственное поведение собственников-капиталистов, является одновременно хорошо функционирующей, поскольку избегает избыточного создания денег, и глубоко моральной, поскольку требует уважения к правам каждого и выполнения контрактных обязательств. В данном случае мы видим иллюстрацию того факта, что капитализм — система одновременно саморегулируемая и моральная.

Но как работают современные денежные системы? Некоторое время в государствах поддерживалась фикция конвертируемости в золото валют, выпускаемых под контролем центральных банков. Но удивительно то, что финансовые власти занимались чрезмерным расширением денежной массы и, в конце концов, решились на несколько девальваций, то есть сделали именно то, что мы назвали кражей (так это и именовалось бы, если бы подобную операцию провёл какой-нибудь частный банкир)! Девальвация — это кража, поскольку она сводится к тому, что обладателям денег не даётся то количество золота (или серебра), которое было им обещано. Девальвация, следовательно, есть посягательство на универсальную этику.

Но в наше время правительства пошли намного дальше. В самом деле, государственные финансовые органы в конце концов отменили всякую гарантию конвертируемости. Чаще всего они просто вводят

⁶ См. нашу работу «La Vérité sur la monnaie» («Правда о деньгах»): [Salin 1990].

денежную монополию, обязывая граждан пользоваться валютой, которую они контролируют, какой бы плохой она ни была. Это называется «форсированный курс», при котором ни у кого нет права предлагать или использовать валюту, отличную от той, что выпускается на данной территории под контролем центрального банка. И, как обычно, государство не подчиняется нормальным правилам цивилизованного общества. Оно присваивает право действовать по собственному почину и манипулировать созданием денег или процентной ставкой, как ему вздумается. Не принимая на себя никаких обязательств по отношению к гражданам, государство, соответственно, не может и нарушить своих обязательств! В этом смысле, когда проводится чрезмерно экспансионистская денежная политика, нельзя сказать, что происходит посягательство на универсальную этику. Однако причина исключительно в том, что государство попросту ничего не знает об универсальной этике. Оно принуждает нас жить в мире без морали. И финансовый кризис — это последствие такой нехватки моральности.

В целом кризис 2007–2009 гг. был результатом множества иллюзий, а также, возможно, лжи. Прежде всего была иллюзия, порождаемая государственными финансовыми органами, которые внушили всем мысль о том, что допустимо бесконечно долго финансироваться по низкой цене; были также иллюзии, вызванные жилищной политикой, вследствие чего заёмщики решили, что смогут легко расплатиться по долгам и цена их жилья будет постоянно расти; ещё иллюзии создавали рейтинговые агентства и организации, выпускающие секьюритизированные долговые обязательства (и другие сложные продукты) и говорившие о том, что риски этих ценных бумаг верно оценены; иллюзии, спровоцированные экспертами банков, которые заставили думать, что их математические модели правильно отображают реальность и потенциальные риски; иллюзии порождали также законодатели и регуляторы, заверявшие, что рынки под контролем. В результате искусственной эйфории от всех этих отражающихся друг в друге иллюзий у любого участника рынка возникало искушение вступить в игру. Так, заёмщиков, взявших ипотеки, общая атмосфера побуждала скрывать своё истинное финансовое положение, чтобы было ещё легче получить кредит. И они были готовы соврать ещё и потому, что недавно введённые в США правила запрещали банкирам требовать подтверждения их положения (например, суммы дохода), хотя это, разумеется, нисколько не оправдывает их поведения.

О чём бы ни шла речь — о создании иллюзий или о простой лжи, нельзя сказать, что было совершено посягательство на права индивидов, и, с этой точки зрения, универсальная этика была соблюдена. Действительно, никто не обязан верить иллюзиям и лжи, и никто не может, следовательно, заявить, что его фундаментальные права были нарушены. Иными словами, ни у кого нет права на истину. Но, конечно, каждый из нас волен использовать критерии своей собственной персональной морали при вынесении суждения о поведении того или иного протагониста кризиса. Собственно, мы видели, сколько было обвинений, нападков на «жадных» банкиров или же критики предположительной аморальности получателей бонусов и опционов. Всё это — один из аспектов нормальной жизни общественного мнения, даже если и можно мечтать о мире, в котором каждый воздерживался бы от суждений о других, пока соблюдаются права всех, и где, вероятно, попытались бы создать институциональные условия, позволяющие лучше предупреждать формы поведения, считающиеся девиантными. Однако, едва подавшись страсти ценностных суждений, мы рискуем принудительно (говоря точнее, силой закона) навязать те формы поведения, которые соответствуют желаемому образцу. А такое принуждение, со своей стороны, грозит стать уже реальным посягательством на индивидуальные права.

Возьмём, к примеру, случай бонусов, считающихся «чрезмерными». Представляют ли они собой аморальную конфискацию ресурсов других в пользу их получателей? Конечно, нет. Естественно, они уменьшают дивиденды, выплачиваемые акционерам. Но, как мы знаем, такие бонусы могут считаться инструментом стимулирования, позволяющим акционерам добиваться гораздо более высоких прибылей, чем стоимость выплаченных бонусов. Так или иначе, определение бонусов — это вопрос договора между собственниками банка и менеджерами, которые получают эти бонусы. Если у акционеров есть

возможность самостоятельно определять сумму бонусов, эти последние, очевидно, не представляют собой аморальный отъём ресурсов. Что касается мелких акционеров, не способных контролировать банк, акционерами которого являются, им отлично известно об отсутствии у них каких-либо средств контроля и рискованности их прав собственности. Никто не заставлял их покупать акции, завязанные на определённый институциональный контекст. Следовательно, они могут обижаться только на самих себя, если впоследствии решат, что менеджеры выписали себе слишком большие по отношению к принесённым им прибылям бонусы.

Менеджеры получили значительное вознаграждение, поскольку шли на существенные риски. Но они не нарушили границ своих контрактов. Конечно, акционеры стали их первыми жертвами, но им нужно было просто лучше контролировать своих менеджеров, заключать другие контракты или иначе вкладывать свои средства.

Можно также упрекнуть менеджеров в том, что они специально продавали сложные финансовые продукты, сути которых на самом деле никто не понимал, например, секьюритизированные продукты и деривативы (они не аннулируют риски, а просто переносят их).

Возможно, в чрезмерном доверии моделям и компетенции других заключена интеллектуальная ошибка, а не моральная. Модели строятся на гипотезах о рисках, которые подвергаются вероятностной оценке, тогда как крупные риски, проявившие себя по время кризиса, это риски большого масштаба, которые сложно подсчитать в рамках теории вероятности. С этой точки зрения, операторы позабыли о такой добродетели, как осторожность. Но совершить ошибки ещё не значит допустить нравственный проступок. Капиталисты ошиблись в том, что поверили менеджерам и специалистам, слепо полагаясь на их знания, а менеджеры впали в грех гордыни: они думали, будто понимали то, чего на самом деле не понимали. Но гордыня есть грех, а не моральный проступок. Мы не можем упрекнуть в неэтичности людей, которым мы слишком доверяли, хотя это доверие и не было ничем оправдано. Такие ситуации были вызваны сочетанием неосторожности и гордыни, которые являются недостатками характера или даже грехами, но не моральными проступками.

Капиталисты, испытывающие на себе последствия кризиса, являются, таким образом, жертвами не моральных проступков, а нехватки определённых добродетелей (и также, вероятно, пренебрежения некоторыми принципами профессиональной этики, требующими, к примеру, большей открытости и прозрачности в делах, а также лучшего понимания рискованности своих поступков).

Наконец, существует «побочные жертвы» кризиса, то есть все те, кто испытывает на себе внешние негативные последствия, например, наёмные работники, потерявшие своё рабочее место, торговцы, чей оборот сокращается, мелкие акционеры, которые видят, что их активы падают в цене (хотя, возможно, и временно). Конечно, все эти ситуации печальны, однако их нельзя рассматривать в качестве результата посягательств на законные права. Так, если предприятие банкротится, его кредиторы терпят убытки, наёмные сотрудники перестают получать обещанную заработную плату (внешнее негативное последствие), но они не стали жертвами кражи. В человеческом обществе все люди зависят друг от друга, что порождает бесконечное число внешних позитивных или негативных последствий. Такие последствия неизбежны, однако не имеют ничего общего с проблемой морали. Они возникают даже в том случае, когда универсальная этика полностью и досконально соблюдается. Следовательно, не предполагают чьей бы то ни было ответственности и не дают права на то или иное возмещение причинённого ущерба.

Таким образом, нельзя сказать, что кризис был результатом аморальных поступков определённых лиц. Каждый действовал в рамках конкретного институционального контекста (он включает в том числе и

произвольную денежную политику, которая ведёт к дестабилизации, а потому аморальна), и каждый пытался воспользоваться предлагавшимися ему возможностями. У нас есть право ужаснуться невоздержанности некоторых людей, стремившихся к прибыли, но точно так же у нас есть право считать эти прибыли наградой за талант и усилия. Однако, вместо того чтобы пытаться навязывать своё представление о морали, стоило бы создать более качественные институциональные условия, например, те, что позволили бы акционерам лучше контролировать предприятия или предоставили держателям валюты гарантии её конвертируемости.

Впрочем, посягательства на универсальную этику в ситуации кризиса действительно имели место, но речь идёт совсем не о тех видах поведения, которые политики и средства массовой информации любят выдавать за аморальные, поскольку аморальны только акты принуждения, например, совершаемые государственными деятелями. Таков прежде всего случай законов и правил, навязывающих денежную монополию и, следовательно, выводящих личную ответственность за пределы функционирования денежных систем. Запрещая кому бы то ни было производить или использовать валюту, отличную от контролируемой центральным банком, представители государства посягают на свободу производства и приобретения.

В то же время, вводя новые налоги (или же набирая займы, которые придётся оплачивать в будущем за счёт новых налогов) для спасения банков от банкротства или для финансирования собственных планов по так называемому оживлению экономики, официальные власти принудительно изымают ресурсы, законно принадлежащие налогоплательщикам, и, таким образом, грубо нарушают их права. Мы выяснили, что *аморально не поведение менеджеров, которое привело к банкротству (поскольку банкротство — это наказание за ошибки). Аморально то, что государство использует силу принуждения, чтобы украсть ресурсы у налогоплательщиков, которые не отвечают за ошибки, совершенные государственными властями, банкирами или их наёмными сотрудниками.* Так что в целом, если играешь по правилам капиталистической системы, мораль соблюдается. Но с того момента, как в дело вступает государство, мы попадаем в область аморальности, поскольку это сфера принуждения, позволяющего нарушать законные права других. И кризис — кричащее тому подтверждение.

Литература

Salin P. 1990. *La Vérité sur la monnaie*. Paris: Odile Jacob.

Salin P. 2000. *Libéralisme*. Paris: Odile Jacob.

BEYOND THE BORDERS

Pascal Salin

Returning to Capitalism in Order to Escape Crises

SALIN, Pascal —
Professor of Economics
at Université Paris-
Dauphine.
Address: Place du
Maréchal de Lattre de
Tassigny, 75775 PARIS
Cedex 16, France.

Email: Pascal.SALIN@dauphine.fr

Abstract

In the book “Returning to Capitalism in order to Escape Crises” (“Revenir au capitalisme pour éviter les crises”) P. Salin, professor of Economics at University Paris-Dauphine, provides his analysis of the 2007–2009 financial crisis with the purpose to develop general conceptualization of financial and economic crises. The author aims to convince the readers that economists have all necessary and reliable theoretical tools to deal with economic crises in the contemporary world. His main argument is that the state interventionism brought out the financial crisis. That’s why a solution should be sought in the proper functioning of markets.

Journal of Economic Sociology publishes the book’s “Conclusion. What is ‘moral’?” It discusses a breach of moral principles resulting in crises of capitalistic systems. For better understanding this, Salin considers different types of ethics, discusses issues of morality of capitalism per se, and conceptualizes whether it is adequate to claim that the 2007–2009 financial crisis was rooted into ethical one. In addition, the author concludes that the state interventionism appears to be the main resource for amorality.

Keywords: financial crisis; moral; ethics of capitalism; market; state; state intervention.

References

Salin P. (1990) *La Vérité sur la monnaie* [The Truth about Money], Paris: Odile Jacob (in French).

Salin P. (2000) *Libéralisme* [Liberalism], Paris: Odile Jacob (in French).

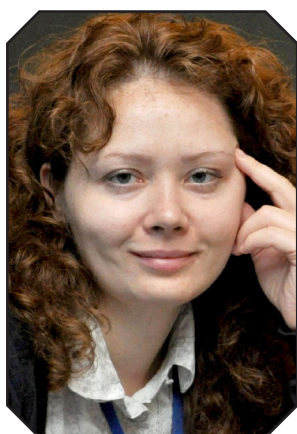
Received: April 28, 2014.

Citation: Salin P. (2014) Vernut'sya k kapitalizmu, chtoby izbezhat' krizisov [Returning to Capitalism in order to Escape Crises (an excerpt)], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 45–52 (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

А. М. Алмакаева, В. В. Костенко

Трансграничный перевод пенсионных прав в странах Евразийского экономического сообщества и Европейского союза¹

АЛМАКАЕВА Анна Михайловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ.

Адрес: Россия, 10100 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: aalmakayeva@hse.ru

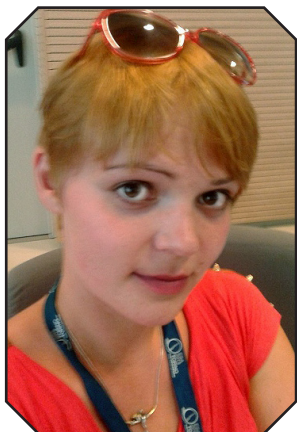
Национальные пенсионные системы в странах Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) значительно отличаются друг от друга по структуре, пенсионному возрасту, а также по размеру пенсионных отчислений. В то же время необходимость создания общего рынка и интенсивные потоки трудовой миграции делают актуальным вопрос об их должной координации и создании более эффективных механизмов трансграничного перевода пенсионных прав. Основываясь на анализе существующих на пространстве ЕврАзЭС и Европейского союза (ЕС) международных соглашений, авторы выявляют два основных принципа, регулирующих этот процесс, — территориальный и пропорциональный. Территориальный принцип, действующий с 1992 г., основан на механизме назначения пенсии по правилам страны постоянного проживания. Он наиболее распространён в ЕврАзЭС и определяет взаимоотношения между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Республикой Таджикистан и Республикой Кыргызстан, однако он обладает рядом недостатков и является наименее адекватным в условиях неравных миграционных потоков, разноуровневых и сильно дифференцированных пенсионных систем. Пропорциональный принцип, введённый в практику в 2007 г. и определяющий взаимодействие между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, основан на схеме начисления пенсии по правилам государства, на территории которого был приобретён трудовой стаж. Он хорошо зарекомендовал себя в Европейском союзе и является более совершенным механизмом транспортабельности пенсионных прав. В работе подчёркивается необходимость внедрения пропорционального принципа на всём пространстве ЕврАзЭС, а также целесообразность заимствования ряда технологий из опыта ЕС, позволяющих сделать применение этого принципа более эффективным.

Ключевые слова: транспортабельность пенсионных прав; территориальный принцип; пропорциональный принцип; координация пенсионных систем; Евразийское экономическое сообщество; Европейский союз.

Введение

Пенсионное обеспечение является одной из базовых социальных гарантий. Однако в ситуации, когда будущий пенсионер проводит часть своей тру-

¹ Данная статья написана на основе исследования «Мобильность пенсий в рамках Евразийского экономического союза и СНГ», выполненного по заказу Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития в 2013 г.

КОСТЕНКО Вероника Викторовна — младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ.

Адрес: Россия, 190068 Санкт-Петербург, ул. Римского-Корсакова, д. 47.

Email: vkostenko@hse.ru

довой жизни в другом государстве или переезжает туда на постоянное место жительства, реализация этого права во многом зависит от адекватной координации национальных пенсионных систем и существующих международных соглашений, регламентирующих учёт стажа, приобретённого на территории другого государства.

В настоящей статье речь пойдёт о механизмах трансграничной конвертации, или транспортабельности (мобильности), пенсионных прав в странах, являющихся членами Евразийского экономического сообщества. ЕврАзЭС — это содружество пяти бывших республик Советского Союза, в которое входят Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан и Республика Кыргызстан. Основная цель этой организации — углубление экономической и гуманитарной интеграции, включающей «согласование социальной политики с целью формирования сообщества социальных государств, предусматривающего общий рынок труда, единое образовательное пространство, согласованные подходы в решении вопросов здравоохранения, трудовой миграции и т.д.» [ЕврАзЭС сегодня 2013: 2].

Вопрос трудовой миграции между этими странами сегодня стоит особенно остро. Несмотря на отсутствие точных данных, даже по косвенным показателям можно оценить, насколько она объёмна и интенсивна. На начало мая 2014 г. только на территории Российской Федерации находились 404 218 граждан Республики Беларусь, 559 379 граждан Республики Казахстан, 539 108 граждан Республики Кыргызстан и 1 137 939 граждан Республики Таджикистан. Общее количество прибывших из указанных государств составило 2 640 644 чел., а число людей в наиболее активном возрасте (18–59 лет) достигло 2 210 308 чел., или 83,7% [Сведения... 2014]. Иными словами, в этот период в Российской Федерации было 4% жителей Республики Беларусь, 3% жителей Республики Казахстан, 9% жителей Республики Кыргызстан и 14% жителей Республики Таджикистан². Необходимо отметить, что Таджикистан и Кыргызстан — это страны, где доля денежных переводов трудовых мигрантов в структуре ВВП огромна. В Таджикистане в 2012 г. она составляла 48%, а в Кыргызстане — 31% [The World Bank... 2012a]. В сложившейся ситуации точный и корректный учёт стажа, приобретённого за пределами страны постоянного проживания, становится насущной проблемой, без решения которой невозможна реализация прав граждан на адекватное пенсионное обеспечение и свободу передвижения. А это, в свою очередь, является серьёзным барьером для создания единого экономического пространства и общего рынка труда.

Несмотря на то что ЕврАзЭС существует уже около 13 лет, механизм транспортабельности пенсионных прав до недавнего времени не уделялось

² Для расчёта использовались данные национальных статистических комитетов по состоянию на конец 2013 г. — начало 2014 г. Численность населения Республики Беларусь составляла 9 млн 468 тыс. чел. [О демографической ситуации... 2014], численность населения Республики Казахстан — 17 млн 165 тыс. 200 чел. [Оперативные данные... 2014], численность населения Республики Таджикистан — 8 млн 161 тыс. 100 чел. [Численность... 2014a], численность населения Республики Кыргызстан — 5 млн 776 тыс. чел. [Численность... 2014b].

должного внимания. Можно назвать лишь несколько работ, которые так или иначе затрагивают этот аспект. К ним относятся публикации, посвящённые, во-первых, пенсионным правам иностранных работников в Российской Федерации [Максимова 2012; Чирков 2012]; во-вторых, особенностям начисления российской пенсии гражданам, прибывшим из стран СНГ, [Зубкова 2009] или, наоборот, гражданам, выезжающим в государства СНГ [Чирков 2009]; в-третьих, существующим на пространстве СНГ международным соглашениям и общим вопросам пенсионного и социального обеспечения трудовых мигрантов [Агафонова 2012; Давлетгильдеев 2013; Седов, Чижова 2014; Семёнов 2014].

Однако, несмотря на недостаточную проработанность этой темы, она, без сомнения, требует дальнейшего изучения. Действующее на данный момент на пространстве ЕврАзЭС международное законодательство далеко от совершенства. Для того чтобы определить пути его дальнейшего улучшения, целесообразно не только более детально проанализировать существующие общие недостатки и ограничения, но также определить, какие трудности возникают при его использовании на практике. Кроме того, имеет смысл обратиться к опыту стран Европейского союза и рассмотреть, каким образом подобные сложности преодолеваются в этом регионе. В ЕС дискуссии о транспортабельности прав в области социального обеспечения начались ещё в 1960-х гг., а первый международный законодательный акт появился в 1971 г. [D'Addio, Cavalleri 2014; Holzmann, Koettl 2014]. По мнению ряда исследователей, действующая в настоящее время в ЕС система трансграничной мобильности пенсионных прав является наиболее продвинутой и совершенной [D'Addio, Cavalleri 2014; Guardiancich, Natali 2012; Sabates-Wheeler, Koettl 2010].

Для реализации поставленной цели в настоящей работе будут рассмотрены существующие на пространстве ЕврАзЭС и ЕС международные соглашения, проблемы, связанные с применением этих международных соглашений, а также технологии их решения.

Соглашения о транспортабельности пенсионных прав на пространстве Евразийского экономического сообщества и Европейского союза

В настоящее время существуют два соглашения, регулирующих мобильность пенсионных прав на пространстве стран ЕврАзЭС в частности и бывшего Советского Союза в целом. Соглашение «О гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения», принятое 13 марта 1992 г., определяет взаимодействие между Россией, Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Украиной [Соглашение... 1992]. Взаимоотношения между Россией и Республикой Беларусь регламентируются двусторонним договором «О сотрудничестве в области социального обеспечения», подписанным 24 января 2006 г. и вступившим в силу 29 марта 2007 г. [Договор... 2006].

Соглашение стран СНГ устанавливает территориальный принцип назначения пенсий. Согласно ему при смене постоянного места жительства пенсия назначается по месту проживания и исходя из действующего в стране нового проживания законодательства. При определении размера пенсии учитываются стаж, приобретённый на территории государств — участников Соглашения, а также стаж, приобретённый на территории СССР в годы его существования [Соглашение... 1992]. Например, при иммиграции из России в Казахстан выплата российской пенсии прекращается и должна быть продолжена уже в Казахстане согласно законам этой страны.

Российско-белорусский договор более вариативен и предусматривает несколько альтернативных схем транспортабельности пенсионных прав. Во-первых, в отличие от Соглашения стран СНГ, право на пенсию возникает на территории той страны, где выполнялась работа; эта же страна осуществляет

назначение и выплату пособия. Во-вторых, если трудовой стаж приобретался в нескольких государствах, то каждое назначает пенсию пропорционально стажу, заработанному на его территории [Договор... 2006]. За стаж, полученный до 13 марта 1992 г., пенсию назначает страна постоянного проживания. В-третьих, в ситуации, когда трудовой стаж, полученный на территории страны, является достаточным для начисления пенсии по старости, используются нормы законодательства этой страны [Договор... 2006].

Указанные положения расширяют правовые возможности пенсионера и позволяют ему сделать выбор между (а) начислением пенсии по правилам той страны, гражданином которой он является; (b) пропорциональным получением пенсии от двух государств; (с) продлением выплаты пенсии той страной, откуда пенсионер выехал [Пресс-релиз... 2009]. Определение схемы начисления осуществляется пенсионером единожды и изменению не подлежит.

Обращаясь к опыту стран Европейского союза, важно отметить, что там пошли по пути координации, а не гармонизации или унификации. В ЕС не существует единой пенсионной системы, а национальные законодательства не потеряли своей специфики и разнообразия. Данный подход позволил сохранить за отдельными государствами право самостоятельно определять тип, структуру и особенности функционирования схем пенсионного обеспечения исходя из социально-демографического и экономического положения страны. Действительно, как отмечает А. Фортеза, гармонизация не является наилучшим решением и не гарантирует защиту от потерь в процессе мобильности рабочей силы [Forteza 2010]. Как следствие, основной акцент в ЕС был сделан на поиске механизмов согласования, которые застраховали бы работника, чей трудовой стаж приобретён в нескольких странах, от возможных финансовых потерь из-за различий в законодательстве.

В настоящее время трансграничную конвертацию (перевод) пенсионных прав в ЕС регулирует целый ряд правовых актов. Это Регламент № EU 883/2004 [Regulation... 2004] и имплементирующий Регламент № EU 987/2009 [Regulation... 2009], а также Регламент № EU 1231/2010 [Regulation... 2010], касающийся граждан третьих стран. Упомянутые нормативные акты определяют четыре главных принципа [Guardiancich, Natali 2012; Карабчук et al. 2014]:

- **уникальность**, подразумевающую, что каждый человек может одновременно подпадать под действие законодательства только одной страны и получать отчисления только в одной стране;
- **отсутствие дискриминации** между гражданами и иностранцами. Иными словами, иностранцы должны иметь такие же права на начисление пенсии, как и граждане государства;
- **агрегирование** периодов занятости в странах Европейского союза при установлении права на получение пособий;
- **«экспорт» пособий**, позволяющий пенсионерам получать их в том же размере, даже если они проживают за пределами страны.

Эти принципы, как и Договор между Россией и Белоруссией, устанавливают пропорциональную схему начисления пенсий. Однако сами механизмы мобильности пенсионных прав в ЕС более совершенны, чем в странах ЕврАзЭС. Основные сложности, с которыми в данный момент приходится сталкиваться государствам ЕврАзЭС, сводятся к различиям в структуре пенсионных систем, в возрасте выхода на пенсию и минимальном трудовом стаже, в размерах страховых отчислений, к особенностям перерасчёта пенсии и предоставления сведений о заработной плате. Ниже мы более подробно проанализируем каждую из упомянутых проблем, а также рассмотрим, каким образом они решаются в ЕС.

Различия в структуре пенсионных систем

Пенсионные системы в странах ЕврАзЭС, как и в Евросоюзе, не унифицированы и довольно сильно отличаются по структуре. Республика Беларусь — единственная страна ЕврАзЭС, где сохранилась одноуровневая пенсионная система. В России, Казахстане, Таджикистане и Кыргызстане действуют трёхуровневые модели [Карабчук et al. 2014]. Первый уровень, как правило, состоит из базовых трудовых пенсий. Это солидарный компонент, он финансируется из текущих отчислений работающих граждан и гарантирует минимальный размер пенсии по старости. Второй уровень представлен обязательной накопительной частью. Это страховые взносы, которые аккумулируются на индивидуальном счёте и в будущем должны будут дополнять базовую трудовую пенсию. Третий уровень — добровольное пенсионное страхование. Оно может носить характер индивидуального, если работник самостоятельно делает отчисления в негосударственный пенсионный фонд, или профессионального, если отчисления делает работодатель [Карабчук et al. 2014].

Наличие многоуровневых систем делает актуальным вопрос об адекватном и справедливом учёте прав гражданина на накопительную часть пенсии, определяемую уже не из стажа работы, а из величины страховых отчислений. В ЕС, где пенсионные системы тоже весьма разнородны [Eichhorst et al. 2011; Pension Adequacy... 2012], эта проблема регулируется принципом пропорционального начисления, когда каждая страна назначает пенсию за тот период трудового стажа, который был приобретён на её территории. На пространстве ЕврАзЭС принцип пропорционального начисления работает только во взаимоотношениях между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Взаимодействие между другими государствами регулирует Соглашение стран СНГ, предусматривающее территориальную схему, которая, как отмечает Ю. В. Васильева, является морально устаревшей и способна «защитить пенсионные права граждан лишь при условии максимальной общности законодательства» [Васильева 2013: 117]. В ситуации, когда в одной стране начисление пенсии связано с трудовым стажем, а в другой — с периодом отчисления страховых взносов (страховым стажем), такой подход неэффективен. Основная причина такой неэффективности состоит в том, что территориальная схема не предусматривает перераспределения расходов между государствами, поэтому учесть страховые взносы, выплаченные в период работы за границей, невозможно [Васильева 2013]. Таким образом, настоящие и будущие пенсионеры, попадающие под действие Соглашения стран СНГ, могут оказаться в довольно невыгодном положении и фактически потерять часть заработанной пенсии из-за различий в законодательстве.

Возраст выхода на пенсию и минимальный трудовой стаж

Ещё одну сложность создают различия в пенсионном возрасте. Например, в России и Беларуси он составляет 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. В Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане возраст выхода на пенсию выше и составляет 58 лет и 63 года соответственно. В Казахстане согласно принятому в июне 2013 г. закону к 2027 г. планируется постепенно уйти от гендерных различий и установить предел в 63 года для обоих полов. Следовательно, при перемещении в страну, где транспортабельность пенсий регулируется территориальным принципом, человек может оказаться в ситуации, когда ему придётся подождать наступления возраста, определённого национальным законодательством. Например, в случае переезда из России в Казахстан и последующего обращения за пенсией там российские мужчины будут вынуждены проработать на три года дольше, а женщины — на восемь лет. Такую же проблему создаёт и разница в стаже, необходимом для начисления минимальной трудовой пенсии по старости. Например, в Республике Беларусь он равен 10 годам, в Республике Таджикистан и Российской Федерации — 5 годам, а в Республике Кыргызстан должен составлять не менее 12 месяцев [Карабчук et al. 2014].

Для жителей ЕС дифференциация пенсионного возраста и минимального трудового стажа также является довольно ощутимой проблемой. Однако для них эти различия частично компенсируются про-

порциональной схемой начисления пенсии. Так, если гражданин ЕС приобрёл свой трудовой стаж в нескольких государствах, то при наступлении пенсионного возраста по нормам хотя бы одной из стран он может претендовать на пенсионное обеспечение согласно законодательству этой страны и приобретённому там трудовому стажу. Если минимального трудового стажа недостаточно, то в зачёт пойдёт период или периоды работы в других странах. Получить те части пенсии, которые были приобретены на территории других государств, он сможет лишь после наступления пенсионного возраста, определённого законодательством этих стран [Retiring Abroad 2014].

Размеры отчислений в пенсионные фонды

В странах ЕврАзЭС значительно варьируются размеры отчислений в пенсионные фонды. Так, в Беларуси общий объём отчислений составляет 29%. Он складывается из 28%, оплачиваемых работодателем и 1%, вычитаемого из заработной платы работника. В Кыргызстане это соотношение составляет 15% и 10%. В Казахстане основным источником отчислений в пенсионный фонд является работник, который платит 10% от заработной платы. В Российской Федерации работодатель в совокупности платит 22% от фонда оплаты труда, из которых 6% представляют собой солидарную часть и идут на финансирование существующих пенсионеров, а 16% — на индивидуальную страховую часть, предназначенную для расчёта будущей пенсии работника. Кроме того, национальные законодательства предусматривают различные схемы для иностранных работников. Обязательные страховые отчисления для работающих иностранцев предусмотрены в Российской Федерации, Республике Казахстан и Республике Кыргызстан. В Республике Беларусь и Республике Таджикистан они носят характер добровольных, то есть работник может самостоятельно перечислять в пенсионный фонд страховые взносы во время работы за границей, и в таком случае эти периоды будут включены в страховой стаж при расчёте пенсии [Карабчук et al. 2014].

Величина страховых взносов — очень важный момент. Во-первых, страховые отчисления являются подтверждением трудового стажа и уровня заработной платы для самого работника, что необходимо для адекватного и справедливого начисления пенсий по старости. Во-вторых, от них напрямую зависят поступления в бюджет пенсионного фонда. Особенно это касается таких стран, как Таджикистан и Кыргызстан, где исходящие миграционные потоки значительно превышают входящие. Действительно, по данным Всемирного банка, величина чистой миграции, то есть разница между количеством иммигрантов и эмигрантов, в 2008–2012 гг. в этих государствах была отрицательной и составляла примерно 100 тыс. и 175 003 чел. соответственно [The World Bank... 2012b]. При этом уровень ВВП на душу населения в Таджикистане и Кыргызстане по сравнению другими государствами ЕврАзЭС был минимальным и в 2012 г. равнялся 953 долл. и 1155 долл. США соответственно. Для сравнения: в Российской Федерации и Республике Казахстан ВВП на душу населения был примерно в 10–14 раз выше и достигал 14 037 и 12 12 долл. США [The World Bank... 2012c]. Сложившаяся ситуация может иметь довольно негативные последствия для республик Таджикистан и Кыргызстан. В будущем пенсионный бюджет этих государств рискует испытать на себе значительную дополнительную нагрузку, которая может оказаться для них непосильной, учитывая низкий уровень экономического развития.

Действующее в настоящее время Соглашение стран СНГ предусматривает учёт стажа, полученного на территории государств-партнёров, но не решает проблему с пополнением бюджета. Даже если страховые взносы для иностранных работников носят характер обязательных, они осуществляются в пенсионный фонд страны-реципиента. Таким образом, возникает необходимость внедрения механизмов, которые позволили бы государствам — донорам миграционной рабочей силы компенсировать недостаток отчислений в пенсионный фонд. Однако более перспективным вариантом, направленным на решение данной проблемы, является внедрение на пространстве всех стран ЕврАзЭС международных соглашений, предусматривающих применение пропорциональных схем трансграничного перевода пенсионных прав.

Механизм пропорционального начисления пенсий хорошо зарекомендовал себя в ЕС, который до присоединения Хорватии (2013 г.) уже насчитывал 27 государств. Как было отмечено ранее, национальные пенсионные законодательства в Евросоюзе крайне дифференцированы. Наряду с двухуровневыми и трёхуровневыми системами здесь существуют и одноуровневые модели, представленные лишь солидарным компонентом. Пенсионный возраст варьируется от 60 до 68 лет, причём гендерные различия также не являются универсальным правилом и представлены лишь в ряде стран [Eichhorst et al. 2011; Pension Adequacy... 2012]. Учитывая большое количество крайне разнородных пенсионных схем, унифицировать или даже частично гармонизировать их не представлялось возможным, поэтому пропорциональный принцип трансграничной конвертации пенсионных прав оказался весьма эффективным инструментом для координации этого многообразия.

Перерасчёт пенсий при переезде

Важным моментом является перерасчёт пенсии в другом государстве. Из-за разницы в курсах валют и методиках расчёта переезд в страну с более высоким уровнем экономического развития может повлечь значительное снижение размера выплат и уровня жизни пенсионера. Например, при переезде в Россию из более бедных стран ЕврАзЭС у мигрантов размер пенсий оказывается значительно ниже, чем у граждан РФ [Максимова 2012]. Возможна и обратная ситуация. Поскольку иностранные граждане не зарегистрированы в системе пенсионного страхования, основным документом, подтверждающим их заработок, является справка о заработной плате. Как отмечает С. Чирков, достоверность сведений, отражённых в этих документах, практически невозможно проверить, поэтому граждане Российской Федерации могут оказаться в менее выгодных условиях [Чирков 2009].

Договор между Россией и Республикой Беларусь, предусматривающий пропорциональную схему, позволяет в некоторой степени ликвидировать эту проблему, но и в этом случае существуют определённые подводные камни. Дело в том, что право на применение пропорционального расчёта не является обязательным. Работник по своему желанию может выбрать либо территориальную, либо пропорциональную схему начисления пенсии. Зачастую будущим пенсионерам достаточно сложно разобраться в законодательстве и определить, какой вариант для них наиболее благоприятен с материальной точки зрения. В итоге они могут выбрать наименее выигрышный для себя сценарий. При этом изменить ситуацию будет невозможно, поскольку решение о выборе схемы начисления пенсии принимается пенсионером единожды и изменению не подлежит.

В ЕС этот аспект отрегулирован более эффективно и предусматривает двухступенчатую систему расчёта. На первом этапе размер пенсии определяется исходя из норм тех государств, где пенсионер работал. На втором этапе каждая страна суммирует периоды трудового стажа, приобретённого в ЕС, и определяет, каким был бы размер пенсии, если бы человек не выезжал за пределы страны. После этого сумма корректируется с учётом территориального вклада, определяется наиболее выгодный вариант и будущему пенсионеру посылается уведомление. Например, гражданин ЕС имеет 45 лет трудового стажа, при этом он отработал 20 лет, или 44% общего трудового стажа, в стране А и 25 лет, или 56% общего трудового стажа, в стране Б. Сначала в стране А рассчитывается пенсия с учётом 20 лет, затем с учётом совокупного стажа в 45 лет и умножается на 44% [Coulthard 2011; Retiring Abroad 2014]. Начисляться пенсия будет исходя из большей суммы. В ЕС работнику не нужно самостоятельно разбираться во всех тонкостях пенсионного законодательства, поскольку выбор за него делают компетентные органы. Такой механизм является более понятным и прозрачным, и, как следствие, он более эффективен в плане защиты интересов пенсионеров.

Заключение

В блоках стран, связанных мощными потоками трудовой миграции, таких как ЕврАзЭС или Европейский союз, неизбежно возникает проблема адекватных пенсионных выплат тем гражданам, чей период занятости частично или полностью прошёл в другом государстве. Как правило, даже в случае успешной интеграции в единое экономическое пространство не происходит полной унификации схем пенсионного обеспечения, а значит, и ситуация с трансфером пенсий подчиняется двусторонним договорам между государствами. На пространстве ЕврАзЭС в настоящее время действуют два международных соглашения, предполагающих реализацию двух основных схем транспортабельности: территориальной и пропорциональной.

Территориальная схема, регулирующая отношения между Россией, Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, предполагает начисление пенсии по нормам того государства, на территории которого будет проживать будущий пенсионер. Отношения между Россией и Республикой Беларусь определяет пропорциональная схема, допускающая возможность назначения двух частей пенсии — российской и белорусской — согласно отработанному на территории каждой страны стажу. Как показывает проведённый анализ, территориальный принцип обладает целым рядом недостатков. Во-первых, он не позволяет эффективно учитывать разницу в структуре пенсионных систем и довольно плохо работает в ситуации, когда одна часть стран начисляет пенсию исходя из трудового стажа, а другая — исходя из страхового стажа и величины сделанных отчислений. Во-вторых, территориальный принцип не даёт возможности переводить накопленные пенсионные отчисления между странами, в которых приобрелся стаж, и странами, где предполагается выплата пенсии. В ситуации неравных миграционных потоков на пространстве ЕврАзЭС и отсутствия компенсирующих механизмов между странами — донорами и странами — реципиентами миграционной рабочей силы это может привести к ещё большему экономическому расслоению. В-третьих, территориальный принцип актуализирует проблему межстрановых различий в пенсионном возрасте и минимально необходимом трудовом стаже. В-четвёртых, создаёт трудности при пересчёте пенсии из одной валюты в другую. Принимая во внимание все вышесказанное, сложно не согласиться с авторами, утверждающими, что такой подход морально устарел [Чирков 2009; Агафонова 2012; Васильева 2013; Семёнов 2014].

Пропорциональная схема представляется более адекватным выходом из сложившейся ситуации. Как показывает опыт стран ЕС, этот принцип достаточно успешно работает в условиях интеграции большого числа стран с очень разнородными пенсионными системами, поскольку позволяет сделать акцент на координации, а не на гармонизации или унификации национальных законодательств.

В то же время введение пропорциональной схемы транспортабельности пенсионных прав в ЕврАзЭС требует заинтересованности и готовности участвовать в диалоге со стороны всех стран — членов этого союза. Для эффективной работы этой системы нужны не только новые международные соглашения, но и создание единой скоординированной системы, позволяющей значительно облегчить процесс начисления пенсии для работника. В этом смысле очень показателен опыт ЕС. Так, при обращении в пенсионный фонд страны, в которой проживает пенсионер, это учреждение самостоятельно запрашивает необходимые сведения во всех странах, где гражданин ЕС работал.

В заключение важно обратить внимание на необходимость выбора доступных и адекватных средств информирования. Например, сайт ЕС содержит подробное, но при этом достаточно простое описание национальных особенностей пенсионных законодательств, механизмов транспортабельности и схем определения размера пенсионных выплат³. К сожалению, на пространстве стран ЕврАзЭС такой ресурс отсутствует, хотя необходимость его создания с каждым годом становится всё более очевидной.

³ URL: http://europa.eu/youreurope/citizens/work/index_en.htm

Литература

- Агафонова Т. И. 2012. Механизм правового регулирования вопросов социальной защиты в договорах государств–участников СНГ. *Международное право. Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 1: 32–36.
- Васильева Ю. В. 2013. Проблемы интеграции правовой политики стран европейско-азиатского региона в области социального обеспечения. *Вестник Пермского университета. Политология*. 1: 115–120.
- Давлетгильдеев Р. Ш. 2013. Международно-правовое сотрудничество государств — участников Содружества Независимых Государств в области трудовой миграции на современном этапе. *Российский юридический журнал*. 5: 164–172.
- Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 января 2006 г.* URL: http://www.pfrf.ru/pension_provision_citizens_cis/
- ЕврАзЭС сегодня*. 2013. Москва. URL: <http://www.evrazes.com/i/data/item7621-1.pdf>
- Зубкова И. 2009. Пенсия в СНГ. *ЭЖ-Юрист*. 17. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_SJI_35249/
- Карабчук Т.С. et al. 2014. Мобильность пенсий в рамках Евразийского экономического союза и СНГ. *Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития*. URL: <http://www.eabr.org/ru/research/centre/projectsCII/>
- Максимова А. 2012. Проблемы пенсионного обеспечения граждан, прибывших в Российскую Федерацию из стран СНГ. *Международный научно-исследовательский журнал. «Юридические науки»*. Октябрь: 7–9.
- О демографической ситуации в I квартале 2014 г.* URL: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/demografiya_2/operativnaya-informatsiya_1/o-demograficheskoi-situatsii-v-yanvare-marte-2013-g/
- Оперативные данные за 2014 г.* URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulationAr2014.jsessionid=vmgyT05FvtbhH8rh2NK2pNNCTg8rvy57BGLGpNNMNYSL2dz2G42D!1338825714?_adf.ctrl-state=qiiInqeag_103&_afLoop=187677683535970#%40%3F_afLoop%3D187677683535970%26_adf.ctrl-state%3D76hglqny_4
- Пресс-релиз о реализации договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 января 2006 г.* 2009. URL: http://www.pfrf.ru/index.php?chapter_id=4000&data_id=6411&do=view_single
- Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 4 мая 2014 г.)*. 2014. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>
- Седов А., Чижова Е. 2014. Пенсионное обеспечение мобильного персонала. Актуальные вопросы налогообложения. *Налоговый вестник*. 3: 37–44.

Семёнов И. В. 2014. Анализ пенсионного страхования трудовых мигрантов из стран СНГ. *Вестник МГОУ. Серия «Экономика»*. 2: 58–64.

Соглашение о гарантиях прав граждан государств–участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г. URL: http://www.pfrf.ru/pension_provision_citizens_cis/

Чирков С. 2009. К вопросу о сохранении пенсионных прав работников-мигрантов, выехавших в государства–участники территориальных международных договоров. *Трудовое право*. 11: 97–109.

Чирков С. 2012. Актуальные вопросы пенсионного обеспечения и страхования иностранных граждан и лиц без гражданства. *Трудовое право в России и за рубежом*. 3: 50–56.

Численность населения Республики Таджикистан на 1 января 2014 г. 2014а. URL: http://www.stat.tj/ru/img/b417f44e3113e555ffff3cd143d5b3fe_1404816557.pdf

Численность постоянного населения Республики Кыргызстан по полу и возрастным группам. 2014б. URL: <http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010001.pdf>

Coulthard D. 2011. *EU social security coordination rules. The provisions concerning pensions.* URL: http://www.coe.int/t/dg3/sscssr/Source/COULTHARDMAV_EU.pdf

D’Addio A. C., Cavalleri M. C. 2014. Labour Mobility and the Portability of Social Rights in the EU. *CESifo Economic Studies*. URL: <http://cesifo.oxfordjournals.org/content/early/2014/04/02/cesifo.ifu014.full>

Eichhorst W. et al. 2011. *Pension Systems in the EU — Contingent Liabilities and Assets in the Public and Private Sector.* URL: <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201111/20111121ATT32055/20111121ATT32055EN.pdf>

Forteza A. 2010. The Portability of Pension Rights: General Principles and the Caribbean Case. *Development Policy Review*. 28 (2): 237–255.

Guardiancich I., Natali D. 2012. The cross-border portability of supplementary pensions: Lessons from the European Union. *Global Social Policy*. 12 (3): 300–315.

Holzmann R., Koettl J. 2014. Portability of Pension, Health, and Other Social Benefits. *CESifo Economic Studies*. URL: <http://cesifo.oxfordjournals.org/content/early/2014/01/12/cesifo.ift017.full>

Pension Adequacy in the European Union 2010–2050. Report prepared jointly by the Directorate-General for employment, Social Affairs and Inclusion of the European Commission and the Social Protection Committee. 2012. URL: <http://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=7805&langId=en>

Regulation (EC) No. 883/2004 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the Coordination of Social Security Systems. 2004. *Official Journal of the European Union*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32004R0883&qid=1409514846269&from=EN>

Regulation (EC) No. 987/2009 of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 Laying down the Procedure for Implementing Regulation (EC) No. 883/2004 on the Coordination of Social Security Systems. 2009. *Official Journal of the European Union*. 52: 1–43. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:284:0001:0042:en:PDF>

Regulation (Eu) No. 1231/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 Extending Regulation (EC) No. 883/2004 and Regulation (EC) No. 987/2009 to Nationals of Third Countries Who are Not Already Covered by These Regulations Solely on the Ground of Their Nationality. 2010. *Official Journal of the European Union*. 53: 1–8. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2010:344:FULL&from=EN>

Retiring Abroad. 2014. URL: http://europa.eu/youreurope/citizens/work/retire-abroad/state-pensions-abroad/index_en.htm

Sabates-Wheeler R., Koettl J. 2010. Social Protection for Migrants: The Challenges of Delivery in the Context of Changing Migration Flows. *International Social Security Review*. 63 (3–4): 115–144.

The World Bank DataBank. 2012a. *Personal Remittances, Received (% of GDP)*. URL: http://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?order=wbapi_data_value_2013+wbapi_data_value+wbapi_data_value-last&sort=asc

The World Bank DataBank. 2012b. *Net Migration*. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM>

The World Bank DataBank. 2012c. *GDP per Capita (current US\$)*. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>

PROFESSIONAL REVIEWS

Anna Almakaeva, Veronika Kostenko

Portability of Pension Rights in the EurAsEC Countries and the European Union

ALMAKAEVA, Anna Mikhailovna —

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Research Fellow, Laboratory
for Comparative Social Research,
National Research University Higher
School of Economics. Address: 20
Myasnitskaya str., Moscow, 101000,
Russian Federation.

Email: aalmakaeva@hse.ru

KOSTENKO, Veronika Viktorovna —

Research Fellow, Laboratory for
Comparative Social Research;
Lecturer, Department of Sociology,
National Research University Higher
School of Economics.
Address: 47 Rimskogo-Korsakova
str., St.-Petersburg, 190068, Russian
Federation.

Email: vkostenko@hse.ru

Abstract

National pension systems in EurAsEC countries differ significantly in their structure, pension age and social taxes. At the same time, dramatically increasing migration flows raise the issue of proper coordination of various schemes and portability of pension rights. The current study gives an overview of the existing law regulations and identifies two major schemes of portability — geographical and proportional. Geographical portability established in 1992 calculates the pension provision according to the laws of the country of residence. It prevails in EurAsEC and regulates the relations between Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. It does rather poor taking into account unequal migration flows, multi-pillar and heterogeneous pension systems. Proportional portability established in 2007 regulates the relation between Russia and Belorussia and calculates pension provision according to the laws of the country where a pensioner worked. It has been used in the European Union for decades and ensures effectively from labor mobility losses. The study puts a strong argument in favor of proportional system and emphasizes the need of expanding its regulatory power for all EurAsEC countries.

Keywords: portability of pension rights; geographical portability; proportional portability; coordination of pension systems; EurAsEC; European Union.

References

- Agafonova T. I. (2012) Mekhanizm pravovogo regulirovaniya voprosov sotsial'noy zashchity v dogovorakh gosudarstv-uchastnikov SNG [The Mechanism of Law Regulation of Social Protection in CIS Countries]. *Mezhdunarodnoe Pravo. Elektronnoe Prilozhenie k "Rossiyskomu Yuridicheskomu Zhurnalu"*, vol. 1, pp. 32–36 (in Russian).
- Chirkov S. (2009) K voprosu o sokhranении pensionnykh prav rabotnikov-migrantov, vyekhavshikh v gosudarstva-uchastniki territorial'nykh mezhdunarodnykh dogovorov [On the Issues of Portability of Pension Rights of Migrant Workers from the States Signed International Geographical Agreements]. *Trudovoe pravo*, vol. 11, pp. 97–109 (in Russian).
- Chirkov S. (2012) Aktual'nye voprosy pensionnogo obespecheniya i strakhovaniya inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva [Current Issues of Pension Insurance and Provision of Foreign Citizens and Persons without Citizenship]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*, vol. 3, pp. 50–56 (in Russian).

- Chislennost' naseleniya Respubliki Tadzhikistan na 1 yanvarya 2014 g.* (2014a) [The Population of Republic of Tajikistan on the 1st of January 2014]. Available at: http://www.stat.tj/ru/img/b417f44e3113e555ffff3cd143d5b3fe_1404816557.pdf (accessed on 26 August 2014) (in Russian).
- Chislennost' postoyannogo naseleniya Respubliki Kyrgyzstan po polu i vozrastnym gruppam* (2014b) [The Kyrgyz Republic's Resident Population by Gender and Age]. Available at: <http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010001.pdf> (accessed on 26 August 2014) (in Russian).
- Coulthard D. (2011) *EU Social Security Coordination Rules. The Provisions Concerning Pensions*. Available at: http://www.coe.int/t/dg3/sscsr/Source/COULTHARDMAV_EU.pdf (accessed on 26 August 2014).
- D'Addio A. C., Cavalleri M. C. (2014) Labour Mobility and the Portability of Social Rights in the EU. *CESifo Economic Studies*. Available at: <http://cesifo.oxfordjournals.org/content/early/2014/04/02/cesifo.ifu014.full> (accessed on 15 September 2014).
- Davletgil'deev R. Sh. (2013) Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo gosudarstv – uchastnikov sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv v oblasti trudovoy migratsii na sovremennom etape [Contemporary Law Collaboration of CIS Countries in Labor Migration]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, vol. 5, pp.164–172 (in Russian).
- Dogovor mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Belarus' o sotrudnichestve v oblasti sotsial'nogo obespecheniya ot 24 yanvarya 2006 g.* [The Agreement between The Russian Federation and the Republic of Belarus on Collaboration in Social Protection from the 24th of January 2006]. Available at: http://www.pfrf.ru/pension_provision_citizens_cis/ (accessed 26 August 2014) (in Russian).
- Eichhorst W., Gerard M., Kendzia M. J., Mayrhuber C., Nielsen C., Rünstler G., Url T. (2011) *Pension Systems in the EU — Contingent Liabilities and Assets in the Public and Private Sector*. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201111/20111121ATT32055/20111121ATT32055EN.pdf> (accessed on 26 August 2014).
- EvrAzEC segodnya* (2013) [EurAsEC Today]. Available at: <http://www.evrases.com/i/data/item7621-1.pdf> (accessed 26 August 2014) (in Russian).
- Forteza A. (2010) The Portability of Pension Rights: General Principles and the Caribbean Case. *Development Policy Review*, vol. 28, no 2, pp. 237–255.
- Guardiancich I., Natali D. (2012) The Cross-Border Portability of Supplementary Pensions: Lessons from the European Union. *Global Social Policy*, vol. 12, no 3, pp. 300–315.
- Holzmann R., Koettl J. (2014) Portability of Pension, Health, and Other Social Benefits. *CESifo Economic Studies*. Available at: <http://cesifo.oxfordjournals.org/content/early/2014/01/12/cesifo.ift017.full> (accessed on 15 September 2014).
- Karabchuk T., Almakaeva A., Soboleva N., Kostenko V., Zhyusten A. (2014) Mobil'nost' pensiy v ramkakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i SNG [The Portability of Pension Rights in EurAsEC and CIS Countries], *Report № 24. The EDB Centre for Integration Studies*. Available at: <http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII> (accessed on 15 September 2014) (in Russian).

Maksimova A. (2012) Problemy pensionnogo obespecheniya grazhdan, pribyvshikh v Rossiyskuyu Federatsiyu iz stran SNG [The Problems of Pension Provision of CIS Countries Citizens in the Russian Federation], *Mezhdunarodnyy Nauchno-Issledovatel'skiy Zhurnal. "Yuridicheskie nauki"*, October, pp. 7–9 (in Russian).

O demograficheskoy situatsii v I kvartale 2014 g. [Demographic Situation in the First Quarter of 2014]. Available at: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/demografiya_2/operativnaya-informatsiya_1/o-demograficheskoi-situatsii-v-yanvare-marte-2013-g/ (accessed on 26 August 2014) (in Russian).

Operativnye dannye za 2014 g. [The Latest Data 2014]. Available at: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulationAr2014;jsessionid=vmgyT05FvtbhH8rh2NK2pNNCTg8rvy57BGLGpNNMNYSL2dz2G42D!1338825714?_adf.ctrl-state=qiilnqeag_103&_afLoop=187677683535970#%40%3F_afLoop%3D187677683535970%26_adf.ctrl-state%3D76hglqny_4 (accessed on 26 August 2014) (in Russian).

Pension Adequacy in the European Union 2010–2050. Report prepared jointly by the Directorate-General for employment, Social Affairs and Inclusion of the European Commission and the Social Protection Committee. (2012) Available at: <http://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=7805&langId=en> (accessed on 26 August 2014).

Regulation (EC) No 883/2004 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the Coordination of Social Security Systems. 2004. *Official Journal of the European Union*. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32004R0883&qid=1409514846269&from=EN> (accessed on 26 August 2014).

Press-reliz o realizatsii dogovora mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Respublikoy Belarus' o sotrudnichestve v oblasti sotsial'nogo obespecheniya ot 24 yanvarya 2006 g [Press Release on the Implementation of The Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus on Collaboration in Social Protection from the 24th of January 2006]. (2009) Available at: http://www.pfrf.ru/index.php?chapter_id=4000&data_id=6411&do=view_single (accessed on 26 August 2014) (in Russian).

Regulation (EC) No 987/2009 of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 Laying down the Procedure for Implementing Regulation (EC) No 883/2004 on the Coordination of Social Security Systems. 2009. *Official Journal of the European Union*, no 52, pp. 1–43. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:284:0001:0042:en:PDF> (accessed on 26 August 2014).

Regulation (EU) No 1231/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 Extending Regulation (EC) No 883/2004 and Regulation (EC) No 987/2009 to Nationals of Third Countries Who are Not Already Covered by These Regulations Solely on the Ground of Their Nationality. 2010. *Official Journal of the European Union*, no 53, pp. 1–8. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2010:344:FULL&from=EN> (accessed on 26 August 2014).

Retiring Abroad (2014) Available at: http://europa.eu/youreurope/citizens/work/retire-abroad/state-pensions-abroad/index_en.htm (accessed on 26 August 2014).

Sabates-Wheeler R., Koettl J. (2010) Social Protection for Migrants: The Challenges of Delivery in the Context of Changing Migration Flows. *International Social Security Review*, vol. 63, no 3–4, pp. 115–144.

Sedov A., Chizhova E. (2014) Pensionnoe obespechenie mobil'nogo personala. Aktual'nye voprosy nalogooblozheniya [Pension Provision of Mobile Workers: Current Tax Issues]. *Nalogovyy vestnik*, vol. 3, pp. 37–44 (in Russian).

Semenov I. V. (2014) Analiz pensionnogo strakhovaniya trudovykh migrantov iz stran SNG [The Analysis of Pension Insurance of Labor Migrants from CIS Countries]. *Vestnik MGOU. Seriya «Ekonomika»*, vol. 2, pp. 58–64 (in Russian).

Soglasenie o garantiyakh prav grazhdan gosudarstv-uchastnikov sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv v oblasti pensionnogo obespecheniya ot 13 marta 1992 g. [The Agreement on the Guarantees and Rights of CIS Countries Citizens in Pension Provision from 13th of March 1992]. Available at: http://www.pfrf.ru/pension_provision_citizens_cis/ (accessed on 26 August 2014) (in Russian).

Svedeniya v otnoshenii inostrannykh grazhdan, nakhodyashchikhsya na territorii Rossiyskoy Federatsii, v polovozrastnom razreze (po sostoyaniyu na 4 maya 2014 g.) [The Information on the Amount of Foreign Citizens in the Russian Federation: gender and age profiles (May 4 2014)] (2014) Available at: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/> (accessed on 26 August 2014) (in Russian).

Vasil'eva Yu. V. (2013) Problemy integratsii pravovoy politiki stran evropeysko-aziatskogo regiona v oblasti sotsial'nogo obespecheniya [The Problems of Law Policy Integration in Social protection in European-Asian Region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, vol. 1, pp. 115–120 (in Russian).

The World Bank DataBank. (2012a) *Personal Remittances, Received (% of GDP)*. Available at: http://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?order=wbapi_data_value_2013+wbapi_data_value+wbapi_data_value-last&sort=asc (accessed on 26 August 2014).

The World Bank DataBank. (2012b) *Net Migration*. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM> (accessed on 26 August 2014).

The World Bank DataBank. (2012c). *GDP per Capita (current US\$)*. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (accessed on 26 August 2014).

Zubkova I. (2009) Pensiya v SNG [Pension in CIS Countries], *EZH-Yurist*, no 17. Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_CJI_35249/ (accessed on 15 September 2014) (in Russian)

Received: May 23, 2014.

Citation: Almakaeva A. M., Kostenko V. V. (2014) Transgranichnyy perevod pensionnykh prav v stranakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soobshchestva i Evropeyskogo soyuza [Portability of Pension Rights in the EurAsEC Countries and the European Union], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 53–67 (in Russian). .

КОНФЕРЕНЦИИ

XVI Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества»

7–10 апреля 2015 г., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка, состоится 7–10 апреля 2015 г. в Москве. Председателем Программного комитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е. Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции и специальных круглых столах планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний, ведущих зарубежных и российских учёных.

Специальные темы конференции:

- Институты и экономическое развитие;
- Реформы: причины успехов и неудач;
- Глобальный мир: интеграция или дезинтеграция?
- Спрос на право: факторы и движущие силы.

Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания, а также отдельные почётные доклады, секции и круглые столы.

После пленарных заседаний и в течение последующих дней будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики.

С основными направлениями секционных заседаний и заседаний круглых столов можно ознакомиться на официальном сайте конференции (<http://conf.hse.ru>). Авторы заявок на участие с докладами могут не ограничиваться этими тематическими направлениями, но при отборе заявок Программный комитет будет отдавать приоритет тем заявкам, которые имеют отношение к указанным на сайте темам.

Доклад, заявляемый на конференцию, должен содержать результаты оригинального научного исследования, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность презентации доклада на сессии — 15–20 минут. Выступления в рамках экспертных круглых столов, как правило, ограничиваются 5–7 минутами. С учётом поступивших заявок на выступления будут сформированы программы секций и круглых столов.

Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарные и большинство секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует подавать в онлайн-режиме по адресу: <http://conf.hse.ru/> с **9 сентября 2014 г. до 11 ноября 2014 г.** Для каждого участника в системе регистрации будет открыт «Личный кабинет», через который в дальнейшем будет происходить коммуникация с оргкомитетом конференции.

К заявке должна быть приложена развёрнутая аннотация предполагаемого выступления в формате Word или RTF объёмом 1–3 машинописные страницы через 1,5 интервала (до 7 000 знаков). В аннотации должна быть раскрыта тема, показана степень разработанности проблемы, даны характеристики исследования (теоретическая или эмпирическая работа, на какой информационной базе), а также должны быть изложены основные полученные результаты. Заявки с аннотациями, не отражающими основных положений выступления, а также объёмом менее одной страницы не рассматриваются.

Группа авторов, подавших индивидуальные заявки, зарегистрированные в онлайн-режиме, до **11 ноября 2014 г.** может сообщить в Программный комитет конференции о своём желании представить свои доклады в рамках одной сессии. Соответствующее письмо необходимо направить на адрес interconf@hse.ru, оно должно содержать информацию о названии сессии, об авторах и темах докладов (не более трёх-четырёх докладов, уже зарегистрированных в качестве индивидуальных заявок), а также фамилию, имя, отчество и контактные данные (телефон и адрес электронной почты) предполагаемого руководителя сессии. Один автор может представить на конференции один личный доклад и не более двух докладов в соавторстве. В рамках отдельной сессии не должно быть более двух докладов, представленных от одной организации. Продолжительность сессии — 1,5 часа. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято до **20 января 2015 г.** на основании экспертизы с привлечением независимых экспертов, после чего на сайте конференции (<http://conf.hse.ru/>) будет опубликована предварительная версия программы конференции. До **3 февраля 2015 г.** авторы докладов, включённых в предварительную программу, должны подтвердить своё участие через «Личный кабинет». Не подтверждённые доклады будут исключены из программы.

Авторам докладов, включённых в программу конференции, необходимо до **5 марта 2015 г.** представить полный текст доклада для размещения на сайте конференции. По итогам конференции будет подготовлен сборник докладов, который ВШЭ издаст в электронном виде. Докладчики, желающие опубликовать свой доклад в этом сборнике, должны до **20 мая 2015 г.** подать его итоговую версию в объёме до 20 тыс. знаков с пробелами в формате Word или RTF. Решение о публикации докладов в электронном сборнике материалов конференции принимается редколлегией сборника с учётом результатов рецензирования. Доклады, которые не были представлены на конференции, не рассматриваются для публикации.

Доклады, включённые в программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в журналах «Вопросы экономики», «Российский журнал менеджмента», «Экономический журнал ВШЭ», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Мир России», «Вопросы образования», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Экономическая социология», «Экономическая политика» и «ЭКО», которые входят в список ВАК и представители которых приглашены к участию в Программном комитете конференции.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашённым выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов

по участию в конференции. Заявки на получение гранта должны быть направлены до **10 февраля 2015 г.** по адресу: interconf@hse.ru

В рамках конференции будет организована серия семинаров для докторантов и аспирантов (с возможностью предоставления грантов на проезд и проживание для отобранных докладчиков). Информация об условиях участия в этих семинарах будет доступна на официальном сайте <http://conf.hse.ru/> с **11 сентября 2014 г.**

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в онлайн-режиме с **12 ноября 2014 г.** до **20 марта 2015 г.** по адресу: <http://conf.hse.ru/>

Информация о размерах и возможностях оплаты организационных взносов доступна на официальном сайте конференции (<http://conf.hse.ru/>).

С программами и материалами I–XV Апрельских международных научных конференций (2000–2014 гг.) можно ознакомиться на сайте (<http://conf.hse.ru/2014/history>).

Оргкомитет конференции

Received: July 7, 2014.

Citation: XVI Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Modernizatsiya ekonomiki i obshchestva", Moscow, aprel' 7–10, 2015 [XVI April International Academic Conference on Economic and Social Development, Moscow, National Research University Higher School of Economics (HSE), April 7–10, 2015] (2014) *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 68–70 (in Russian).

INTERVIEWS

Growing Job Insecurity and Inequality between Good Jobs and Bad Jobs: An Interview with Arne Kalleberg

KALLEBERG, Arne — Professor of Sociology, Department of Sociology, University of North Carolina at Chapel Hill. Address: Hamilton Hall CB# 3210, Chapel Hill, North Carolina 27599-3210, USA.

Email: Arne_Kalleberg@unc.edu

Arne Kalleberg was interviewed by Tatiana Karabchuk and Andrey Shevchuk, senior fellows at the Higher School of Economics. This interview was conducted during the international conference “Embeddedness and Beyond: Do Sociological Theories Meet Economic Realities?” (Moscow, 25–28 October 2012), where Prof. Kalleberg presented his new research “The Growth of Precarious Work: A Challenge for Economic Sociology”.

In the interview Arne Kalleberg clarified the difference between job security and job stability and explained why it is better to draw a distinction between job security and employment security instead. Additionally, Prof. Kalleberg accounted for the growth of nonstandard employment and put this concept into historical context. Prof. Kalleberg stressed consequences of this tendency for both individuals and organizations. As a contribution to existing theoretical debate on this theme, Prof. Kalleberg suggested his own notion of “flexicurity”. Flexicurity is a meta-policy, combining greater flexibility for employers and protections for workers.

Moreover, Prof. Kalleberg discussed his recent book “Good Jobs, Bad Jobs”, which addresses the problem of growing inequality and polarization in both economic and non-economic job characteristics. Prof. Kalleberg also shared with us his future research plans. His next research direction deals with the idea of precarious work and focuses on international comparisons. Finally, Prof. Kalleberg recommended some of the most relevant and interesting books in this research field.

Keywords: labor market; nonstandard employment; job security; flexicurity; temporary work; precarious work; globalization.

— *First of all, could you tell a little bit more about your definition and approach to job security and job stability? For example, are they different for you? I know that there are papers that distinguish between these two terms.*

— *I think job security and job stability are a little bit different. Job stability refers to the extent to which you are able to have job protections for a long time. Job security, I think, refers to the chances that you are going to lose your job and lose the protection associated with it. So, they are similar in some ways, but I think there is a slight difference between them. A better distinction is that between job security and employment security. That is, people may lose their job, but if they lose their job, they may have opportunities to be re-employed in the labor market and therefore they have employment security. And I think that employment*

security is more important than job security, because jobs come and go, and so the question is whether you can get back into the labor market after you've been unemployed.

— *What is your definition of nonstandard employment? There are plenty of definitions, but how do you define it?*

— Well, nonstandard work should be thought about in relation to standard employment. The standard employment relationship was a normative form of employment relationship that is relatively recent, since World War II, and which involved work in which employees had open-ended contracts and a high degree of security. Work that has closed-ended contracts or fixed terms would be an example of nonstandard work. Another example would be one in which you work for more than one organization, as does a temporary help agency worker who is employed by the temporary agency but works at a client organization's site. Anything that deviates from this basic standard employment relationship would be considered as a nonstandard job. And I think part-time is sort of on the borderline, because in a part-time job you can still work for an employer with an open-ended contract; you just work less hours. I would say whether part-time work should be considered non-standard work depends on the situation.

— *Social scientists express different attitudes towards the term “nonstandard”. Some researchers think that the reason for using the term “nonstandard employment” is imaginary, because during previous times everybody was employed like this, without any particular permanent contract, while others treat this differentiation between standard and nonstandard as normal and are more in agreement with your point of view.*

— Historically, the norm has been work that is precarious and insecure; the kind of nonstandard work that is becoming more common now was also the case before the mid-20th century. But during the post-World War II period we had this internalization of employment relationships that I call standard employment, and that is the norm against which we are contrasting the changes that are occurring now.

— *In many countries, nonstandard employment is growing steadily. What do you think are the main factors behind this trend? And another point here, how has the scientific literature reacted to it?*

— I think that the main reason for the growth of nonstandard employment is the fact that companies, nations, need greater flexibility in relation to workers. They also want to cut costs. These factors encouraged employers to adopt nonstandard relations. I think that point is very well established. Because of these factors, there are things like increasing competition among companies, produced by globalization and technological change, and so on. Finally, deregulation of markets caused price competition, and because unions were weak, employers have been able to create all this non-typical and nonstandard employment.

I think that the literature has agreed on these basic causes by now and there are no big debates about this. The literature is currently focused more on consequences of non-standard employment, such as the implications for individuals in terms of stress and personal well-being, and also for organizations in terms of the impact on organizational performance, job turnover, and the outcomes of nonstandard and standard workers working together. Beyond that, the literature is looking at the impact on society: on family structures and these kinds of externalities. I think that is the main focus of the current literature: What are the consequences of this trend and what can we do to eliminate those consequences?

— *You spoke today about the “flexicurity” model. Could you express briefly what is the best variant and title for “flexicurity” model?*

— Well, when I use the word “flexicurity” I use it as a very general concept, almost in terms of metatheory or metapolicy. It is a narrative that says “What do we need to do to address risks that have occurred as a result

of recent changes in the nature of employment and work?" I argue that you need flexibility for employers, because they have to compete in markets, although that produces insecurity for workers. So, you need to get flexibility for employers and security for workers. That is the general narrative. Now, if you look around the world there are some examples of this. It's being applied in Japan and in other countries in one way or another. Given the bad economic climate right now, it is very difficult to pursue active labor market policies because of the problems with demand for jobs. But I think it's important to maintain this idea as it might help to evaluate policies that are likely to be effective. For example, I don't think policies that are directed at restraining employer's flexibility such as employment protections that prevent them from firing workers, will be useful. I think those kinds of things are not productive because employers will get around them, hiring a bunch of temporary workers.

So I think it is an important sort of metatheory that provides a narrative alternative to explanations like "we need to rely on markets to solve these problems", for example.

— *If we compare Russia to the US... (These are interesting cases for comparison: in the US you need more security for workers and in Russia I think we need more flexibility for employers, because the labor market is too rigid, which explains the growth in temporary employment.) ... Is it a good thing to have many temporary employees in the economy or not? If they are satisfied with their positions? Does the research tell us anything about it?*

— I think it is a great comparison, because it illustrates the point that in US you have flexibility for employers; what we need is security for workers and *vice versa*. In Russia, as in Europe, the welfare state has provided considerable security for workers and the problem has been a lack of flexibility for employers. So these things have to be manipulated in different ways. I think a Russia — US comparison will be terrific.

On the second point, it seems to me that temporary work is not necessarily bad. I can think of many situations where temporary work is good. Temporary work provides people with opportunity to be flexible, to experience new things, and to have an interesting kind of experience. The problem of temporary work is when it is a trap and not a bridge. For example, when you have a situation, as in the US, where temporary workers don't have benefits, they don't get health insurance, training, and many other things that you get on a regular job. That's the problem. So it depends on the institutional context. In some countries I would say temporary work is quite good.

— *In other words, temporary work is not a stepping-stone to a good career, but a trap in the US? Because some research has shown that, for example, in Britain and especially in Australia, it functions exactly as a bridge; people there take on casual temporary work, even when they were employed before. They take temporary jobs because even such jobs can contribute to their social and human capital and help them find a better permanent job. My study of casual workers in Russia did not demonstrate any such tendency. Temporary jobs are not stepping-stones in Russia; they are pointless for unemployed people. What is the situation in the US?*

— Well, it depends. What I mean, when I say "temporary employment is a bridge," is that it's a good thing. When it is a trap, it's not good. There are some situations in the US when temporary employment actually acts as a bridge. Because many employers now are using temporary work as a provisional period in which they check out workers, and this provides people a way into the labor force. Within a country you may have temporary employment acting in both ways. And the extent to which it does that, it could be good or bad.

— *I have a couple of questions about your recent book "Good Jobs, Bad Jobs" [Kalleberg 2011]. As I understand, the main argument in the book is that today there is insecurity for everyone. Although there are some winners — maybe today you are a winner, but in the future you will fail...*

— So basically I'm arguing that there are two things going on. One is an increase in polarization, by which I mean growth of inequality between good jobs and bad jobs. There has been a growth of inequality in wages, in time— some people have to work many more hours, some people too few hours. And, to some extent, there's been a growth of inequality in terms of control over your work, how you do things. So there has been growing inequality, or polarization, in both economic and non-economic job characteristics.

At the same time, there has been growing insecurity for all. A consequence of that is that, while everybody is more insecure now, some people are more vulnerable than others. Take the example of people working in IT. They may have very insecure careers. They may go from one project to the next, but they have a lot of market power, because they are able to sell their skills on the market. People who don't have such kinds of skills are much more vulnerable. Both types of worker are in precarious positions, but in one case it doesn't matter so much, because they have many more alternative opportunities. Skill and education are key things here.

— *But today, skills can deteriorate very fast...*

— Yes, they can. That is why you need a new social contract. You need active labor market policies to get people to retrain. Skills deteriorate very fast due to rapid technological change and increasing globalization, which make it easier for employers to move their production all over the world.

— *Your book is devoted mainly to the US, although you make some international comparisons. Are you going to pursue this further and write a book with an international emphasis?*

— Yes, it is my next goal to try to take this idea of precarious work and polarization and extend it to different countries. The paper I presented here at this conference in Moscow sort of begins to do that. When you start looking at international perspectives you must take into account the fact that different countries have different institutions — different systems of welfare regimes and social protections. One of the problems in the US is that they have a very weak welfare system and safety net. If you are on a bad job, you don't get health insurance, skill training and so on. In other countries those jobs might be not so bad, because at least you get health insurance and opportunities to be reskilled.

I've also done a project in ten countries in Asia, looking at precarious work there. That work will be published in two issues of *American Behavioral Science* next year [Hewison, Kalleberg 2013; Kalleberg, Hewison 2013]. I'm currently looking at Europe, looking at these differences, and I'm hoping to look at Russia. Yes, that is what I like to do — not only looking at variation across countries, but also the consequences of this.

— *What is your attitude to this block of literature on the future of work?*

— The literature that I think will be most relevant to this will be Ulrich Beck's book "The Brave New World of Work" [Beck 2000]. He envisions that there is going to be insecurity in the future, so the quest is how we should make the best of it and perhaps create a situation where we are not dependent so much on employment. Guy Standing makes a similar argument in his book "The Precariat: The New Dangerous Class" [Standing 2011]. He proposes that in the future maybe we should have some sort of basic income grant, so that we don't have to take bad jobs, if we don't want.

— *About this debate on the future of work: some people within this debate believe that a golden age of full employment is never possible again, we will never return to it. That is why we should separate social protections from employers and we should separate identity from employment. Maybe we should change the priority of work in society and allow people to concentrate on other activities like education, volunteerism, and political engagement.*

— I think that is great, but how? The idea of separating social protections from employment is a brilliant idea. But people are arguing that you can't find an answer, because the costs of unemployment insurance, unemployment benefits and so on, and the stresses involved, are so great. If you provide somebody with a protection regardless of paid work, that would be a good thing. I think a society in which people are able to make choices about what they do, whether or not they work in paid work, or do care work, or be involved in civic activities, this would be a very interesting vision for the future, but a long way from being realized, so I think a key thing is to provide social securities that are not dependent on actual paid work. In the US, for example, everybody does not have health insurance. This is unlike the case in most countries of the world. Less pressing is a pension for everybody. I think pensions probably need to be calculated on the basis of some sort of employment system, whether or not it is money paid into the system or credit obtained from doing civic work or care work. These are different models. I think we should be open to these kinds of alternatives.

— *What recent books would you recommend on this topic?*

— Besides “Good Jobs, Bad Jobs”? (*laughing*). It was published in 2000, but Ulrich Beck's book “The Brave New World of Work” [Beck 2000] is still good. On the topic of precarious work, I suggest reading “Grounding Globalization: Labour in the Age of Insecurity” [Webster, Lambert, Bezuidenhout 2008]. I think it is a very interesting book. Another book I liked is by Leah Vosko, called “Managing the Margins”, which talks about how to manage work with the departure of standard employment relationships [Vosko 2009].

— *Thank you very much for your time!*

Tatiana Karabchuk and Adrey Shevchuk
October 2012, Moscow

References

- Beck U. (2000) *The Brave New World of Work*, Cambridge: Polity.
- Hewison K., Kalleberg A. L. (2013) Precarious Work and Flexibilization in South and Southeast Asia. *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no 4, pp. 395–402.
- Kalleberg A. L. (2011) *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s–2000s*, New York: Russell Sage Foundation.
- Kalleberg A. L., Hewison K. (2013) Precarious Work and the Challenge for East Asia. *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no 3, pp. 271–288.
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, New York: Bloomsbury.
- Vosko L. F. (2009) *Managing the Margins: Gender, Citizenship, and the International Regulation of Precarious Employment*, Oxford: Oxford University Press.
- Webster E., Lambert R., Bezuidenhout A. (2008) *Grounding Globalization: Labour in the Age of Insecurity*, Malden; Oxford: Blackwell Pub.

Received: March 21, 2013

Citation: Growing Job Insecurity and Inequality between Good Jobs and Bad Jobs: An Interview with Arne Kalleberg (2014) *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 71–75.

PROFESSIONAL REVIEWS

Olga Gurova

Institutionalization of the Sociology of Consumption in Russia

GUROVA, Olga Yur'evna — PhD in Cultural Studies, Academy of Finland Research Fellow, Department of Social Research, Faculty of Social Sciences, University of Helsinki. Address: 35 Unioninkatu, Helsinki, 00014, Finland.

Email: olga.gurova@helsinki.fi

This article explores the process by which a subfield of sociology, the sociology of consumption, became institutionalized in Russia. By “institutionalization” is meant the process of its establishment as an autonomous field of scientific knowledge, university-level discipline and academic community of scholars. Drawing on data from document analysis and expert interviews, the article reviews the evolution of the sociology of consumption — its topics, methodologies and approaches — in Soviet and post-Soviet Russia. We look at its emergence and functioning as a subject in university curricula and the formation of a community of scholars self-identifying as belonging to this field. The main observations are the following: while the institutionalization of the sociology of consumption accelerated in the 1990s, its origins can be traced to the beginning of the 20th century. The subfield continues to be in the process of formation in Russia. Currently, two major approaches can be discerned: the socio-economic and socio-cultural approaches. Since the 1990’s, Sociology of Consumption was included in university curricula as an elective course for students preparing themselves for a professional career in sociology. On one hand, this provoked a certain standardization. At the same time, scholars in Russia remain free to manipulate the content of a particular course. In terms of community, the experts we interviewed noted the lack of a “strong promoter” or “charismatic leader” but emphasized the existence of “growing points,” namely, places across the country where scholars at various universities play a particularly key role in developing the subfield and contributing to its further institutionalization.

Keywords: sociology of consumption; consumption; institutionalization; university curriculum; academic community; Soviet and post-Soviet Russia.

In his letter of acceptance for my recent article on the sociology of fashion, an editor suggested changing its title, claiming that there was no such thing as “sociology of fashion” and, furthermore, that there was no point in attaching random nouns to the word “sociology.” Whether it is the sociology of fashion or the sociology of consumption, the editor’s remark problematized the issue of emerging sociological sub-disciplines and research fields. Andrew Abbott confirmed this, saying that sociology “is not very good at excluding things from itself” [Abbott 2001: 5].

In this paper, I examine the process by which one of the emerging subfields in Russia, namely, the sociology of consumption, became institutionalized there as a field of research, university-level subject and academic community.¹ The

¹ The institutionalization of sociology suggests a concept with the following indicators: “Institutionalization of sociology is a historical process of its establishment as an autonomous field of scientific knowledge and official recognition of its public importance. The following points of this process are worth mentioning: bringing the category ‘sociology’ into academic discourse; publishing articles and books devoted to sociological issues; holding academic

sociology of consumption is defined as a subfield of sociological knowledge that is focused on the social embeddedness of consumption. The content of the term “consumption,” as will be shown later, might vary, depending on the historic period, the research approach taken, the peculiarity of the empirical object, or the chosen subject, among other things. As a result, the term “consumption” may mean the utilization of practical properties of a good in order to satisfy one’s needs or the process by which a person forms his identity through the utilization of material and non-material goods that are perceived as symbols or as an activity, way of life or thinking that guides the expression of one’s identity and belonging to social groups. “Social embeddedness” of consumption implies the search for consistent patterns within the sphere of consumption that connect consumption to social institutions, social structure to inequalities, identities, material objects and services to consumer behavior and practices at a given moment.

My motivation to study this particular subfield within sociology is twofold. First, there is the topical actuality of consumption in the context of the rise of capitalism and the attendant profound transformations that have taken place in post-Soviet Russia. Second, the subfield is relatively new; the themes we explore in this article have not been sufficiently studied yet.

The institutionalization of the sociology of consumption has accelerated since the 1990s, although the origins of this subfield, as with sociology in general in Russia, can be found in the early 20th century. Hence, in order to trace the evolution of the sociology of consumption, it is necessary to consider the studies that attempted to explain the social embeddedness of consumption during different historical periods of Russian society.

Consequently, the primary purpose of this study is to present an analytical overview of the roots of the sociology of consumption as a research field, and shed light on the process of its development by focusing on the type of sociological problems that were tackled, the themes and approaches that were applied, the key categories that were developed and the methods that were implemented.

Institutionalization also includes the development of the sociology of consumption as a university subject and a course within degree programs in sociology. Only after it was recognized as a discipline of higher learning could the research field begin to gain from reproduction in the educational system and obtain additional opportunities for further development. For this reason, the second purpose of this study is to examine the process by which the sociology of consumption emerged as a university subject and a course within degree programs in sociology in Russia.

The third and final purpose of this article is to study the academic community that engages with topics relating to the sociology of consumption, namely, their academic identification, their sense of belonging to the community of consumption scholars and their expert opinion on the current situation and perspectives on the sociology of consumption in light of its institutionalization in Russia.

Following the logic described above, this article is divided into three parts. The first part discusses developments in consumption research in Soviet and post-Soviet Russia. The current position of the sociology of consumption in the curricula of Russian universities is described in the second part. Finally, the academic community that studies consumption is examined. In the conclusions I reflect upon peculiarities of the institutionalization process in Russia.²

---

sociological forums; organizing sociological associations and academic sociological centers; introducing general and professional sociological education; establishing academic degrees and positions in sociology” [Glotov 2010: 127]. Glotov applied this concept to sociology as a discipline but it also can be applied to sub-disciplines. According to Glotov, there are multiple indicators of the institutionalization process. In this article, the institutionalization is considered on three dimensions: the establishment of a research field, university discipline and academic community in Russia.

² I would like to thank Darya Morozova, a Master’s student at the Faculty of Social Science of University of Helsinki, for her help. Also, I would like to express my sincere gratitude to my colleagues who were eager to discuss the sociology of consumption in the interviews. I thank Matias Szabo and the Curriculum Research Fellowship for financial support in this research.

Methods and materials

Publications and expert interviews form the data analyzed in this study. The publications examined include general and topical sociological journals such as *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)* (1974–2013), *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii (Journal of Sociology and Social Anthropology)* (1998–2013) and *Ekonomicheskaya sotsiologiya (Journal of Economic Sociology)* (2000–2013). Beginning with the journal's debut issue and ending with the final issue of 2013, each journal was searched for articles that discussed the phenomenon of the sociology of consumption. Moreover, publications in other magazines on social and humanitarian subjects (for instance, *Sotsiologicheskii zhurnal, Neprikosnovennyi zapas, Logos, Teleskop* etc.) were screened for such articles using a search engine. Apart from scientific journals, books on consumption, lifestyle and the meaning of material objects in society were used as source material. The books were selected on the basis of a library list of topic classifications.³ In addition to articles and books, 15 university curricula from throughout Russia were examined. (See Appendix 1 for the list of curricula.)

Expert interviews form the other component of the data analyzed. (For the list of interviewees see Appendix 2.) Sociologists of different generations who combine research activity with lecturing at universities comprised the interviewees in this research. The interviews were carried out in three Russian cities (Moscow, Saint-Petersburg and Novosibirsk) at four universities (the Moscow and Saint-Petersburg campuses of the Higher School of Economics, the Saint-Petersburg State University and the Novosibirsk State University). There were several reasons for choosing these universities, the most important one being that they are educational institutions where research is highly prioritized. Both campuses of the Higher School of Economics and the Novosibirsk State University have the status of National Research University, whereas the Saint-Petersburg State University has the status of Federal University. Both these statuses give the right to receive additional funding from the state budget for research projects. Furthermore, each university chosen for this study has either a faculty or a department of sociology comprising a group of researchers who engage with topics related to the sociology of consumption and who lecture on similar subjects. Among the experts interviewed are Ph.Ds in Sociology, Doctors of Sciences in Sociology and Philosophy, Senior Lecturers, Assistant Professors and Professors; a Department Head and Deputy Head of Department and a Deputy Dean of Faculty.

There were eight interviews taken in total. The briefest interview lasted 40 minutes and the longest lasted 90 minutes. Although interview questions (approximately 25) were modified for each expert, three general categories are distinguished: (1) questions about research activity and professional interests; (2) questions about teaching experience; (3) a discussion of the current state of the discipline in Russia.

1. Sociology of consumption as a research field

The evolution of the sociology of consumption goes hand-in-hand with that of Russian society and sociology in general. The rise of sociological research on consumption⁴ as a separate research field can be divided into two major stages, with several minor periods within these stages.

1.1. Sociological studies of consumption in the Soviet Union

The 1920s can be called the *pre-theoretical stage* of the sociology of consumption in Russia. During this period, sociology experienced a certain prominence, as Vladimir Shlyapentokh states: “In the 1920s Soviet applied sociology achieved a high level. It borrowed from the cutting-edge methods of statisticians (*zemskaya*

³ The libraries searched were The National Library in Saint-Petersburg and the Novosibirsk State University library.

⁴ Here I purposefully replace “sociology of consumption” with the umbrella term “sociological research on consumption” since studies that were the basis for the future research field could be shaped within the framework of other fields.

statistika)” [Shlyapentokh 2006: 38]. Budgetary research explored how the budgets of peasant households were formed, how much money peasants earned and how they spent the money they earned (see: [Il’in 2008: 6; Mironov 1999]). For example, A. N. Chelintsev in 1919 studied the consumption of peasant families in the Tambov region. He analyzed a way of consumption (*uklad potrebleniya*) that was measured by the level of consumption (*uroven’ potrebleniya*) and explores the connection between the level of consumption and productivity (see: [Mironov 1999: 35–39]). L. E. Mintsin 1927 studied income, its amount and structure, and consumption of the unemployed, comparing unemployed people with employed people. For example, early researchers measured calories and investigated the content of meals from the viewpoint of needs that should be satisfied (see: [Mironov 1999: 319]).

1.1.1. The first wave: the 1960s

After a long period of dormancy under Stalin, sociology in the Soviet Union experienced a renaissance under Khrushchev. Boris Firsov and Boris Doktorov, among others, called this period the “second birth” of the discipline [Firsov 2001; Doktorov, Kozlova 2009]. During the 1950–60’s, the discipline was “topical, polemical, dynamic [even more so] than such a respectable discipline as history” [Symonovich 2009: 16]. At that time, sociology was split into branches and topics differently than today [Firsov 2000: 156]. Consumption was neither a separate part of the discipline nor a topic of major importance. Nevertheless, as early as the late 1960s, works devoted to consumption began to be published as books and articles in the major sociological journals of the Soviet Union.

At least two major approaches to the study of consumption during that period can be identified.

I call the first approach the **generational approach**. This approach is exemplified by Boris Grushin’s and Valentin Chikin’s large-scale survey project, published as two books, *Face of a Generation (Litso pokoloniya)* [Grushin, Chikin 1961], *Confession of a Generation (Isповed’ pokoleniya)* [Grushin, Chikin 1962] and as a series of books by Grushin *Four Lives in the Mirror of Public Opinion. Essays on Russians’ Public Consciousness in the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin [Chetyre zhizni v zerkale obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yeltsina]* reprinted in 2001. The sample comprised 17,556 young people (below the age of 30) who were reached through a questionnaire placed in the newspaper *Komsomol’skaya Pravda*. This research was not devoted to consumption as such, yet it touched on the topics of philistinism and personal style in regard to the younger generation of Soviet people.

In reply to the question on attitude towards their own generation, young people claimed to be pleased with their generation (83.4%), but criticized the philistinism they perceived among some Soviet citizens [Grushin, Chikin 1961: 16]. 3,000 respondents condemned the excessive attention towards personal appearance, style and western trappings. 16.6% mentioned stylish youth (*stilyagi*) in their responses, acknowledging the existence of this controversial youth subculture⁵. Researchers provided quotes from interviews, for example: “I don’t like <...> that some young people aspire for all things from abroad: boyish haircuts, ugly narrow trousers and short skirts, etc.” (Gasieva, 30, factory worker and external student) [Grushin, Chikin 1962: 198]. The reason for the criticism of stylish youth lay in the fact that in Soviet society, appearance was closely connected to inner self. Excessive attention to one’s appearance and to all things western was therefore evidence of a corrupted inner self. There were many instances where respondents expressed anger towards those who liked bright shirts and fashionable haircuts [Grushin, Chikin 1961: 45]. The researchers asserted that “a culture of

⁵ *Stilyagi* is a youth subculture, which appeared on the streets of Soviet cities as early as the end of the 1940s. These were younger people who “had their own ‘style’, which was an interpretation of American rock’n’roll styles and their own jargon.” They were defined as “youth-as-victims-of-western-influence” in the dominant discourse and viewed as evidence of westernization. See: Pilkington H. (1994) *Russia’s Youth and Its Culture. A Nation’s Constructors and Constructed*, New York: Routledge. p. 48.

behavior” is important; one has to distinguish between good and bad taste. From this point of view, the loss of a sense of moderation was problematic, but also the inability to acknowledge beautiful and modern things, such as clothes, art, furniture or dances. Besides, if the Soviet industry were to function better and produce more bright and cheap fabrics, there would not be that many young people copying western lifestyles and fashions [Grushin, Chikin 1961: 45]. The researchers concluded back then that people, as they age, would care less and less about fashionable style and appearance; therefore, there was no need for alarm concerning stylish youth.

The second approach, which I call the *quasi-critical approach*, was developed in the book by Zhilina and Frolova *Problems of Consumption and Personality Development (Problemy potrebleniya i vospitaniya lichnosti)* [Zhilina, Frolova 1969]. This book offers a comparison between consumption in socialist and capitalist societies, applying the principles of Marxism. Although this book does contain criticism towards capitalist society and also towards socialist society, this criticism was done in line with Soviet ideology. Therefore, I call this approach quasi-critical. The research investigated mass consumption and its role in personality development in the Soviet citizen. The sample comprised 1,740 families (schoolchildren and their parents) in the town of Chelyabinsk. The interviewees were stratified according to their rank in the professional hierarchy.

Several findings of this research are of interest. For example, despite the official ideology of equality, the authors underscore that, at the then current stage of socialism’s development, individuals and groups remain unequal in the sphere of consumption. The inequality is justified by the fact that people earn and consume according to the amount of work they do [Zhilina, Frolova 1969: 8]. Surprisingly, only 17 people only out of 1,740 said they did not care about material things, as socialist ideology would have prescribed them to do [Zhilina, Frolova 1969: 51]. The rest of the interviewees found material things to be a meaningful and important part of life [Zhilina, Frolova 1969: 56].

Several other issues were analyzed: desire for new things (almost 90% of the interviewees admitted to dreaming about novelties); attitudes towards saving money; motives for purchases of new things; attitudes towards abundance. As a result, it was found that the Soviet people were aspiring materialists who would have gladly accumulated possessions, had they been given the opportunity; they dreamt about new things — cars, fridges and furniture — and did not care much for asceticism; they preferred to buy and own things rather than to borrow them. The major motive for purchases was comparison — not to be worse than their peers. Researchers, in turn, explain this as evidence of collectivism. In general, this research represents a comparison of Soviet norms against “real” attitudes to consumption and material things. Although it is influenced by ideology, nevertheless the research provides captivating data on consumption at the time and can be considered as a starting point for the sociology of consumption in Soviet Russia.

At the end of the 1960s the longitude research project *Taganrog I* was launched with the purpose of investigating family consumption and its structure. This project represents research devoted to *typologies of consumption*. The results and the final report of this research are not publically available [Uroven’ zhizni... 1971], which was rather typical for sociological research at the time. This approach was applied in other research conducted later, which I will discuss in a subsequent section.

1.1.2. The second wave: the 1970s and 1980s

In the 1970s and 1980s, several major approaches to the study of consumption can be identified. The general framework was the structural functionalism approach. Different phenomena were studied using this framework. First, consumption was explored from the point of view of a *socialist way of life*. The category “way of life” was considered as a set of activities in the spheres of labor, consumption, everyday life (*byt*), and social and

political domains [Narodnoe blagosostoyanie... 1988: 85]. “In the 1970s, studies of issues pertaining to life style became more visible, especially in big cities. Several sociologists in Leningrad teamed up around the topic *The Socialist Way of Life as a Subject of Complex Social Research (Sotsialisticheskiy obraz zhizni kak ob’ekt kompleksnogo sotsial’nogo issledovaniya)* with A. S. Pashkov as the research project’s leader. The results were published in a volume entitled *Urban Way of Life: Evidence from a Complex Social Study (Obraz zhizni naseleniya krupnogo goroda: opyt kompleksnogo sotsial’nogo issledovaniya)*” ([Boronoev 2008: 67; see also: [Pashkov 1988]). Despite the ideological expectation to explicate and promote a unified normative socialist way of life for all Soviet people, the research uncovered diversity, affirming a plurality of lifestyles that differed in their proximity to the normative Soviet model [Narodnoe blagosostoyanie... 1988: 85].

Discussion of the notion that there is diversity of lifestyles found its venue in publications that engage with *typologies of consumption* as in *Taganrog I* project. The second stage of the longitude research *Taganrog II* (1977–78), led by Natalya Rimashevskaya, questioned the ideological premise of mature socialist society being a society of equals within various spheres of life, including consumption. In actual fact, constant shortages of consumer goods, and the absence of equal access to them, led to differentiation among consumers.

In their paper, Rimashevskaya and Levkova identified two approaches to consumer behavior based on needs [Rimashevskaya, Levkova 1978]. The first approach, *normative*, was limited to a certain abstract concept of needs taken from physiology, psychology, hygiene, architecture, and the like. The other approach, *statistical*, was based on the postulation that consumers optimize their behavior according to their needs. The scholars emphasized that the second approach should be taken for exploring the peculiarities of Soviet consumption.

Using data collected from 106 families in Taganrog and applying quantitative methods of analysis, scholars distinguished two groups of consumers on the basis of income. The low-income group of consumers consumed according to basic needs and there was no variety of consumer patterns among them. The high-income group consisted of three sub-groups having various patterns of consumption. The first sub-group comprised households of three or more people, often with children living at home. Consumption in this sub-group was oriented toward sustaining the family (e.g. furniture, home appliances, relatively high food expenditures). The second sub-group had the highest expenditure rate for food and the lowest for durable goods. This type of consumption was called “physiological” or “naïve.” The third sub-group among the high-income group had the lowest level of food expenditures and the highest rate of expenditure for books, magazines and entertainment. They also spent more on musical instruments, radios, and related items. This last sub-group was called “intellectual” [Rimashevskaya, Levkova 1978: 139–141]. In summary, the research showed that similar income does not necessarily result in a similar structure of consumption and a similar lifestyle in socialist society [Rimashevskaya, Levkova 1978: 141].

The socialist consumer market was a significant subject of study of the Soviet sociologists in the waning days of the Soviet Union. Despite the stereotype that the Soviet state did not allow criticism, sociologists were able to critically approach many phenomena, including the market. First, they analyzed the channels of selling consumer goods from the point of view of consumer policy and management of supply and demand. Soviet officials acknowledged that the market was in a condition of shortage and this fact was voiced in sociological research. Studies of alternative channels for acquiring consumer goods (black markets, informal farmers markets) were published (for example, see: [Sidorov, Smirnov 1990]). It was concluded that the black market relieved some of the effects of shortages and that the access to consumer goods led to a diminishing of social differentiation [Guzanova 1989: 74; Sidorov, Smirnov 1990: 101].

As for the management of retail trade, in order to understand how to locate stores in the most rational way, sociologists interviewed people in order to discover factors influencing their choice of stores [Rukavishnikova, Sapozhnikova, Khazova 1990]. Sociologists also explored the amount of time consumers spent to get to a

store [Goloshchapov 1981: 147] and it was found that consumers preferred to buy groceries near to where they live or work. As for nonfood items, it was learned that consumers preferred to buy them in city centers rather than in remote areas. For the case of Moscow, studies showed that both types of stores were equally attractive for consumers. It was also concluded that as commodity circulation grew, it would be necessary to build larger shopping centers [Bobkov 1985: 85–86]. Moreover, Muscovites expressed a desire to buy nonfood items in department stores located in the neighborhoods where they lived, hence, a need for such stores would be also claimed [Rukavishnikova, Sapozhnikova, Khazova 1990: 99].

Second, sociologists explored and categorized the mechanisms of the socialist consumer market. In the project *Taganrog II* several types of demand were identified. First, *effective demand* (*platezhesposobnyy spros*) comprised the money a person had at his disposal to spend. Second, *delayed demand* (*otlozhennyy spros*) consisted of the money that would be spent, depending on the availability of a consumer good at a particular moment [Narodnoe blagosostoyanie... 1991: 140]. Third, *realized demand* (*realizovannyy spros*) was the money already spent of consumer goods [Narodnoe blagosostoyanie... 1991: 145]. There can be fully-satisfied demand and not fully-satisfied demand, depending on the level of satisfaction of a consumer [Narodnoe blagosostoyanie... 1988: 78–79].

Scholars talk about consumer behavior on the socialist consumer market and identify *impulse buying* as a consumer strategy that is at work when a consumer buys anything available for sale, no matter if he planned to buy it or not. Impulse buying in the context of shortages has almost nothing in common with that of the capitalist consumer market. Nevertheless, researchers interpreted this practice in a positive way, since it served as evidence that the demand for novelties was being satisfied to some extent [Narodnoe blagosostoyanie... 1991: 149]. Several other specific practices were mentioned in publications during this period, for example, *consumer migration*, meaning to travel to better-supplied cities for the express purpose of buying consumer goods [Narodnoe blagosostoyanie... 1991: 154–155] and *forced purchase* (*vynuzhdannaya pokupka*) to describe purchases made solely due to an item's momentary availability rather than a consumer's plan [Dukarevich 1987].

During the 1970s, **household possessions** was a popular subject of study. An example of this line of research is M. H. Titma's and T. I. Sildmäe's (1979) study conducted in Soviet Estonia. They considered household possessions to be an important part of the everyday life of the Soviet people and consequently were interested in exploring the factors affecting differentiation in them. The hypothesis was that differentiation was caused not only by income but also by differences in lifestyles and needs.

The research contained information about the structure of material possessions and then made a link between categories of possessions and social characteristics of the interviewees, using the method of taxonomy that was broadly applied in consumption research at the time. These typologies were quite rough, though, since nuanced characteristics of possessions were not taken into account, namely, the age of the object, the producer, the brand name, or style.

Later on, in the 1988 study *Urban Way of Life: Evidence from a Complex Social Study (Obraz zhizni naseleniya krupnogo goroda: opyt kompleksnogo sotsial'nogo issledovaniya)* scholars, in turn, took into account nuances related to material possessions. They concluded that it was not enough to know whether or not a person owned a TV, it was important to know what kind of TV it was, whether black-and-white or color, stationary or portable, with or without a videotape recorder and remote control, and so forth [Pashkov 1988: 208].

The structure of consumption was also explored from the point of view of **material well-being**, not limited to income, but also including household possessions. In a study by Protasenko, conducted in (then) Leningrad, people of four professional categories were chosen for analysis. Those categories were qualified workers,

engineers, teachers and service sector workers. For the most part, the engineers and teachers had higher education, and qualified workers and service sector workers had a secondary education. Protasenko suggested that education is a significant factor in differentiating a *culture of consumption* (*kul'tura potrebleniya*) [Protasenko 1985: 102]. She found the number of household possessions (*imushchestvennaya obespechennost'*) to be quite high in all groups. Personal income does not correlate with the number of household possessions, while the aggregate family income does. The higher the aggregate family income, the greater the number of household possessions. Hence, such factors as the aggregate family income, amount and quality of accumulated possessions (acquired in the past) and social characteristics of the family (socio-professional status, number of dependents) influence the structure of household possessions. The author also ground-breakingly acknowledged the significant role played by the *culture of consumption*. Fashion, advertising, spontaneous desire, as well as the momentary availability of consumer goods affected consumer patterns. Moreover, the author noted a widespread obsession with material objects (*veshchism*) among the population studied. Such attitudes were mostly visible among the service sector workers who tended to consume prestigious and expensive things because of availability of goods at their work places in deficit economy [Protasenko 1985: 109].

Fashion became a legitimate subject of analysis by Soviet sociologists in the mid-1970s. For example, Leonid Petrov considered fashion a form of communication from a socio-psychological perspective: "Fashion is approached from the point of view of social communication, as a special way of transmitting social information" [Petrov 1974: 3]. Identifying major functions of fashion, namely, identification with peer group, imitation, communication and aesthetics [Petrov 1974: 14–150], he emphasized that fashion is not an individual fad, but a social process. In 1980 Alexander Gofman posed his concept of fashion, according to which the structure of fashion contains fashion standards, fashion objects, fashion meanings and fashion components; the latter including fashionable behavior and actors participating in fashion. He described values intrinsic to fashion, splitting them into two groups: attributive values (up-to-dateness, playfulness, conspicuousness, universality) and denotative or situational values (defined by the social and economic institution, class structure and a way of life of a particular society) [Gofman 1980: 60]. Gofman compared socialist and capitalist fashions. Under capitalism, fashion is classed, whereas under socialism the differentiation is based on age, profession, education and personality traits. According to Gofman, socialist people were not concerned about the premature ageing of novel things [Gofman 1980: 64].

At the end of the 1980s and the beginning of the 1990s, sociology became a discipline that was taught at institutions of higher learning in Russia. The chairs of Marxian philosophy and scientific communism were transformed and renamed into chairs of sociology, political science and culturology (a local version of Cultural Studies). Sociology in this period during the 1990s was "pluralistic" in that many sub-disciplines and research areas appeared and began to develop in this period intensively [Zdravomyslov 2007].

1.2. *Current state-of-the-art: the sociology of consumption in Russia today*

At least two major approaches can be distinguished within the sociology of consumption in Russia today. The first, the *economic sociology approach* primarily deals with market research, consumer behavior and lifestyle and is usually based on quantitative data. The second approach, the *socio-cultural approach*, focuses on the culture of consumption, identity, and consumer habits. As a rule, researchers who take this latter approach apply qualitative methods. Although they have much in common, the two methods diverge in their definition of "consumption" and also by the choice of research subject. In addition, since the two approaches are rooted in different sociological schools, the proponents of these approaches ground their arguments in different theoretical foundations. The essential difference lies in the fact that one approach studies consumption as a field affiliated with economics, while the other links consumption with culture.

1.2.1. The economic sociology approach to the study of consumption

This approach is the one largely promoted by sociologists at the Higher School of Economics in Moscow. In 2005 the key article by Vadim Radaev's *Sociology of Consumption: Major Approaches (Sotsiologiya potrebleniya: osnovnye podkhody)* was published in one of the most important sociological journals in contemporary Russia, *Sociological Studies (Sotsiologicheskie issledovaniya)*. Radaev poses an economic sociology approach (*ekonomiko-sotsiologicheskii podkhod*) to consumption and considers consumption as "making use of the useful qualities of a good, whereby individual needs are satisfied and the value of the good is exhausted." ([Radaev 2005: 352]; see also: [Roshchina 2007b]). Hence, in this approach, consumption is considered from the point of view of needs, while referring to both economics and the Soviet approach to consumption. At the same time, Radaev emphasizes that the economic sociology approach to consumption differs from economics in that "economic sociology cannot be satisfied with such interpretations, since consumption is both a social and economic process" [Radaev 2005: 7]. From this point of view, sociology acknowledges motives beyond the individual desire to increase consumption. Among other motives are desire for power, prestige, to communicate or to compete. Individual consumer behavior is therefore not always rational; it can be impulsive or compulsive. The consuming individual is not independent from others in his or her consumption decisions; instead, he or she compares her activity with various groups and communities [Radaev 2005: 7–8]. As an institutional frame for consumer behavior, values also affect consumption. In sum, consumption is defined not only by income but also by many social factors embraced by both economic sociology and the sociology of consumption [Radaev 2005].

The key topics being addressed with the economic sociology approach are social differentiation, lifestyle and social and economic characteristics affecting patterns of consumption. For example, in her research *Differentiation of Lifestyles of Russians in the Domain of Leisure (Differentsiatsiya stily zhizni rossiyan v pole dosuga)* (2007) sociologist Yana Roshchina writes that "one of the main characteristics of each society is the way people live: what they eat, how they dress and what they do. Any society consists of various social groups and certain corresponding ways to behave" [Roshchina 2007a: 23]. In this research, Roshchina investigates consumer behavior patterns that she calls "lifestyles"⁶ in the domain of leisure. She applied quantitative analysis (factor and cluster) to analyze Russian household data taken from R-TGI (Russian Target Group Index), a global market research database. Based on the R-TGI data from 1,600 households, Roshchina develops a typology of eight lifestyles in Russia consisting of particular practices. Among these lifestyles is the "passive" type that comprises people who do not go out much, have no particular hobby, and who watch TV, read, or listen to the radio during most of their spare time. An example of an opposite lifestyle would be the "postmodern" type comprising people who are very active outside the home and have a great variety of ways to spend their spare time: they "do everything you can think of" [Roshchina 2007a: 31]. After identifying patterns of consumption, Roshchina explores social and economic characteristics of the consumers among all the types she found. For example, the "passive" type were generally older, had a low income and a low level of education. They usually had families, but the number of widows was also high. In contrast, the "postmodern" group was much younger, typically in their 30s, often single, with higher education and a relatively good income [Roshchina 2007a: 33–34].

Roshchina is the author of the first textbook in the field written in the Russian language, *Sociology of Consumption (Sotsiologiya potrebleniya)* [Roshchina 2007b]. Published in 2007 by the Higher School of Economics, Moscow, the textbook by and large promotes the economic sociology approach as its first section

⁶ The category "lifestyle" appeared in Russian sociology in 1998 in the journal *Sociological Studies*. The authors of the article, discussing a cross-cultural comparison of styles of life in Eastern and Central Europe, suggested to translate this category from English into Russian as "sociocultural style" (*sotsiokul'turnyy stil'*). See: Demidov A. M. (1998) *Sotsiokul'turnye stili v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope* [Sociocultural Styles in Central and Eastern Europe]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 4, pp. 16–28.

is devoted to a review of economic theory of consumption as a starting point. The textbook also includes a section on consumer behavior in the context of marketing. In addition, the textbook embraces key sociological themes in the study of consumption and also summarizes views on the culture of consumption.

Imitation of goods on the market is currently the main research program of Zoya Kotel'nikova who focuses on the role of fakes (counterfeits, pirated copies). According to Kotel'nikova's hypothesis, not all copyright holders are necessarily fighting against the unlicensed copying of their product. This position stems from producers' dependence on symbolic consumption. For them, the proliferation of particular goods, even fake ones, adds to the brand's recognition among the consumers. Simultaneously, pirated goods act as a marketing tool that helps to consolidate loyal consumers of a brand [Kotel'nikova 2008]. Kotel'nikova also studies the role of technical equipment installed in shops to prevent robbery. Using a social constructionist approach to technology, the author investigates the implementation of both simple devices (electronic tags, sensing devices and stickers) and advanced anti-theft systems (electronic detection systems). The market functions of these devices include, apart from safety guarantees and control over consumers, the departure from "outdated" retail practices towards more modern ones. Regardless of the fact that the use of this equipment has recently become routine, it not only limits and constrains consumer behavior, but also becomes a topic of heated debate between retailers and suppliers in questions of who should pay for the investment in loss-prevention equipment and, when theft does occur, who should pay compensation for the loss [Kotel'nikova 2011].

Journal of Economic Sociology (Ekonomicheskaya sotsiologiya) is one of the main promoters of the economic sociology approach. In addition to the research mentioned earlier, articles adhering to this approach that deserve mention here are the piece on retail trade market development in Russia [Radaev, Kotel'nikova, Markin 2009] and the recent article on lifestyles [Gorban' 2013]. Due to its reliance on quantitative methods, research on inequality and well-being gravitates to the economic sociology approach and finds its venue in the journal [Byzov 2000; Davydova, Sedova 2004], as does research on consumption in different spheres, for example food and leisure [Roshchina, Martynenko 2014].

1.2.2. The socio-cultural approach to studying consumption

At least two sub-approaches can be distinguished within the socio-cultural approach to the sociology of consumption, *critical* and *constructionist*. To a certain extent, these approaches intersect with one another.

The current *critical approach*, so named for its criticism of modern capitalist society, was developed by Dmitrii Ivanov. In his exploration of consumption as an activity, a process of interaction with other people, a set of lifestyles and ways of thinking that facilitate the creation of identities and allows one to express his or her belonging to a group or community, Ivanov concludes that man is what he eats, owns, wears, drives, attends, watches and reads [Ivanov 2008: 30–31].

In his article *The Phenomenon of Consumption: A Critical Approach (Fenomen potrebleniya: kriticheskiy podkhod)*, Ivanov identifies neomarxism and postmarxism as the key paradigms in his approach. According to Ivanov, the Marxian scheme of structure and superstructure is turned upside-down in modern capitalist societies, namely, production no longer serves as the foundation of capitalist society; instead, consumption serves as both foundation and superstructure, that is, consumption is the new ideology [Ivanov 2001: 13]. Modern capitalist societies develop technologies to organize the process of consumption, such as shopping malls, which are called the "new means of consumption" (in comparison to the Marxian "new means of production"). Consumption as ideology achieved a certain prominence and was linked with the process of virtualization, or the dominance of images. Ivanov distinguishes between "modern" and "postmodern" consumers. "Modern" consumers live in social reality, and they perceive it as "given" and "real". The modern consumer's behavior is shaped by his status. On the contrary, the "postmodern" consumer is buried in virtual reality and easily uses brands and images to create (multiple) identities.

Ivanov's ideas and the critical approach flourish in his book *Glam-capitalism* (2008) in which he acknowledges the Frankfurt school's ideas, but also states that he is ready to use a post-critical approach to consumption by eliminating the search for a revolutionary subject or for forms of resistance to commodification and alienation inherent in Marxism ([Ivanov 2008]; see also: [Ivanov2011: 23]). Ivanov poses an original "general theory of glamour," asserting that glamour has become not only "an aesthetic and cultural logic" but also "the rationality of current capitalism" which aims to convert glamour into capital [Ivanov 2011: 48]. In a later article Ivanov states that the logic of glamour overtakes the logic of virtualization: overproduction of images, symbols, and virtual money result in ultimately catchy yet simple (glamorous) images that are easily converted into capital [Ivanov 2011: 47].

According to the *constructionist approach*, developed by Vladimir Il'in among others, the sociology of consumption is closely connected to the study of culture. This sociological approach also supposes analysis of social inequality [Il'in 2008: 9]. Hence, by merging together culture and inequality one can get a concept of identity, which an active agent constructs by means of consumption. Consumption, thus, is not only the process of satisfying one's needs, but a "social and cultural process implying an exchange of signs and symbols" in the context of identity formation [Il'in 1998].

This approach was first articulated in Il'in's book *Consumer Behavior (Povedenie potrebiteley)* published in 1998 and was further developed in a subsequent book *Consumption as Discourse (Potreblenie kak diskurs)* [Il'in 2008]. Il'in theorizes consumption as a creative process, rooted in social structure, that gives the individual both resources and rules for constructing an identity [Il'in 2008: 9]. Il'in calls this an "*action-constructionist approach*" (*deyatel'nostno-konstruktivistskiy podkhod*), so named because it supposes that the individual is actively involved in constructing his or her identity in relation to his or her own social characteristics and in the process of everyday life.

In *Consumption as Discourse* Il'in extends the approach and explores the current culture of consumption in Russia [Il'in 2008: 21]. He suggests that modern Russia is striving to become a consumer society. Citing Bauman and Baudrillard, he defines consumer society as a society in which the key activity is individual consumption mediated by the capitalist consumer market. Hence, such a society requires from its members that they play the role of consumers. Il'in reconstructs the changes in everyday life occurring in Russia as it moves toward becoming a consumer society. He considers such phenomena as shopping, tourism, fashion, advertising from the point of view of transformation, structure and function. He names globalization, localization, (and "glocalization"), Americanization, and McDonaldization as some of the processes that one can observe in contemporary Russia. Another book by Il'in, *The Everyday Life of Youth in a Russian Megalopolis (Byt i bytie molodezhi rossiyskogo megapolisa)* [Il'in 2007], explains how the nascent consumer society affects various spheres of life among the youth in Russia: their professional strategies, private and public life.

Valeriy Golofast has studied material goods using the socio-cultural approach. He introduced the idea of analyzing the history of material goods from the point of view of modernization [Golofast 2000]. According to Golofast, material goods can be studied in the context of three historic periods having three distinct "regimes" of relationships between the individual and the good. The first regime is dictated by scarcity; a material good represents collective value. Soviet society is an example of this regime. Next, attitudes toward goods became more contextual; goods were perceived as helpers or partners in social interactions, a functional component of daily routine, and their replacement became regular. Important in this regard is the fact that goods were becoming plentiful and had begun to serve all sorts of private needs, not just primarily collective ones, as was experienced in the first regime. Russian society at the beginning of the 21st century is an example of the second regime. During the third regime, consumption was reevaluated; overconsumption started to be perceived as a destructive force that should be tamed. The characteristics of this new approach towards goods include a critical attitude toward a level of consumption seen as excessive, discipline, modesty, green consumption, care

for personal health, prudence and altruism towards the sick, poor and weak. Russian society after the financial crisis of 2008 and modern Western European societies are the examples of this regime.

The socio-cultural approach towards goods in Soviet and post-Soviet culture is described in a book edited by Olga Echevskaya *People and Goods in Soviet and post-Soviet Culture (Ludi i veshchi v sovetskoy i postsovetskoy kul'ture)* [Echevskaya 2005]. The authors of the book study peculiarities of the dominant discourse on goods, semiotics of Soviet and post-Soviet goods, normative and actual models of attitudes towards goods during the Soviet period as well as peculiarities of the way of life in modern Russia.

Galina Orlova suggests that discourse analysis should be applied when looking at consumer practices related to goods in Soviet times. In one of her articles on Soviet material goods, Orlova investigates various manipulations whereby goods are adjusted to human needs and refers to them as “little tricks” of a Soviet person [Orlova 2004]. The function of used goods in modern culture is analyzed by Olga Brednikova and Zoya Kutaf'eva who pay special attention to a particular context, namely, a flea market [Brednikova, Kutaf'eva 2004]. Rostislav Kononenko, in his article on antique and retro-cars, notes that the main function of these goods lies in the peculiarities of an old thing [to maintain a link between generations, for instance] rather than in such qualities as comfort or up-to-datedness [Kononenko 2009].

The socio-cultural approach to consumption studies is generally being developed in the *Journal of Sociology and Social Anthropology (Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii)*, although certainly not exclusively here. Editors Vladimir Kozlovskiy and Vladimir Il'in prepared a special issue *Consumer Society: Social and Cultural Foundations*⁷ (*Obshchestvo potrebleniya: sotsial'nye i kul'turnye osnovaniya*) and are currently working on another special issue. Generally speaking, the research themes being addressed with the socio-cultural approach include: consumer society as a concept [Ivanov 2011; Kozlovskiy 2011]; Soviet and post-Soviet consumption practices [Echevskaya 2005]; the analysis of new retail formats [Ryzhova 2003; Zhelnina 2008; 2010; Mikhaylova, Gurova 2009; Novozhilova 2011]; consumption practices of the middle class [Gladarev, Tsinman 2009; Shpakovskaya 2009; Gurova 2012], the poor [Echevskaya 2011], the elderly [Elutina 2009], children [Novozhilova 2011] and other social groups such as migrants [Gurova 2013] or those who have chosen downshifting as their life strategy [Lisova 2008]. Consumption culture is explored in research on brands [Tarasov 2004; Zhudova 2007], on glossy magazine discourse [Lollo 2011]. Fashion is analyzed in works of Gofman [1994], Yatina [1998], Il'in [2007; 2008] and Gurova [2008]. The socio-cultural approach has been long developed via the regular conference organized by Il'in *Consumption as Communication (Potreblenie kak kommunikatsiya)* held annually at Saint-Petersburg State University.

As detailed above, although institutionalization of the sociology of consumption as a research field accelerated during the 1990s, its roots can be traced in social research on consumption dating back to the first decades of the 20th century. Analysis of both the formation and development of this field allows one to evaluate how the social processes were studied by scholars: how the themes of research were changing (from research on the mode of consumption to research on social structure, market and other phenomena linked to the culture of consumption); how the research methodology was developing (from calculations of statistical data on consumption to shaping theories and concepts on consumption); which approach dominated during a particular period (contrary to popular opinion, Soviet research on consumption was not limited to the structural functionalist approach and nowadays there is pluralism within two major approaches); which methods were applied (from statistical methods, quantitative surveys and typology models to interviewing and observations).

2. Sociology of consumption as a course within university degree programs

In this section, the sociology of consumption is approached as a course within a university degree program. In 2008 Roman Abramov and Marina Yumanova explored the structure of degree programs in sociology in

⁷ See: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2011, vol. XIV, no 5.

universities across Russia. Depending on the frequency of their appearance, they distinguished three groups of courses. The first group, “core courses” (*yadro*), was taught in 50–80% of the universities in Russia. Of the 21 core courses, the most frequent among them were Sociology of Culture (73%) and Research Methods in Sociology (82%). The second group was called “semi-peripheral” (*poluperiferiya*) and included 32 courses. The third group was the most numerous and embraced 141 individual courses taught in 1–15% universities. The third group was called the “frontier courses” (*frontirnye distsipliny*). As Abramov and Yumanova pointed out, “the frontier courses create the unique face of sociological education at each university, reflecting the professional interests of the faculty and the traditions existing there” [Abramov, Yumanova 2008: 85]. According to this research, Sociology of Consumption belongs to this last group of so-called frontier courses.

That the course Sociology of Consumption holds such a position in the degree program does not imply by any means that we should neglect it. First of all, one feature of the research conducted by Abramov and Yumanova needs to be taken into account: it was based on the educational standards of the previous (“second”) generation. According to these standards, the Ministry of Education prescribed 26 courses to the undergraduate degree program in Sociology. Sociology of Consumption was not among these courses, although it could be offered and taken as an elective. The standards implemented by the following generation, the “third” generation, approved recently, have compulsory and elective components. Sociology of Consumption may be taken as an elective course for credit towards a degree in Sociology with concentration on Economic Sociology (see below).

2.1. Sociology of consumption in curricula of the “third generation”

In 2011–2012 universities in Russia embarked on implementing the third generation of the Federal State Educational standards of higher education (*Federal'nyy Gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart*)⁸. According to these standards, the B.A. curriculum in sociology includes three cycles⁹: 1) humanitarian, social and economic cycle; 2) mathematical and natural-science cycle, and 3) professional cycle. The professional cycle is directed at preparing people for a professional career in sociology itself. It consists of two parts: required and elective courses. Required courses include such courses as Introduction to Sociology, History of Sociology, Contemporary Sociological Theory, Economic Sociology, Political Sociology, Social Psychology, Sociology of Governance and Methodology and Methods of Sociological Research. All other courses, including Sociology of Consumption, are elective courses. The degree programs may contain so-called “profiles” (similar to programs of concentration) such as Economic Sociology or Applied Methods of Sociological Research. The profiles comprise courses which combine several related disciplines. For example, the profile in Economic Sociology may include such courses as Economic Sociology-2, Informal Economics, Socio-economic Behavior of Households, Sociology of Financial Behavior, and Sociology of Consumption.

This two-fold structure creates a hierarchy of courses. The list of required courses illustrates a symbolic battle between various actors in the field of sociology. Apart from sociological theory and methods, there are four courses in the core of sociological curriculum: Economic Sociology, Sociology of Governance, Political Sociology and Social Psychology. The list reflects the interests of particular actors who participated in the formation of the new generation standards. Sociology of Consumption, nevertheless, gained its place in the third generation standards, which could enhance its institutionalization as a discipline in the university curriculum for sociology.

⁸ By “third generation standards” is meant the national educational standards for higher education in place since 2009. These standards have different purposes in comparison to the standards of the second generation. The third generation standards are aimed at formation of competences, whereas the second generation standards were aimed at formation of general knowledge and skills.

⁹ See: Federal State Educational Standard in Sociology (040100, qualification — BA in Sociology) 2010, pp. 10–11. Available at: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm230-1.pdf (accessed on 26 February 2014).

2.2. How the sociology of consumption appears in university curricula

This part of the article is based on the expert interviews that were conducted. As experts concurred, courses relating to the sociology of consumption started appearing in university curricula in a big way in Russia at the beginning of the 2000s. The typical “biography” of this discipline under the old state standards was the following: it was taught under different names¹⁰ for several reasons. For example, due to demand for a course related to consumption, the professor taught principles of the sociology of consumption, but gave the course a title from the curriculum that was available. One of the experts told how he began teaching a course on consumption in 1997 under the name *Consumer Behavior (Povedenie potrebiteley)* to students in marketing. However, since he himself identified as a sociologist, he modified content of the course according to his own — sociological — approach:

I became interested in the sociology of consumption in the mid-1990s, when I was invited to teach the course Consumer Behavior. I agreed (to teach) because I just had won a fellowship and was going to spend time in the U.S. While there, I began to delve into this topic deeply <...> from the point of view of consumer behavior. Since 1997 I have taught the course Consumer Behavior <...>. And because I am a sociologist, I added a sociological perspective to marketing (3¹¹, prof., SPbSU).

Courses in the sociology of consumption were taught under different names also for administrative reasons. Since courses are assigned to chairs in Russia, if the course is assigned to one chair, but the expert on consumption works for another chair, it is not easy for him or her to be assigned to teach this course. One of the experts talks about such a situation: the expert started working at a university and proposed a course entitled Sociology of Consumption, but this proposal was rejected because this course was assigned to a different chair:

When I came here <...>, I immediately offered my course Sociology of Consumption. My proposal was denied because this course was assigned to a different chair... So, my course under this title didn't work. Since I worked at the chair of sociology of culture, I proposed (another course entitled) Cultures of Consumption. Talking about titles of disciplines, they were not rooted in my vision of the discipline, but in administrative circumstances. There is a curriculum and I have to fit in. Later, when I published my book, I began teaching Sociology of Consumption at the M.A. level (3, prof., SPbSU).

In the case described above, the Sociology of Consumption eventually changed its assignment from one chair to another. As one of the experts explains, this shift was also justified by the inner logic of the disciplines:

Sociology of consumption was a discipline assigned to the chair of management and planning, now assigned to the chair of sociology of culture and communication. And I would pay attention to this shift. It reflects the evolution of consumer practices and approaches to them. It is not just an economic phenomenon any longer, but cultural and communicative. And now many courses such as Sociology of Consumption, Sociology of Advertising are assigned to this chair (4, prof., SPbSU).

Third, if the sociology of consumption was already being taught at a university, consumption scholars there may suggest other courses in this field as electives under various titles. At the Higher School of Economics in Saint-Petersburg there was an attempt to create a module in the sociology of consumption consisting of several courses at different levels: from the introductory course *Sociology of Consumption* to the practical-oriented

¹⁰ In Russia, the courses prescribed to degree programs by the Ministry have fixed names. Electives have more variety and flexibility as the names can be given by course's author.

¹¹ See list of experts in Appendix 2.

course *Cultures of Consumption (Kul'tury potrebleniya)* and the advanced course *Theories and Methods of Consumer Research (Teorii i metody izucheniya potrebitel'skogo povedeniya)* at the M.A. level. Two courses were ascribed to the chair of sociology whereas the third course was assigned to the chair of methods and technologies of sociological research. One of the experts talks about the Cultures of Consumption course and what happened to it:

The first time, I taught it to senior 5th year students. And they were people educated in all areas [of sociology]. They already had taken Sociology of Consumption. I thought, it could be Sociology of Consumption-2 and I gave them many texts in English, very difficult ones, about localization and various national cultures of consumption. <...> I thought, during the Sociology of Consumption course they had already learned their own culture, and now they can take a look beyond. And it went well. Students read those difficult articles. <...> But then an administrative difficulty arose. The fifth year was eliminated (the “specialist” degree program used to last 5 years, but the fifth year was cancelled due to the transition to a B.A. (4 years) + M.A. (2 years) system — O.G.). Now we don't have it. And my course transformed into an elective for second, third and fourth year students, i.e., the students are at completely different levels. <...> And I had to quickly adjust the course (6, senior lecturer, NRU HSE, SPb).

As for a typical scheme for the course to be included in the curriculum, first, it can be added as an elective (*fakul'tativ or spetskurs*). Scholars describe how this works at Novosibirsk State University at the department of sociology: first, a course is discussed as a prospective elective course at a chair meeting. Then they allow it to be taught for the first time as an elective (*fakul'tativ*), and afterwards they solicit feedback on the course from the students. The feedback is discussed at the chair meeting and then, if approved, the course is added to the degree program and schedule as a special course (*spetskurs*). After a period of time on the schedule as a special course, it might be added to the curriculum as a core course. This is the scheme that was in effect under the educational standard of the second generation.

A course could also arise from a workshop, as one expert explains:

I was approached with a request to organize a workshop at the center for skill conversion (tsentr perepodgotovki). I confirmed by submitting a proposal. They were interested, but at the end it didn't work out for financial reasons. I transformed this workshop into a special course (spetskurs). <...> Because it was an elective, it was relatively easy (to add to the schedule) in the faculty of sociology. In this sense, they are liberal (4, prof., SPbSU).

2.3. Courses and syllabi

Access to lists of courses, course descriptions and syllabi at Russian universities is a serious challenge nowadays. At some universities, instructors are obliged to upload information about their courses on the Internet. Unfortunately, not all Russian universities follow this policy, which creates serious problems with access to information about how sociology programs are structured at a particular campus. As for syllabi, direct requests to instructors are rarely answered. First, the researchers are concerned about protecting their intellectual property and their work being properly cited. Second, sometimes scholars are reluctant to share their syllabus online since it is preliminary and expected to be modified during the term as it is being taught. Finally, drafting the syllabus and getting it approved by the head of the chair or department and by other responsible authorities is a complicated and bureaucratic procedure with numerous nuances. For this reason, instructors often do not draft any syllabus at all, which they admit in their interviews.

Fifteen syllabi are examined in this article (See Appendix 1 for the list of course titles analyzed). When searching and selecting the materials, special attention was paid to the course description, since any search based on the course title alone might have been misleading. That is, the course named “Consumer Behavior” might originate in either the sociology or the marketing disciplines. Course programs and syllabi as such could be a captivating subject for research; in this article, however, I will present only some general conclusions from my analysis of the syllabi in the sociology of consumption.

The courses selected for analysis are mostly targeted to undergraduates in Sociology, although there are also several within the Master’s degree programs.¹² The main purpose of the undergraduate courses offered is to familiarize students with concepts and theories on consumption as well as with empirical research in this field. Simultaneously, students should study methodology and learn methods for analyzing consumption. The purpose of the Master’s degree courses is more in-depth: for instance, to show the interconnection between the concepts of consumption and general sociological concepts and to develop creative skills (both oral and writing) for a better understanding of the culture of consumption. The syllabi of the courses relating to the sociology of consumption usually cover the following topics: consumption as a subject of research; peculiarities of the sociological approach to consumption in comparison to other disciplines; key theories and theoretical approaches to the sociology of consumption; macro-characteristics of consumer society; consumer culture; consumption, social structure and identity; and, finally, consumption in various spheres, such as food or clothing.

All in all, while the syllabi usually feature comparisons of approaches to consumption between economics, psychology and marketing, they rarely touch on cultural studies, even though this perspective provides plentiful insight into the sociology of consumption. Moreover, the theoretical basis of the courses is usually focused on classical concepts developed by Marx, Veblen, Bourdieu and Baudrillard. Notably absent is the history of consumption studies in Soviet and post-Soviet Russia. Similarly, the development of the discipline in different countries is overlooked. Thirdly, very few courses contain the practical component necessary for developing the skills needed to do applied research. Fourthly, the courses rarely draw on literature written in foreign languages. On the positive side, the content of the course syllabi is rather diverse and in some cases features a strong methodological component. However, the majority of the courses on the sociology of consumption are based on the textbooks by Roshchina and Il’in and, thus, the instructors are leading the discipline towards relative standardization.

2.4. Methods of teaching

New or emerging courses push scholars to use innovative teaching methods. In their interviews, experts emphasized a shift from the traditional “lecture plus seminar” scheme towards more interactive formats of teaching. This new interactive approach supposes that an instructor not only transmits knowledge but also acts as a mediator and facilitator in the process of acquiring and formation of competencies, as it is prescribed by the new national standards.

Ideally, courses on consumption impart the skills and knowledge needed to do applied research. Therefore, students are often given the tasks of developing a research program and carrying out a research project as a part of course work. Such a practical assignment forces the students to apply various research methods to obtain data, for example, by observation or interviews. The instructor can also assign creative tasks during the course, for example, to make and use video or photographs as tools of analysis. All in all, the teaching process has become rather flexible in terms of methods.

---

¹² See the list of course programs in Appendix 1.

Scholars aimed at increasing their online visibility widely use the Internet as a platform to not only upload course materials but also to communicate with students. For example, Vladimr Il'in maintains a website containing an extensive amount of material on the sociology of consumption (<http://www.consumers.narod.ru/>). Another website, *Sotsiologicheskie progulki* (Sociological Walks, <http://www.urban-club.ru/>), is maintained by the sociologist Anna Zhelnina and contains a reading list, visual materials, course syllabi, links and announcements. Some scholars use social networks, for example, sociologist Dmitrii Ivanov launched a group for the students in the Russian social network Vkontakte.ru called “glam-capitalism +” (<http://vkontakte.ru/feed#/club390698>). The group contains slides from lectures and various visual materials.

In general, experts welcome interactive methods of teaching but sometimes with certain hesitation. Experts criticize interactive methods, with its elements of entertainment, for converting students into passive consumers. In fact, the experts add, it is necessary for both parties — instructors and students — to be involved in a mutual process of teaching and learning.

3. Sociology of consumption as an academic community

In addition to a body of literature and a university subject, the sociology of consumption implies that there is a group of scholars who may (or may not) identify themselves as members of an academic community. Drawing on the interviews with experts, in this part of the article I will discuss the characteristics of such a community related to studies of consumption, namely, identity and the sense of belonging. I will also touch on some of the major dilemmas that the sociology of consumption currently faces, according to opinions of members of the community.

3.1. Academic identity

Three types of academic identities among the experts who took part in the research could be distinguished: 1) scholars who identify themselves with sociology of consumption as such; 2) scholars who have multiple identities and identify themselves with several subfields in sociology, and 3) scholars, who identify themselves with another branch of sociology but still do research on consumption.

The identity of the first type is presented in the following interviewee's words:

(F)or me now <...> consumption is the main focus [of research], while stratification and other related things, such as power and the like, take second place (7, assistant prof., NSU).

Formation of identity is considered as a process by this expert, it can be developed and changed over time:

First, I didn't study consumption “officially”, I studied social stratification. Social stratification and social status. And I saw consumption as a derivative of social inequality and, in fact, as its mirror. <...> Later, while I was working on my thesis, it was already clear (to me) that it was not social stratification but a different, yet neighboring, field (7, assistant prof., NSU).

This expert became involved in the sociology of consumption in the late 1990s when the discipline started to take off in Russia.

The second type of identity, the multiple identity, is presented in the following quotation:

I cannot say that I work in the field of consumption only. It's a kind of “urban mix”... Urban studies and this (consumption) run like a golden thread throughout everything I do. That is, I don't have

project purely devoted to consumption only, but every piece of my research has something about it (6, senior lecturer, NRU HSU, SPb).

When a scholar's main area does not belong to the sociology of consumption, this type of identity is presented in the third case:

Talking about sociology of consumption, I cannot say it's my prime area of specialization, because, first and foremost, I specialize in the sociology of professions, partly in the sociology of higher education and contemporary sociological theory (2, assistant prof., NRU HSE, Moscow).

In general, the experts recognize their impact in the field and mention several neighboring subfields intersecting with the sociology of consumption. Among these disciplines are social stratification and inequality, sociology of communication, sociology of culture and cultural studies, urban sociology, sociology of everyday life. In general, the variety of identities reflects perfectly the interdisciplinary character of consumption studies in today's sociology and of academic research in Russia generally.

3.2. *The sense of belonging to community of scholars of consumption*

Academic identity implies a sense of belonging to a particular community, for example, a community of scholars adhering to a particular subfield or school of thought. The question is whether such a community exists and how unified it is.

Summarizing the expert opinions on this question, the conclusion would be that such a community does exist; however, it is in a relatively early stage of formation. The community is also not cohesive; rather, it embraces independent scholars and experts in the field of consumption and at so-called "growing points" at different universities across Russia:

In Russia, the sociology of consumption as a discipline does exist, and there is a community of people, who work in this field, write articles and participate in conferences. Recently more interesting works have started to appear. <...> The level of conferences is not very high yet, but it has been growing, especially during the past two years. <...> Thus, the community is emerging, you can already see its contours (3, prof., SPbSU).

Besides Moscow and Saint-Petersburg other cities, such as Novosibirsk, Saratov, and Yekaterinburg were mentioned as "growing points" in the study of consumption. Nevertheless, full-fledged research centers or institutions or even research groups hardly exist anywhere. Rather, there are individuals in these cities and across the country at different universities who contribute to the field with the work they do.

Despite the existence of favorable conditions at certain universities, these universities still act as "growing points" only. For example, at Saint-Petersburg State University at least three scholars conduct research and teach courses in the field of consumption:

There are three people working on this topic in our faculty (3, professor, SPbSU).

There are separate authors, scholars, who made an impact. But they work independently from each other. [But] we work for the same faculty, so we communicate (5, assistant prof., SPbSU).

Scholars talk about the various forms of interaction they have with each other — they write joint reviews of students' theses, participate in conferences, team-teach joint courses but still conduct their research work

independently of each other. These three scholars, mentioned in the interviews, all belong to different chairs of the same university. As for other forms of collaboration between scholars located in different cities and institutions across Russia, they do exist, but are not highly intensive. One of the main reasons why consolidation of the community of scholars has not happened is the absence of a “charismatic leader” or a “strong promoter” of the discipline. Many scholars believe that development of the discipline fully depends on such force:

For a new discipline, I think, a strong promoter is needed, as it was for economic sociology back then. <...> It [economic sociology] wouldn't have been developed [to such extent] without Radaev and Volkov. This was a project with strong promoters. The same is needed for the sociology of consumption (2, assistant prof., NRU HSE, Moscow).

Comparison with a more successful subfield — economic sociology — and its leader Vadim Radaev often comes up in interviews:

Radaev is such a charismatic (person). A strong person who gathered around himself a kind of school. There is no one like him anywhere (6, senior lecturer, NRU HSE, SPb).

Currently, Vladimir Il'in is acknowledged by experts as a leader, but despite sufficient organizational, publication and other activities, he himself blames the lack of administrative effort that would be required to form a real community.

3.3. The key dilemmas of the sociology of consumption

A substantial part of the experts' interviews was devoted to current key dilemmas of the sociology of consumption.

Dilemma 1: interdisciplinarity

One of the dilemmas is embraced in the question of whether sociology of consumption should be a clearly sociological or an interdisciplinary course. On the one hand, the university curriculum constructs it as a sociological course that fits into a degree program following the educational standards in sociology. The sociology of consumption was not included in the standards of the second generation and because of that there was no official standard for it. Despite the ambivalent attitude to the standards, experts affirm that national standards enhance the institutionalization of the subfield in Russia. According to the new standards of the so-called third generation, the sociology of consumption could be included in a profile on Economic Sociology and this can help its institutionalization.

Some scholars can design their course as sociological and, at the same time, can be vague as to its purpose:

For me, it's a sociological course with the main question of what are the meanings of people's everyday lives. <...> For me, consumption is an instrument for exploring the essential questions, such as how to construct one's identity; how to tell oneself and others who you are. For me, it's a field with very a strong touch of philosophy (3, prof., SPbSU).

Other scholars see it as an interdisciplinary course since it relies on a question-oriented approach:

I believe everything should be interdisciplinary. I like the idea of “umbrella subjects”. Urban Studies, Consumption Studies — these are examples (6, senior lecturer, NRU HSE, SPb).

Despite the existence of the national standards, Russian instructors have a certain degree of freedom to develop their courses as they see fit, and they do prefer to exercise this freedom. They do not face any serious resistance when they tailor the syllabus, because the content of the course is the sole responsibility of the instructor who teaches it, and the head of the chair can turn a blind eye to the details of the course's syllabus. Therefore, the instructor can follow the latest developments in the research field and adjust his or her syllabus accordingly:

From the point of view of the university, it has to be a certain way. You are at the faculty of sociology; therefore you should behave properly. But I don't know... I don't think that anyone cares about this. At least, nobody picked on me because I added cultural and historical components to my course. Interdisciplinary teaching is better for people because they can see how to look at the topic from different perspectives, and they don't have this narrow view that we are sociologist and that's why we should do it only this way (6, senior lecturer, NRU HSE, SPb).

Third, scholars can design the sociology of consumption as an interdisciplinary course due to market demands. The market needs expert knowledge and a client will not care whether research is sociological or if it extends beyond this particular discipline:

It is forced to exist as an interdisciplinary field. In fact, the target audience does not need sociology. They need expert knowledge on consumption consisting of such components as sociological, marketing, managerial, psychological (knowledge). The sociology of consumption as such wouldn't be effective because it has certain limits. It's aimed at maintaining boundaries as a branch of sociology. <...> I see good perspectives for [an interdisciplinary course of] Consumption Studies (4, prof. SPbSU).

Dilemma 2: academic versus marketing research

At least three branches of the sociology of consumption can be identified: the academic branch, the non-academic (business) branch, and the analytical (research) branch. Each branch has its own target audience, which affects its content.

At universities, the target group for the sociology of consumption comprises scholars and students:

Academic research is usually a terra incognita that eventually stops being incognita. It's movement toward new spheres. In general, it creates and promotes new meanings (2, assistant prof., NRU HSE, deputy head of chair, Moscow).

In general, scholars do not see the academic discipline and the research field as estranged from the applied work conducted by marketing companies and think tanks. Rather, they widely use their experience, no matter its derivation, in their applied and consulting work.

In business, the client is interested in applied research of target audiences and current issues. In this case, the sociology of consumption has to draw on marketing concepts of consumer behavior:

I had to become familiar with the marketing concepts of consumer behavior. But we understand that they overlap with the sociology of consumption. For marketing companies, the most important things are the specific tasks and questions posed by the client. There is no opportunity to spend much time on research. There is neither the time, nor the resources, both financial or organizational, to develop in-depth and complex projects that go beyond a particular client's task (2, assistant prof., deputy head of chair, NRU HSE, Moscow).

Experts also emphasize that it is a mistake to think that marketing research is theory-free. Quite the opposite, this type of research uses theory, but rather as a source of inspiration for ideas or new techniques. In this sense, marketing research overlaps with the sociology of consumption in academia. Marketing research, as a form of applied research, also requires meticulous attention to methodology.

At think tanks, such as FOM (*Fond Obshchestvennoe Mnenie*) or the Levada Center, the approach lies between the academy and business, and the target audience can be either corporate clients interested in consumer market research or government officials or even the academy itself:

On the one hand, FOM focuses on pragmatic targets and practical objectives and on academic objectives as well. They positioned themselves as a strong think-tank, an intellectual think-tank for long time. And in this sense it has to produce new meanings. At FOM we apply concepts from the sociology of consumption, social stratification and sociology of innovations, take ideas from them, and use the resources of this huge think tank to get qualitative and quantitative data (2, assistant prof., deputy head of chair, NRU HSE, Moscow).

Dilemma 3: international versus local

In their interviews, experts discussed the main characteristics of the interactions between the local and the global community of the sociology of consumption. On the level of theories and concepts, the younger researchers express better connection with international sociology: they use theories and concepts and are aware of contemporary methodologies and methods. The older generation operate in much the same way, and they can also be aware of international trends, but due to their senior status and experience, they prefer to develop their own original concepts.

On the level of international interaction, scholars attend and present at international conferences. They also teach joint courses with international colleagues; however, such courses are organized in Russia, not abroad, and the international scholars are the ones who are invited. Among the invited scholars were mentioned the American sociologist George Ritzer, the British sociologist John Urry, and the American cultural theorist Stewart Ewan. Russian sociologists rarely serve as keynote speakers at major international events, but as participants they are welcomed. Despite the fact that western sociologist still serve as the main contributors in terms of ideas and findings, this situation has been gradually changing recently.

While not exactly well-connected to international sociology, scholars acknowledge that they also do not see the continuity of their research with the Soviet sociology:

From the Soviet sociology I personally took nothing (3, prof., SPbSU).

Honestly, I don't see any connection [with the Soviet sociology] because, it seems to me, I am not educated enough in the field of Soviet sociology (6, senior lecturer, NRU HSE, SPb).

To a certain extent, the lack of a connection to the Soviet sociology stems from the relative novelty of the discipline and lack of long-term legacy in Russia. Up to now, there is still no substantial review of the history of the Soviet sociology of consumption that would improve continuity in this field.

International grants and fellowships have played an important role in the collaboration between Russia and the West, especially in the 1990s and at the beginning of the 2000s. As one of the experts said, he would not be the same sociologist today, had he not received international fellowships and grants.

4. The problems of institutionalization: discussion

The question of institutionalization of the subfield is controversial. As mentioned at the beginning of the article, sociology is peculiar for its sensitivity towards social processes and its ability to easily absorb new phenomena as subjects for research. As Abbot points out about sociology, “once such an area makes a claim for sociological attention, the discipline doesn’t have any intellectually effective way of denying that claim” [Abbot 2001: 5]. Therefore, experts have mixed feelings about the necessity for institutionalization of sociology of consumption as a subfield.

For example, there is an opinion, widely held, that up-to-date content is more important than the formal institutionalization; therefore there is no point in multiplying branches within sociology:

I don't really think there is a need to fight for institutionalization, for establishing organizational structures. It is more important to have substantial development of the content [of the discipline]. In a separate way or converging with other [fields]. <...> There are many branches of sociology that have been launched by now, and it is easier to become the “head” of a new branch just by adding “-ology” to something. There is nothing wrong with that. But I just do not pay attention to all these new “-ologies”. Many of them arose and then disappeared (1, prof., NRU HSE, Moscow).

Another opinion is that the sociology of consumption is a work-in-progress. The future fate of such branches that are not fully formed is not clear; many of them do fade away before they become institutionalized. In that sense, the sociology of consumption has good perspectives to fully develop because it is supported not only by the academy but also by market demand:

We see this weird situation where branches of sociology very quickly appear and then instantly disappear. In this case, the sociology of consumption will survive as applied market studies. It's good to connect a discipline to certain pragmatic knowledge that can be easily sold on the market. From this point of view, the sociology of consumption is more capable of survival than, for example, the sociology of professions (2, prof., deputy head of chair, NRU HSE, Moscow).

At the same time, the sociology of consumption is bound to compete with marketing, which is a difficult challenge because marketing is further developed in terms of applied research.

At this stage, the sociology of consumption in Russia has its peculiarities. One of them is that the discipline is quite individualized, and its development depends on the activity of individuals rather than institutional actors. The emergence of skilled research teams focused on consumption studies would be the next step of the discipline’s development.

Conclusions

This article focused on the process by which the sociology of consumption may become institutionalized in Russia. In this context, the sociology of consumption is understood as a research field, a body of literature, a university-level subject within an undergraduate or advanced degree program, and an academic community. The sociological literature on consumption was reviewed with the following questions in mind: How are approaches to the study of consumption changing? What are the questions being posed and what are the methods being used by sociologists in this endeavor? The path that the sociology of consumption has taken to become a university subject within the approved curricula was discussed. In addition, the article reviewed how a scientific community of consumption scholars came about, namely, how the members of this community

express their identity, what they generally think about the subfield, and, finally, how they see the current state of the subfield and its future.

Several observations were made in this article. The origins of consumption study in Russia were reviewed, followed by a discussion of the rise of the research field during the Soviet era. The evolution of the sociology of consumption in post-Soviet Russia was traced. One possible outcome of the historical review presented in the article is that it might motivate other researchers to pay closer attention to various aspects of the Russian tradition of consumption research, which while disrupted during the Stalinist regime, has historical roots that are a century old.

Next, the article reviewed the position of the subfield as a subject in the university curricula. Emerging in university curricula at the end of 1990s, the sociology of consumption currently occupies a stable position within the sociology degree programs at Russian universities. Until recently the subfield had vaguely-defined standards which, on one hand, hindered institutionalization. On the other hand, the absence of defined standards allowed instructors space for creativity, in particular for applying personal research interests, specialized knowledge and current trends. Interviews revealed that syllabi could be quickly adapted to accommodate social changes and new developments in the research. Third, interview data showed a strong conviction that the presence of a strong leader and united scientific community might contribute to developing the subfield. Presently there are only diffused “growing points” spread throughout the country where certain consumption scholars play a particularly key role in advancing the sociology of consumption.

The growth potential for the sociology of consumption lies in its further development, not only as a theoretical discipline, but also as an applied one. It is necessary to keep in mind, though, that it might be difficult to find a way to apply the socio-cultural approach practically. The subfield is also in stiff competition with marketing which has sharper methodological tools for carrying out applied research.

Perhaps it is sufficient to ask: “What is the point of studying the process of institutionalization for *any* new field? And, although there are many phenomena in modern society that require explanation, is it really helpful to constantly come up with new subdisciplines?” This is a reasonable point of view. However, institutionalization allows for both gaining prominence and expertise within a particular field of study and, most importantly, ensures its own further development and reproduction through achieving a legitimate position in the system of higher education. Hence, it does make sense to reflect upon and try to comprehend the process of institutionalization. This review, as such, could be regarded as another step forward in the institutionalization of the sociology of consumption in Russia.

Appendix 1

List of course programs

1. Alekseycheva A. N. (year not available) *Sociology of Consumption*. Ivanovo State Energy University. Available at: http://library.ispu.ru:8889/search?b_start:int=39&Subject:list=%D0%A3%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D1%8F (accessed on 28 February 2014).
2. Echevskaya O. G. (2001) *Consumer Behavior Studies*. Novosibirsk State University. Available at: <http://consumption.narod.ru/course.html> (accessed on 12 December 2013).
3. Zhavoronkov A. V. (2011) *Sociology of Consumption*. Amur State University. Available at: http://portal.amursu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4316:---04010062-&catid=359&Itemid=167&lang=en (accessed on 12 December 2013).
4. Zhelnina A. A. (2013/2014) *Cultures of Consumption*. National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg. Available at: <http://www.hse.ru/edu/courses/88347025.html> (accessed on 12 December 2013).
5. Il'in V. I. (2004) *Sociology of Consumption*. St. Petersburg State University. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/19285987/> (accessed on 12 December 2013).
6. Kincharova A. V. (2010) *Consumption Theories and Methods of Consumer Research*. National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg. Available at: <http://uchebana5.ru/cont/1031368.html> (accessed on 12 December 2013).
7. Lavrova A. G. (2006) *Sociology of Consumption*. South Ural State University. Available at: www.sociol.susu.ac.ru/files/38.doc (accessed on 12 December 2013).
8. Markeeva A. V. (2013) *Sociology and Social Psychology of Consumption*. Moscow State University. Available at: <http://www.socio.msu.ru/documents/main/chairs/c/Bach/1/4-9.pdf> (accessed on 28 February 2014).
9. Noskova A. V. (2012) *Sociology of Consumption*. Moscow State Institute of International Relations. Available at: http://www.mgimo.ru/files/16154/sociology_consumption.pdf (accessed on 28 February 2014).
10. Pasovets Y. M. (year not available) *Sociology of Consumption*. Kursk State University. Available at: http://www.google.fi/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=21&cad=rja&ved=0CCgQFjAAOBQ&url=http%3A%2F%2Fkursku.ru%2Fpdf%2Foop2011%2Fbakalavr%2F040100.62_annotation.doc&ei=J5YQU9SYNqau4ATMhYHACg&usq=AFQjCNFMkizsuc7QrVWBo0Foar87lnnfGA&bvm=bv.61965928,bs.1,d.bGQ (p. 143–145) (accessed on 28 February 2014).
11. Pokrovskiy N. E. (2011) *Social Patterns of Consumption*. National Research University Higher School of Economics, Moscow. Available at: http://www.hse.ru/data/2013/07/08/1289091126/%D0%A1%D0%9E%D0%A6.%D0%9F%D0%90%D0%A2%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%AB%20%D0%9F%D0%9E%D0%A2%D0%A0%D0%95%D0%91%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF_%D0%9F%D0%9E%D0%9A%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99_%D0%98%D0%9B%D0%AC%D0%98%D0%9D_2011.pdf (accessed on 12 December 2013).

12. Rakitnykh M. B. (2008) *Sociology of Consumption*. Kemerovo State University. Available at: <http://www.pandia.ru/text/78/008/71515.php> (accessed on 12 December 2013).
13. Roshchina Y. M. (2004) *Sociology of Consumption*. National Research University Higher School of Economics, Moscow. Available at: http://www.ecsoc.ru/images/pub_ecsoc/2004/11/02/0000011931/Roschina.pdf (accessed on 12 December 2013).
14. Trushina V. A. (2005) *Sociology of Consumption*. Izhevsk State Technical University. Available at: http://www.google.fi/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&cad=rja&ved=0CDEQFjAB&url=http%3A%2F%2Fold.istu.ru%2Ffiles%2Fmaterial-static%2F677%2F7_SociologiyaPotrebleniya.doc&ei=c4sQU832Kael4ATMwoDoDA&usg=AFQjCNGy_90TU0-1AbovChhep8aRIq4pCg&bvm=bv.61965928,bs.1,d.bGQ (accessed on 28 February 2014).
15. Shpakovskaya L. L. (2013/2014) *Sociology of Consumption*. National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg. Available at: <http://www.hse.ru/edu/courses/95620916.html> (accessed on 12 December 2013).

Appendix 2

List of interviewees

№	Affiliation	Position
1	National Research University Higher School of Economics, Moscow	Professor
2	National Research University Higher School of Economics, Moscow	Assistant professor, deputy head of chair
3	St. Petersburg State University	Professor
4	St. Petersburg State University	Professor
5	St. Petersburg State University	Assistant professor
6	National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg	Senior lecturer
7	Novosibirsk State University	Assistant professor, deputy dean
8	Novosibirsk State University	Assistant professor, head of chair

References

- Abbott A. (2001) *Chaos of Disciplines*, Chicago: Chicago University Press.
- Abramov R., Yumanova M. (2008) Sostav uchebnykh planov i struktura sotsiologicheskogo obrazovaniya v Rossii: opyt empiricheskogo issledovaniya [A University Curriculum Content and the Structure of Sociological Education in Russia: An Empirical Research]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no 2, pp. 81–94 (in Russian).
- Anokhina L., Shmeleva M. (1977) *Byt gorodskogo naseleniya sredney polosy RSFSR v proshlom i nastoyashchem* [Everyday Life of the Urban Population in Moderate Climate Zones of RSFSR Then-And-Now], Moscow: Nauka (in Russian).
- Bobkov I. (1985) Sfera uslug kak ob'ekt gradostroitel'nogo planirovaniya [Service Industry as an Object of Urban Planning]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 84–90.

- Boronev A. (2008) Sotsiologicheskie issledovaniya v Leningrade — Sankt-Peterburge (1960–1990-e gody) [Sociological Research in Leningrad — Saint-Petersburg (1960–90s)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 64–69 (in Russian).
- Brednikova O., Kutaf'eva Z. (2004) Staraya veshch' kak personazh bloshinogo rynka [Used Thing as a Personage of a Flea Market]. *Neprokosnovennyi zapas*, vol. 2, no 34. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/bred11.html> (accessed on 2 March 2014) (in Russian).
- Byzov L. (2000) Uroven' potrebleniya i imushchestvennye kharakteristiki srednego klassa [Standard of Consumption and Property Characteristics of the Middle Class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 42–48 (in Russian).
- Davydova N., Sedova N. (2004) Material'no-imushchestvennye kharakterisitiki i kachestvo zhizni bogatykh i bednykh [Material and Property Characteristics and Quality of Life of the Rich and the Poor]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 40–50 (in Russian).
- Demidov A. (1998) Sotsiokul'turnye stili v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope [Socio-Cultural Styles in Central and Eastern Europe]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 16–28 (in Russian).
- Doktorov B., Kozlova L. (2009) “Teleskop” smotrit v proshloe. Beseda ob izuchenii istorii sovremennoy rossiyskoy sotsiologii [“Telescope” Sees the Past. Discussing Studies in History of Contemporary Russian Sociology]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, vol.1, pp. 2–15 (in Russian).
- Dukarevich E. (2001) Potrebitel'skoe povedenie v usloviyakh defitsita [Consumption Behavior during the Shortage Period]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 65–68 (in Russian).
- Echevskaya O. (ed.) (2005) *Ludi i veshchi v sovetskoy i postsovetskoy kul'ture (sbornik statey)* [People and Goods in Soviet and post-Soviet Culture (Collection of Articles)], Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).
- Echevskaya O. (2011) Sotsial'noe neravenstvo i bednost' v praktikakh povsednevnogo potrebleniya [Social Inequality and Poverty in Everyday Consumption Practices]. *Ekonomika. Voprosy shkol'nogo ekonomicheskogo obrazovaniya*, no 4, pp. 3–11 (in Russian).
- Elutina M. (2009) Pozhilie ludi i starye veshchi v povsednevnoy zhizni [Elderly People and Used Goods in Daily Life]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 101–109 (in Russian).
- Firsov B. (2000) Kak sozdavalsya kurs po istorii sovetskoy sotsiologii 50–60-kh godov (rasskaz v dokumentakh) [How a Course on History of Soviet Sociology in the 1950–60s was Created (A Story Based on Documents)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. III, no 2, pp. 154–169 (in Russian).
- Firsov B. (2001) Istoriya sovetskoy sotsiologii 1950–1980-kh godov: Kurs lektsiy [History of Soviet Sociology in the 1950s — 1980s: A Lecture Course]. Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge (in Russian).
- Gladarev B., Tsinman Zh. (2009) Dom, shkola, vrachi i muzey: potrebitel'skie praktiki srednego klassa [Home, School, Doctors and Museums: Consumption Practices of the Middle Class]. *Novyy byt v sovremennoy Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti* [New Way of Life in Contemporary Russia: Gender

- Research on Daily Life] (eds. E. Zdravomyslova, A. Rotkirkh, A. Temkina), Saint-Petersburg: European University at St. Petersburg Press, pp. 189–221 (in Russian).
- Glotov M. (2010) Nachalo institutsionalizatsii sotsiologii v Rossii [The Beginning of the Institutionalization of Sociology in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 127–133 (in Russian).
- Gofman A. (1980) Tsennosti v strukture mody [Values in the Structure of Fashion]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 59–64 (in Russian).
- Gofman A. (1994) *Moda i ludi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and People. New Theory of Fashion and Fashion Behavior], Moscow: Nauka (in Russian).
- Golofast V. (2000) Ludi i veshchi [People and Things]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, no 1–2, pp. 58–66 (in Russian).
- Goloshchapov I. (1981) O nekotorykh sotsial'nykh aspektakh obsluzhivaniya gorodskogo naseleniya predpriyatiyami trgovli [On Certain Social Aspects of Retail Services for Urban Population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 146–148 (in Russian).
- Gorban' E. (2013) Obzor sotsiologicheskikh teoriy i interpretatsiya ponyatiya "stil' zhizni": ot klassovogo obshchestva do postmoderna [Review of Sociological Theories and Interpretation of "Way Of Life" Notion: From Class Society to Postmodernism]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 14, no 3, pp. 133–144. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2013/08/14/1291342150/ecsoc_t14_n3.pdf#page=133 (accessed on 2 March 2014) (in Russian).
- Grushin B., Chikin V. (1961) *Litso pokoleniya* [Face of a Generation], Moscow: Pravda (in Russian).
- Grushin B., Chikin V. (1962) *Ispoved' pokoleniya* [Confession of a Generation], Moscow: Pravda (in Russian).
- Grushin B., Chikin V. (2001) *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yeltsina v 4-kh knigakh. Zhizn' 1-ya "Epokha Khrushcheva"* [Four Lives in the Mirror of Public Opinion. Essays on Russians' Public Consciousness in the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 Volumes. Life one "The Times of Khrushchev"], Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).
- Gurova O. (2008) Fast Fashion: bystro sshit', bystro prodats', bystro vybrosit'. Kontseptsiya mody i potrebleniye veshchey v sovremennom rossiyskom obshchestve [Fast Fashion: Quickly Sewed, Quickly Sold, Quickly Thrown Away. The Concept of Fashion and Clothes Consumption in Contemporary Russian Society]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 9, no 5, pp. 56–67. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204979/november%20volume%202008_final.pdf#page=56 (accessed on 2 March 2014) (in Russian).
- Gurova O. (2012) Pochemu peterburzhtsy otpravlyautsya za pokupkami v Finlyandiyu? Issledovanie transgranichnogo shoppinga [Why do Dwellers of St. Petersburg Shop in Finland? Research on Cross-Border Shopping]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 1, pp. 18–37. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255784835/ecsoc_t13_n1.pdf#page=18 (accessed on 2 March 2014) (in Russian).

- Gurova O. (2013) "Vyglyadet' po-russki: sotsial'nye kharakteristiki i potreblenie odezhdy rossiyskimi migrantami v Finlyandii ["Looking Russian": Social Characteristics and Clothing Consumption by Russian Migrants in Finland]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 14, no 2, pp. 17–41. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2013/04/05/1294839705/ecsoc_t14_n2.pdf#page=17 (accessed on 2 March 2014) (in Russian).
- Guzanova A. (1989) U myasnogo prilavka [At the Butcher's]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 74–77 (in Russian).
- Il'in V. (2008) *Potreblenie kak diskurs* [Consumption as Discourse], Saint-Petersburg: Intersotsis (in Russian).
- Il'in V. (1998) *Povedenie potrebiteley* [Consumer Behavior], Syktyvkar: Syktyvkar State University (in Russian).
- Il'in V. (2007) *Byt i bytie molodezhi rossiyskogo megapolisa* [The Everyday Life of Youth in a Russian Megalopolis], Saint-Petersburg: Intersotsis (in Russian).
- Ivanov D. (2001) Fenomen potrebleniya: kriticheskiy podkhod [The Phenomenon of Consumption: A Critical Approach]. *Sotsiologiya potrebleniya* [Sociology of Consumption] (eds. L. Volchkova, J. Gronow, V. Minina), Saint-Petersburg: Saint Petersburg State University, pp. 10–24 (in Russian).
- Ivanov D. (2008) *Glem-kapitalizm* [Glam-Capitalism], Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Ivanov D. (2011) Glamurniy kapitalizm: logika "sverkhnovoy" ekonomiki [Glamorous Capitalism: The Logics of "Late Modern" Economy]. *Voprosy ekonomiki*, no 7, pp. 44–61 (in Russian).
- Johnson R. (2001) Chto zhe takoe kul'turnye issledovaniya? [What is Cultural Studies Anyway?] *Logos*, no 1, pp. 80–135 (in Russian).
- Kotel'nikova Z. (2009) Osobennosti razvitiya roznicnikh setey i torgovykh formatov v prodovol'stvennom sektore rossiyskoy torgovli v 2000-kh godakh (regional'nyy aspekt) [Peculiarities in Retail Chains and Retail Formats Development of the Food Industry in Russia during 2000s (Regional Approach)]. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya*, vol. 18, no 3, pp. 151–172 (in Russian).
- Kotel'nikova Z. (2008) Tovar s chuzhim litsom, ili Pochemu pravoobladateli torgovykh marok popystitel'stvuyut kontrafaktu? [Goods with Alien Faces or Why do Trademarks' Right Holders Turn a Blind Eye to Counterfeit Goods?]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 9, no 4, pp. 30–48. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205034/ecsoc_t9_n4.pdf#page=30 (accessed on 2 March 2014).
- Kozlovskiy V. (2011) Obshchestvo potrebleniya i tsivilizatsionnyy poryadok sovremennosti [Consumer Society and Civilization Order of Modernity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. XIV, no. 5, pp. 55–65 (in Russian).
- Lisova E. (2008) Daunshifting: stratifikatsionnye efekty [Downshifting: The Effects of Stratification]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 9, no 2, pp. 56–65. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204941/ecsoc_t9_n2.pdf#page=56 (accessed on 2 March 2014) (in Russian).
- Lollo A. (2011) Diskurs glyantsevogo zhurnala: sotsiokommunikativnye aspekty [Discourse of Glossy Magazine: Sociocultural Aspects]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 12, no 4, pp. 73–92. Available at:

http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259553409/ecsoc_t12_n4.pdf#page=73 (accessed on 2 March 2014) (in Russian).

Mikhaylova O., Gurova O. (2009) Potrebitel' v molle: mezhdru svobodoy vybora i prostranstvennyimi ogranicheniyami [A Consumer in a Shopping Mall: Between Freedom of Choice and Restrictions of Space]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, no 1, pp. 5–25 (in Russian).

Mironov B. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Russian Social History during the Empire (XVIII — Early XX Century): Genesis of Personality, Democratic Family, Civil Society and Rule-of-Law State], vol. 1, 2, Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).

Narodnoe blagosostoyanie: tendentsii i perspektivy (Taganrog II) (1988) [People's Welfare: Tendencies and Perspectives (Taganrog II)], Moscow: Nauka (in Russian).

Narodnoe blagosostoyanie: tendentsii i perspektivy (1991) [People's Welfare: Tendencies and Perspectives], Moscow: Nauka (in Russian).

Novozhilova M. (2011) Potrebitel'skoe povedenie detey v Internete [Childrens' Consumer Behavior in the Internet]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 12, no 1, pp. 81–103. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259551850/ecsoc_t12_n1.pdf#page=81 (accessed on 2 March 2014) (in Russian).

Ovsyannikov A. (1987) Ratsionalizatsiya potrebleniya: tipologicheskiy podkhod [Rationalization of Consumption: Typological Approach]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 65–70 (in Russian).

Pashkov A. (ed.) (1988) *Obraz zhizni naseleniya krupnogo goroda: opyt kompleksnogo sotsial'nogo issledovaniya* [Urban Way of Life: Evidence from a Complex Social Study], Leningrad: LGU (in Russian).

Petrov L. (1974) *Moda kak obshchestvennoe yavlenie (analiz v sotsial'no-kommunikativnom aspekte)* [Fashion as a Social Phenomenon (Analysis Based on Socio-Communicative Aspect)], Leningrad: Znanie (in Russian).

Protasenko T. (1985) Osnovnye kharakteristiki material'nogo blagosostoyaniya (opyt vyborochnogo issledovaniya) [Main Characteristics of Material Well-Being (Case of Sampling Study)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 101–110 (in Russian).

Radaev V. (2005) Sotsiologiya potrebleniya: osnovnye podkhody [Sociology of Consumption: Major Approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 5–18 (in Russian).

Radaev V., Kotel'nikova Z., Markin M. (2009) *Razvitie rossiyskogo riteyla: mery gosudarstvennogo regulirovaniya i ikh posledstviya (zakon o torgovle v zerkale issledovaniy). Analitika LESI* [The Development of Russian Retailing: State Policy Measures and Their Consequences (Trade Law Analysis in Research). Analytics of LSES], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Rimashevskaya N., Levkova L. (1978) O metodakh vyyavleniya ustoychivyykh tipov potrebleniya [On Methods for Uncovering Stable Consumer Typologies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 133–142 (in Russian).

- Roshchina Y. (2007a) *Differentsiatsiya stiley zhizni v pole dosuga* [Differentiation of Lifestyles of Russians in the Domain of Leisure]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 8, no 4, pp. 23–42. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204942/ecsoc_t8_n4.pdf#page=23 (accessed on 2 March 2014) (in Russian).
- Roshchina Y. (2007b) *Sotsiologiya potrebleniya. Uchebnoe posobie* [Sociology of Consumption. A Textbook], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Roshchina Y., Martynenko P. (2014) *Struktura potrebleniya alkogolya kak indikator sotsial'noy gruppy v sovremennykh rossiyskikh gorodakh* [Structure of Alcohol Consumption as Indicator of Social Group in Today's Russian Cities]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 15, no. 1, pp. 20–42. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2014/02/01/1328851429/ecsoc_t15_n1.pdf#page=20 (accessed on 2 March 2014) (in Russian).
- Rukavishnikova T., Sapozhnikov A., Khazova L. (1990) *Moskovskiy pokupatel'* [A Moscow Buyer]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 97–101 (in Russian).
- Ryvkina R. (1979) *Obraz zhizni sel'skogo naseleniya: metodologiya, metodika i rezul'taty izucheniya sotsial'no-ekonomicheskikh aspektov zhiznedeyatel'nosti* [Rural Way of Life: Methodology, Methods and Results of Research on Socio-Economic Aspects of Daily Living], Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Ryzhova N. (2003) *Transgranichnyy rynek v Blagoveshchenske: formirovanie novoy real'nosti delovymi setyami "chelnokov"* [Transborder Market in the City of Blagoveshchensk: New Reality Formation through Business Networking of "Shuttle-Traders"]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 4, no 5, pp. 54–71. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204955/ecsoc_t4_n5.pdf#page=54 (accessed on 2 March 2014) (in Russian).
- Shlyapentokh V. (2006) *Problemy kachestva sotsiologicheskoy informatsii: dostovernost', reprezentativnost', prognosticheskiy potentsial* [Quality Problems in Sociological Information: Accuracy, Representativeness and Expectation-driven Potential], Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya (in Russian).
- Shpakovskaya L. (2009) *Moy dom — moya krepost'*. *Obustroistvo zhil'ya novogo srednego klassa* [My Home is My Castle. Home Arrangements of New Middle Class]. *Novyy byt sovremennoy Rossii: gendernyye issledovaniya povsednevnosti* [New Way of Life in Contemporary Russia: Gender Studies of Everyday Life] (eds. E. Zdravomyslova, A. Rotkirkh, A. Temkina), Saint-Petersburg: European University at St. Petersburg Press, pp. 222–261 (in Russian).
- Sidorov V., Smirnov G. (1990) *Tovarnyy defitsit i ego kriminogennyye posledstviya* [The Shortage of Goods and Its Criminal Consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 101–106 (in Russian).
- Symonovich Ch. (2009) *Otechestvennaya sotsiologiya za polveka (zainteresovanny vzglyad izvne)* [National Sociology during Half a Century (Observations by an Interested Outsider)]. *Teleskop*, no 3, pp. 16–23 (in Russian).
- Tarasov A. (2004) *Ne mir, no brend. Vospriyatie brend-agressii provintsial'noy molodezh'yu v Rossii* [No Peace, but Brand. The Perception of Brand-wars of Youth in a Small-Town in Russia]. *Neprikosnovennyy zapas*, vol 2, no 34. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Tar_NeMir.php (accessed 12 December 2013).
- Titma M., Sildmäe T. (1979) *Faktory formirovaniya domashney predmetnoy sredy* [The Factors of Formation for Domestic Environment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 108–115 (in Russian).

Travin I. (1979) *Material'no-veshchnaya sreda i sotsialisticheskiy obraz zhizni* [Material Environment and Socialist Way of Life], Leningrad: Nauka (in Russian).

Uroven' zhizni naseleniya promyshlennogo tsentra i sotsial'nye problemy blagosostoyaniya (Taganrog I) (1971) [Living Standards in an Industrial Regional Centre and Social Problems], Moscow: Nauka (in Russian).

Yatina L. (1998) *Moda glazami sotsiologa: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya* [Fashion in the Eyes of a Sociologist: The Results of Empirical Research]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 1, no 2, pp. 120–131 (in Russian).

Zdravomyslov A. (2007) *K voprosu o periodizatsii sotsiologii v Rossii* [On the Question of Periodization of Sociology in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. X, no 3, pp. 38–51 (in Russian).

Zhel'nina A. (2010) *Sotsiokulturnoe znachenie prostranstv potrebleniya v postsovetskom gorode (na primere torgovykh tsentrov S-Peterburga)* [Sociocultural Meaning of Consumption Space in a Post-Soviet City (Case of St. Petersburg Case)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no 2, pp. 330–336. Available at: <http://publications.hse.ru/en/articles/72432544> (accessed on 12 December 2013) (in Russian).

Zhel'nina A. (2008) *Metamorfozy praktiki roznichnoy trgovli v rossiyskom megapolise kak zerkalo postsotsialisticheskikh transformatsiy* [Metamorphoses of Retail Practises in Russian Megapolis as a Reflection of Postsocialist Transformations]. *Landshavty: Optiki gorodskikh issledovaniy* [Landscapes: The Optics of Urban Studies], Vilnius: European Humanities University, pp. 148–169 (in Russian).

Zhilina L., Frolova N. (1969) *Problemy potrebleniya i vospitanie lichnosti* [Problems of Consumption and Personality Development], Moscow: Publishing House "Mysl" (in Russian).

Zhludova O. (2007) *Brend kak mekhanizm sotsial'noy regulyatsii v massovoy kul'ture* [Brand as a Social Regulation Mechanism in Mass Culture]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 10, no 1, pp. 38–59 (in Russian).

Received: March 12, 2014

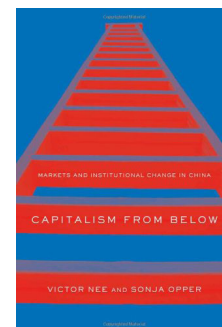
Citation: Gurova O. (2014) Institutionalization of the Sociology of Consumption in Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 76–106.

NEW BOOKS

Alexander Kurakin

Explaining Economic Growth in China: Testing Sociological Tools for Validity

Book Review: Nee V., Opper S. (2012) *Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

KURAKIN, Alexander Alexandrovich —

Lecturer, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russian Federation.

Email: akurakin@hse.ru

Today it makes little sense to ask why social scholars would be interested in China's economy insofar as the answer is obvious. The growth rate of the Chinese economy and the duration of its growth period are stunning. It is likely that in the near future China will outrun the US in terms of GDP and will become the largest economy in the world. Moreover, China has made huge progress in GDP per capita. But this is not the only reason to be interested in China. Notably, the communist party is still in power there, and by the standards of Western democracies, China remains an authoritarian state. Taken together, these characteristics form a paradox: How could communists produce such huge economic growth? The recent history of socialist countries seems to show that this is impossible. Although the Soviet Union sometimes demonstrated rapid growth, it could not sustain the pace in the long run. In the Chinese case, we face a more fundamental phenomenon than just the mobilization of a country to achieve vital objectives (usually with high costs).

“Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China” by Victor Nee and Sonja Opper suggests the answer to this question [Nee, Opper 2012].

Keywords: capitalism; economic growth; state; entrepreneurship; institutions; China; new institutionalism.

Theoretical controversy

The general target of Nee and Opper's criticism is the state-centered approach to economic development, according to which the state is the key actor in economic development because it establishes the institutions that promote economic growth. From this perspective, China is no exception, as the central government and local administrations are considered to be the engines of market transformation. China's economic miracle is thereby perceived as the outcome of efforts by the state to build the necessary institutions.

The authors argue that this model is not entirely relevant to the Chinese case. While they do not deny the role of the state completely, Nee and Opper emphasize that the key factor behind China's economic growth is not the state, but rather a bottom-up development grounded in social norms and networks. “Our argument is that the bottom-up construction of endogenous economic institutions has

causal priority over state-mandated rules and policies in explaining the rise of China's private enterprise economy" (p. 16).

The authors claim that China demonstrates the reverse logic of economic development: at first, economic actors at the micro-level forged efficient informal institutions (based on social norms) and only after these informal institutions emerged did the state adjust to this newly created market economy and change the formal rules. Moreover, very often the state tried to slow down the development of private business, despite the fact that it was the state that initiated economic reform. At the first stage of the reform, the Chinese central government perceived the private sector only as a supplement to the socialist economy and hence sought to restrict it to playing a peripheral role. Private firms were tolerated, rather than supported; only small household firms were openly encouraged.

The government began formal registration of private firms with more than seven employees beginning in 1988, i. e., ten years after the first economic reforms were launched. By then, the private sector already made up a sizeable part of the Chinese economy, which is to say that, from the very beginning, it developed in confrontation with the formal rules. Not only that, private firms suffered from predatory taxes and insecure property rights, including the danger of expropriation by local government. It was not until 2007 that the Chinese Property Rights Law, extending equal rights to the private sector, was enacted.

Yet, official acknowledgement of the private sector did not lead to state support of it. Indeed, the Chinese state favored collective socialist enterprises and discriminated against private firms. For example, 443 different approvals were required to register a private firm in the period from 1988 to 2007 [Yang 2004]. The highest tax rate for collective enterprises was 55%, while for private firms it was 86%. Unlike collective enterprises, private firms had no access to start-up capital from the state. Private firms were discriminated against with respect to export licenses, access to production material and skilled workers. They were the object of various production quotas and restrictions. Quite often, private firms were perceived by local governments as cash cows. The state extensively protected collective enterprises from competition by the private sector. In sum, the market economy in China had to evolve in quite a hostile environment. Nevertheless, a very efficient market economy emerged in China.

Nee and Opper claim that a state-centered approach that argues that economic development is forged by favorable formal rules implemented by the state cannot be applied to the Chinese case. "Despite the absence of formal rules safeguarding property rights of the capitalist enterprise, the emergence and diffusion of cooperation norms at the micro level enabled entrepreneurs to commit to a private enterprise economy and allowed them to survive outside the state-owned manufacturing system" (p. 9). The authors argue that Chinese economic growth rests on the bottom-up activity of market actors who use social tools to enhance efficiency, namely informal institutions emerging from existing social norms and dense networks. "Informal economic arrangements enabling, motivating, and guiding start-up firms provided the institutional foundations of China's emergent capitalist economic order" (p. 8). But how was this possible? What mechanisms made this bottom-up activity so fruitful? It is insufficient just to name informal institutions, social norms and networks. The book is about discovering those mechanisms.

Research focus and theoretical assumptions

What were the problems that needed to be resolved by start-up firms to achieve success in such uneasy circumstances? The authors list them as: a lack of economic institutions to protect economic transactions, collective action problems, weak property rights, and competition with government-owned firms that benefited from most-favored treatment in the state's industrial policy (p. 8). The authors present the challenges in economic terms, but give a sociological response to them.

Nee and Opper introduce a theory of endogenous emergence of institutions as a theoretical framework. They propose a multilevel causal model of institutional change which combines three levels: macro-level of state structures, meso-level of firm networks and market organizational fields, and micro-level of actors.

The nature of institutions is described as follows: “We define institutions as systems of interrelated informal and formal elements — customs, conventions, norms, beliefs, and rules — governing social relationships within which actors pursue and fix the limits of legitimate interests” (p. 17–18). The authors borrow Thomas Schelling’s model as the core explanatory tool for the study and interpret it sociologically [Schelling 1978]. In this way, the book addresses both economists and sociologists. At this juncture, we recall the interview that Victor Nee recently gave to our journal, in which he mentioned several times the importance of doing work that earns recognition outside of one’s own professional community (*Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 15, no 2, pp. 144–153; vol. 15, no 3, pp. 169–178). The very composition of the book suggests that his own research meets this challenge.

Empirical data

The authors rely on various evidence to support their premise of the ambiguous role of the Chinese state in economic transformation. The book is based on two surveys, taken in 2006 and 2009. The project is still in progress and for more detailed information we refer to the web-page of the book and project¹. Here we just mention that the empirical data were obtained using a seven-city sample in three provinces of the Yangzi delta region. The region was chosen by design, as it is considered to be a center of entrepreneurial capitalism in China, allowing the authors to regard it as a kind of a natural laboratory.

The research combines quantitative data and informal interviews. Two stages of the quantitative survey (in 2006 and 2009) yielded more than 700 questionnaires from private firms. Panel data were collected, making it possible to trace any changes in respondent’s answers. As expected, some of the respondents at the first stage did not participate in the second stage, but the authors managed to keep the majority of the panel. In addition, during 2005–2011 the authors collected 111 face-to-face interviews with entrepreneurs, officials, and researchers. Taken together, the book is complete with not only statistics, but with vivid life stories as well.

Mechanisms of bottom-up economic growth

The book seeks to reveal mechanisms applied by Chinese entrepreneurs to build from the bottom-up institutions that enabled efficient economic performance.

How did firms obtain initial capital, overcome insecurity of property rights, and learn the art of running a business? The authors reveal the following major mechanisms which helped to solve those problems: personalized exchange, mutual dependence, information sharing, the key role of reputation, mutual monitoring and community sanctions. The newly created private firms gained legitimacy through mimicking already existing organizational forms sanctioned by the state. A number of other mechanisms for fixing particular problems (for instance, getting access to credit or skilled labor) are described as well. Those rules were forged through a process of trial and error. Many pioneers quickly failed, but they tried again and were followed by others.

Informal rules cannot emerge from nowhere, they need dense social networks. In China rules creation takes place in industrial clusters, which provide far more than just reduction in transportation costs and easy access to human capital and information. “The spatial proximity in cluster locations provides fertile ground for the

---

¹ See: <http://www.capitalism-from-below.com/> (accessed on 22 September 2014).

social processes necessary for the bottom-up development of business norms sustaining trust and cooperation... Personalized exchange and multiplex business relations provide the social glue, strengthening norm compliance and promoting cooperative forms of conflict resolution within robust networks” (p. 160). Spatial proximity of actors in industrial clusters fosters the emergence of appropriate rules. Effective norms are created in close-knit business communities. Those clusters help to establish a common identity, local knowledge, trust and norms of cooperation. This leads to the establishment of sustainable supply chains, access to distribution networks, and entry to domestic as well as global markets.

The diffusion of cooperation norms arise from social learning (i. e. following the example of one’s relatives and friends), learning on the job, and mutual assistance and cooperation (even among potential competitors, as the norm not to compete with your friends exists). At some point, it becomes a self-reinforcing process: the more actors follow the norms, the more influential the norms are.

Taken by itself, this story provides no grand theoretical insights. “Because you can only cheat once” — these words of a respondent are used several times in the book and they hark back to James Coleman’s (and many others) social capital concept and his study of Jewish diamond merchants in New York City [Coleman 1988]. However, as Nee underscored in the interview mentioned above, robust findings that have external validity are more important than an original and sophisticated theory in the form of an orienting framework. The authors undoubtedly managed to produce robust findings.

We forego a detailed description of the mechanisms briefly mentioned above, and instead continue with an overview of how the book has been received until now.

Reviews of the book

What has been the effect of “Capitalism from Below”? In his 2013 interview with our journal, Prof. Nee only mentioned the early feedback because the book had just recently come out. The book has since captured the attention of the wider social scientific community and has been reviewed by a number of eminent scholars. All reviewers highly appreciated the book; we discuss here the more critical feedback in order to reveal the polemics on the controversial issues and we omit reviews that focus on retelling the main ideas of Nee and Opper’s book (see [Gohmann 2013; Xuebing, Hui 2013]). As one could easily guess, the main point of contention is the role of the state in the Chinese economic miracle.

One of the first reviews of the book was written by Doug Guthrie, an expert on China. A substantial part of his review is devoted to Victor Nee and his interdisciplinary position in the social sciences. This position leads sociologists to view him as an adherent to the market-oriented approach and the invisible-hand concept. Yet, to economists, he appears an advocate of organizational theory in the style of John Meyer and Brian Rowan [Guthrie 2012]. Guthrie calls the book a “fabulous capstone” to the literature on the Chinese economy, although he does not completely agree with its conclusions. Guthrie argues that behind the economic incentives that stimulate the entrepreneurial creation of institutions lies a specific strategy of the state. According to Guthrie, state experiments at the local level are by no means less important than entrepreneurial innovations. Therefore, Guthrie finds it strange that the authors believe that one side of the coin (entrepreneurs) is more important than the other (state)

The book by China specialist Andrew Wedeman [Wedeman 2012] surprisingly correlates with Nee and Opper’s book. In “Double Paradox: Rapid Growth and Rising Corruption in China” Wedeman seeks to answer the question, how the economy and corruption could grow simultaneously. Conventional wisdom suggests that they are incompatible. But Wedeman argues that the example of China shows that economic growth under widespread corruption is possible. Despite Wedeman’s state-centered approach, the book shares common

ground with “Capitalism from Below” in that Wedeman, like Nee and Opper, poses a similar question, although his answers differ. While Wedeman focuses on the state, by assessing the efficiency of anticorruption campaigns and conceptualizing Chinese corruption as “transactive” rather than “degenerative”, Nee and Opper suggest that corruption has limited influence on the private sector, as it evolved relatively independently from the realm of state officials. The interconnection and contradiction between “Double Paradox” and “Capitalism from Below” are noticed by Andrew Nathan in his review for “Foreign Affairs” [Nathan 2012].

Wedeman himself reviewed “Capitalism from Below” [Wedeman 2013]. Generally he appreciated the book, especially the carefully collected empirical data and some results concerning certain business practices in the Chinese private sector. According to Wedeman, the main shortcoming of Nee and Opper’s book is the rosy picture it paints of the Chinese private sector. Wedeman argues that Nee and Opper portray Chinese entrepreneurs as upright, honest and hardworking which does not fully resemble his own view of Chinese business. He also criticized the authors for the book’s scant treatment of corruption.

Yin-wah Chu underscores that “Capitalism from Below” “will remain a key reference for a long time” [Chu 2013: 701]. However, she argues that the book lacks consideration of the broader sociocultural environment, including state actions and the global diffusion of capitalist practices. Chu notes that Chinese entrepreneurs “have hardly invented the capitalist institutions”, so Chinese institutional development cannot be described as an exclusively bottom-up movement [Chu 2013: 701]. Chu also suggests that more attention be paid to the artisanal and commercial traditions of the Yangzi delta. Chu argues that, taken together, those arguments could weaken the theory of endogenous institutional creation.

Neil Fligstein claims that “Victor Nee and Sonja Opper’s book has opened up an intriguing new version of China’s development story, one that is certain to be a subject of admiration and debate” [Fligstein 2013: 554]. He does, however, criticize the authors’ interpretation of the empirical data, noting that survey respondents are inclined to paint their actions in bright colors when they are talking about their own firms. Fligstein also draws our attention to other shortcomings of the book. For instance, he argues that the book lacks a detailed description of the concrete linkages between the state and markets. As a result, descriptions of Chinese industrial clusters often resemble stories from the literature about Silicon Valley. Finally, Fligstein expectedly points out that the role of the state in Chinese economic development is underestimated. If we recall how Fligstein links the rise of Silicon Valley with actions of the US government, his view on the socialist economy in China will become more or less clear [Fligstein 2005]. Visiting Yiwu City, described by Nee and Opper, Fligstein describes feeling the influence of the government almost everywhere in the city. According to Fligstein, it is an undisputable example of a developmental state in action.

Marshall Meyer cites the manufacturing crisis that struck China in 2010–2011 [Meyer 2013] as an anomaly that cannot be explained by the capitalism-from-below theoretical framework, and he draws several conclusions from this. First, exogenous factors cannot be excluded from bottom-up development. Second, bottom-up capitalism is resistant to governmental aid. Third, a loose coupling of the formal structure with real processes in the firm in order to gain legitimacy could have a negative effect in the long run.

Two reviews of Nee and Opper’s book appeared in one issue of the journal “Contemporary Sociology” alone. John Lie and Julia Chuang challenge the main thesis of the book, starting with the quite provocative title: “The Withering Away of the State in China?” [Lie, Chuang 2014]. The reviewers question the book’s broad claim that market and state are mutually exclusive channels of resource allocation in a society. In China it is more accurate to talk about hybrid public-private organizations than about pure images of a market or a state. Moreover, Lie and Chuang stress that Chinese entrepreneurs are embedded in global capitalism, which undermines the argument of exclusively endogenous economic growth. Finally, they, like Fligstein, point to the limitations of the survey data, as entrepreneurs tend to exaggerate their own role and to minimize the role

of the state. In this regard, the reviewers refer to the book by Yasheng Huang, who examined the same region as Nee and Opper but painted a very different picture [Huang 2008]. Lie and Chuang see the reason for that gap in the different empirical data: Huang's study is based on archival documents.

The other review in "Contemporary Sociology" was by Andrew Walder who criticizes Nee and Opper's statement that the entire literature on Chinese capitalist development stands on the position that economic growth is impossible without proper formal institutions [Walder 2014]. Unlike Nee and Opper, who characterize that literature as state-centered, Walder suggests tying it to political economy. This literature is not limited to the analysis of central state legislation but pays much attention to the actions of grassroots government officials who played an important role in the early stage of Chinese private sector development. Walder reminds that, along with bottom-up private firms, there are newly created top-down government-owned corporations in China. These giant firms are the successors of huge socialist enterprises, and Walder calls this sector "bureaucratic capitalism". Such corporations enjoy monopolistic or oligopolistic positions; they hold a substantial share of assets and employment; and finally, they do not compete with the private sector, as they occupy different product niches. (State corporations dominate in strategic sectors such as banking, mining, heavy industry, energy production, civil aviation, etc.)

The informal economy, China and Russia

Two more questions naturally arise from reading "Capitalism from Below". The first concerns the informal economy. The second (at least for Russian readers) regards parallels with the post-Soviet transition in Russia.

At first glance "Capitalism from Below" may seem a story of tensions or at least independent existence of formal and informal economies. Inefficient, corrupt state pushes potential entrepreneurs in the informal sector. Telling the story in that way makes it similar to Hernando de Soto's argument about his native Peru [Soto 2002]. Perhaps, it is the most widely known study of informal economy praising the agents of free market forces who are able to overcome all the barriers made by state. De Soto argues that hiding in the shadow economy result from lower transaction costs. Indeed, "Capitalism from Below" has some common ground with de Soto's "The Other Path".

Nee and Opper's story of China differs from De Soto's of Peru in two respects. First, the activity of the majority of Chinese private firms generally does not violate the existing laws. Without a doubt, it is very hard to expect that everybody will comply with the laws when those laws are clumsy and uncomfortable, but nothing like the "second economy" of the Soviet Union or the parallel informal sector of Peru emerged in China. While for De Soto informal activity means avoiding costly formal rules (taxes, licenses etc.), for Nee and Opper informal activity means, above all, creating the informal rules of the game. Moreover, in many cases, the informal rules are not in competition with the formal rules, as the latter are absent or apply only to the state sector.

Second, in "Capitalism from Below", the key role is played by social forces, while they are absent in De Soto's argument. The discourse about the role of social factors in informal economic activity has a long history. For instance, opposition to De Soto's approach, to some extent, caused Alejandro Portes to formulate his first paradox of the informal economy concerning social ties [Portes 1994]. "Capitalism from Below" supports Portes' argument.

Parallels with Russia are apparent as well. China, like Russia, experienced market transformation. In Russia it happened in the form of shock therapy while in China it took the form of light liberalization. And we see substantial difference in the outcome.

While generally not the intention of the early reforms, state capitalism, dominated by state corporations and huge enterprises, emerged as the economic model in Russia. Agrarian reform is a good example here. Large collective farms were meant to be transformed into numerous private family farms, whereby farmers were expected to become key actors in the agricultural sector, but to this day, the role of family farms remains minimal. Furthermore, recently we witness the emergence of huge, vertically-integrated agroholdings that act hand-in-glove with local authorities. Farming is just one sector where Russia failed to create any substantial bottom-up entrepreneurial movement.

Using Nee and Opper's logic, the Russian transition economy lacked those natural entrepreneurial clusters with a dense network structure and "proper" social norms. Nicole Biggart and Mauro Guillen use the example of Taiwan to draw attention to the extensive network structure of Chinese society and its importance for economic activity [Biggart, Guillen 1999]. They also argue that every society has its specific social structure and norms and therefore has an individual trajectory of economic development. "Capitalism from Below" provokes similar conclusions. According to its logic, the Chinese way does not suit Russia. Russia lacks a China-like social basis with its norms and networks. These features were largely missing at the outset of market reforms.

Finally, we offer one last note about the role of the state in the economy. Comparing China and Russia is very useful here. As previously mentioned, Nee and Opper deliberately do not place the state at the center of their analysis. They also leave aside the role of the state in law enforcement. Indeed, law enforcement is usually perceived as something to take for granted. But the Russian case contradicts that conventional wisdom. The newly emerged Russian state appeared weak, particularly when it failed in its role as regulator of the economy during the first transition years. This gave rise to criminal organizations that began making up their own rules of the game. Vadim Volkov calls this phenomenon "violent entrepreneurship" [Volkov 2002]. The Chinese government managed to keep the levers of regulation in its hands, and thus made it possible for entrepreneurs, not criminal organizations, to create informal economic institutions. Criminal groups in China were excluded from establishing rules of the game on the scale in which it happened in Russia during the 1990s.

References

- Biggart N. W., Guillen M. (1999) Developing Difference: Social Organization and the Rise of the Auto Industries of South Korea, Taiwan, Spain, and Argentina. *American Sociological Review*, vol. 64, no 5, pp. 722–747.
- Chu Y. (2013) Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China. *Journal of Asian Studies*, vol. 72, no 3, pp. 700–702.
- Coleman J. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, vol. 94 (Supplement), pp. 95–120.
- De Soto H. (2002 [1989]) *The Other Path: The Economic Answer to Terrorism*, New York: Basic Books.
- Fligstein N. (2005) States, Markets and Economic Growth. *The Economic Sociology of Capitalism* (eds. V. Nee, R. Swedberg), Princeton: Princeton University Press, pp. 119–143.
- Fligstein N. (2013) Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China. *American Journal of Sociology*, vol. 119, no 2, pp. 554–556.

- Gohmann S. F. (2013) Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China. *Public Choice*, vol. 156, no 3–4, pp. 753–755.
- Guthrie D. (2012) Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China. *China Quarterly*, vol. 212, pp. 1126–1127.
- Huang Y. (2008) *Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Lie J., Chuang J. (2014) The Withering Away of the State in China? *Contemporary Sociology – A Journal of Reviews*, vol. 43, no 1, pp. 37–39.
- Meyer M. W. (2013) Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China. *Administrative Science Quarterly*, vol. 58, no 2, pp. 300–303.
- Nathan A. J. (2012) Double Paradox: Rapid Growth and Rising Corruption in China; Capitalism From Below: Markets and Institutional Change in China. *Foreign Affairs*, vol. 91, no 6, pp. 188. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/138396/andrew-wedeman-victor-neesonja-opper/double-paradox-rapid-growth-and-rising-corruption-in-china> (accessed on 27 May 2014).
- Nee V., Opper S. (2012) *Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Portes A. (1994) The Informal Economy and Its Paradoxes. *The Handbook of Economic Sociology* (eds. N. Smelser, R. Swedberg), Princeton: Princeton University Press, pp. 426–449.
- Schelling T. (1978) *Micromotives and Macrobehavior*, New York: Norton.
- Volkov V. (2002) *Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism*, Ithaca: Cornell University Press.
- Walder A. G. (2014) Spontaneous Capitalism: An Entrepreneur-Centered Analysis of Market Transition. *Contemporary Sociology – A Journal of Reviews*, vol. 43, no 1, pp. 40–44.
- Wedeman A. (2013) Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China. *Perspectives on Politics*, vol. 11, no 1, pp. 275–276.
- Wedeman A. (2012) *Double Paradox: Rapid Growth and Rising Corruption in China*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Xuebing D., Hui Z. (2013) Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China. *Social Science Journal*, vol. 50, no 2, pp. 257–259.
- Yang D. L. (2004) *Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Received: September 8, 2014

Citation: Kurakin A. (2014) Explaining Economic Growth in China: Testing Sociological Tools for Validity. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 107–114.

CONFERENCES

Lili Di Puppo

The International Summer School on “The Role of Informality in Socio-Economic Transition Environments”

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, 30 June — 6 July, 2014

DI PUPPO, Lili — PhD,
Assistant Professor
of Sociology, National
Research University
Higher School of
Economics. Address:
20 Myasnitskaya str.,
Moscow 101000, Russian
Federation.

Email: ldipuppo@hse.ru

The International Summer School on “The Role of Informality in Socio-Economic Transition Environments”, organized by the National Research University Higher School of Economics (HSE) in cooperation with Freie Universität (FU) Berlin, was held from 30 June to 6 July, 2014 at the Moscow campus of HSE. The Summer School brought together 20 students from both of the sponsoring institutions, as well as from other European universities, around a rich programme of lectures given by HSE and FU Berlin faculty. The lectures covered various aspects of informality such as informal entrepreneurial activity, corruption in transition societies, informal political action and social networks, as well as methods for their study, ranging from ethnographic methods to lab experiments on police corruption. The students were organized into three working groups to study informality in more depth. Each working group focused on one of the following topics: corruption in (higher) education, informality in the labor market and violent pressure on businesses. The working groups met with experts at HSE Moscow research centers, and at the conclusion of the Summer School made a presentation of their findings. The Summer School shows how a rich research agenda can emerge from bringing together perspectives from Russia and Germany as well as other West European countries on the field of informality.

Keywords: informality; transition; modernity; interdisciplinarity; cross-cultural exchange; interplay of formal and informal institutions.

Introduction

The International Summer School “The Role of Informality in Socio-Economic Transition Environments”, organized by the National Research University Higher School of Economics in cooperation with the Freie Universität Berlin, brought together 20 M.A. and B.A. students from the disciplines of sociology, political science, economics, social anthropology, law, and history at the Moscow campus of HSE from 30 June to 6 July, 2014. This year’s participants comprised students from HSE, Freie Universität Berlin, Warsaw University, LUISS University in Rome and Magdeburg University.

The goal of the Summer School was to provide students with an understanding of the multifaceted role of informal institutions in transition socio-economic environments. The programme was composed of a series of lectures by HSE and

FU Berlin faculty and group work by participants that included meetings and exchanges with experts at HSE Moscow research centers. The lectures covered a wide range of topics linked to informality, such as informal entrepreneurial activity, corruption in transition societies, informal political action and social networks.

Furthermore, the Summer School provided a forum for discussing planned project of PhD college¹ on the interplay between formal and informal institutions, a joint initiative of Freie Universität Berlin and HSE.

Various approaches to the study of informality

The Summer School began with an introductory lecture by Prof. Katharina Bluhm from FU Berlin entitled “Informality and Modernity. The explanatory power of different conceptual frames”. Her talk emphasised the need to go beyond the common narrow understanding of informality that is often associated with negative phenomena such as corruption and clientelism, and which is seen primarily as a feature of the “East”. Prof. Bluhm suggested transcending the conventional East-West divide and proposed a more nuanced approach to informality that would not be limited to the idea of a “formal West” and an “informal East”. The central thesis of the lecture was that the existence of informal rules, norms and practices are themselves not an indicator of backwardness, but represent a universal phenomenon in modern societies, that is, they increase with the extension of formal regulation. The forms of their occurrence, societal relevance and relation to formal regulation are not accidental.

Various aspects of informality were highlighted in subsequent lectures. Assist. Prof. Di Puccio gave a lecture on corruption in transition societies and the extent to which transition offers a particular environment that could foster corruption. Prof. Segbers from FU Berlin proposed an interactive lecture that encouraged participants to reflect in small groups on the differences and similarities between formal and informal institutions in Russia and Germany. Participants also considered whether it was easier to alter formal or informal rules. Prof. Radaev and Assist. Prof. Kotelnikova both presented the results of an ongoing research project at the HSE Laboratory of Economic Sociology on moonshining and counterfeit alcohol in Russia. Prof. Radaev focused on the consumption and production of homemade alcohol, while Assist. Prof. Kotelnikova addressed the issue of consumption of counterfeit alcoholic beverages. Prof. Chepurenskiy highlighted the particularities of informal entrepreneurial activity in transition environments, pointing to the factors behind the emergence of this type of activity, as well as different actors and categories that characterise it. Prof. Andrei Yakovlev’s lecture also addressed the question of the business environment as he considered the issue of illegal violent pressure from state actors on businesses and how Russian businesses can engage in collective action against this type of pressure. Prof. Theodor Grigoriadis from FU Berlin addressed the issue of religion through a study on whether Orthodox norms matter for the provision of public goods in Russia. Finally, Jackie Kerr, junior fellow at the HSE Center for the Study of New Media and Society, gave a lecture on how the use of social media influences social political movements and activism, particularly in the former Soviet Union.

The participants were also introduced to various methods to study informality as a complex phenomenon whose empirical examination can present certain difficulties. Assist. Prof. Sarah Busse Spencer proposed applying ethnographic methods, in particular to study informal networks and social capital. She provided examples from her own field research on civic organisations in the Russian city of Novosibirsk, discussing the practice of “*chaepitie*” (“taking tea”) as a ritual food event with a long history in Russian culture. Assist. Prof. Rafal Mrowczynski gave a lecture with the title “Inside Plato’s Cave: Phenomena of Informality and the Potential of Narrative-Reconstructive Methods in Social Sciences”. He likened social-scientific data to “shadows on the wall” and presented the documentary method as the reconstruction of “patterns of frames of social orientation” based on the practical knowledge of research participants. He invited participants to give an interpretation of selected extracts of narrative interviews conducted with Russian lawyers to illustrate this approach to study-

---

¹ At the core of this FUB-HSE project is a joint PhD program focusing on Informality and Institutional Change. It will be an interdisciplinary program including professors and students in economics, sociology, political science and other social sciences.

ing informality. The methods section of the Summer School also included the presentation of an experimental approach to the study of police corruption created by Prof. Alexei Belianin and Prof. Leonid Kosals, with participants being invited to use the software developed for this experiment.

The students had the opportunity to apply the concepts and methods presented by working in groups with the task to study a certain thematic field, identify the key problems in this field and develop policy recommendations for the Russian government on how to address them. The three groups each focused on a separate topic: corruption in (higher) education, informality in the labor market and violent pressure on businesses. The groups' activities consisted of directed reading on the assigned theme, visits at Moscow research centers to meet with experts, preparation of policy recommendations, and a final oral presentation to the Summer School participants and faculty. The various experts that were consulted by the working groups included researchers at Transparency International Russia, the HSE Center for Labor Market Studies and the HSE Institute for Industrial and Market Studies.

Students presented the results of their work on the final day of the Summer School to HSE and FU Berlin experts who provided feedback.

At one of the final discussions, Summer School participants had the opportunity to hear about and exchange views on the planned project of PhD college and more generally, on ways to approach the topic of informality. Students' feedback on the Summer School's programme was solicited by the organizers. Overall, the students appreciated the diversity of approaches to the study of informality that were proposed during the lectures, for example that the methods section covered ethnographic, quantitative and experimental approaches to study these phenomena. Foreign students also gained from learning more about the wide range of thematic fields that HSE faculty are researching and benefited from the possibility to have direct access to Russian experts as well as establishing informal contacts with them.

Some of the visiting students expressed interest in planning a subsequent research stay at HSE and established some preliminary contacts with experts and research centres to this end. The School also offered an opportunity for HSE and FU Berlin professors to discuss common projects and future areas of collaboration.

Conclusions

In conclusion, the Summer School showed that a vibrant exchange of ideas and expertise between Russian and German scholars from various branches of the social sciences can provide a substantial foundation for a more nuanced and rich approach to the issue of informality and the interplay between formal and informal institutions.

Indeed, the discussions and exchanges during the Summer School showed that informality should not be confined to transition societies such as Russia, but can be seen as a natural occurrence in the development of formal institutions, as revealed in the cases of Germany and other West European countries. Informality is best studied as an integral element in the functioning and evolution of formal institutions and as a feature of modern societies rather than an indicator of "backwardness" or as a negative occurrence that is necessarily linked to corruption, clientelism and the shadow economy. Analyzing similarities and differences in the manifestations of informality in various cultural, socio-economic and political contexts is a first step to devising a richer research agenda around the topic.

Received: August 21, 2014

Citation: Di Puppò L. (2014) The International Summer School on "The Role of Informality in Socio-Economic Transition Environments". *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 115–117.

**Экономическая
социология**
Т. 15. № 4.
Сентябрь 2014

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 20, комн. 406
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Economic Sociology
Vol. 15. No 4.
September 2014

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>.

Open access policy

- “Economic Sociology” provides permanent free access to all issues in PDF.
- You can sign up to receive an email notice of each new issue as it becomes available. Please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>.